

Юрий Викторович Швец
Рок. Лабиринт Сицилии

книга первая



Юрий Швец

**Рок. Лабиринт
Сицилии. Книга первая**

«Издательские решения»

Швец Ю. В.

Рок. Лабиринт Сицилии. Книга первая / Ю. В. Швец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743092-4

Роман, в котором герои пытаются отыскать истоки добра и начало зла. Двигаясь дорогой жизни и свободы, укреплённой памятью родов, кои жили до них. Именно поиски зарождения истины, укрытой тьмой времени, заставляют наших героев мечтать, бороться, преодолевать трудности и ещё любить — любить жизнь, во всех её истинных проявлениях, задачах и мыслях. Я надеюсь, что те качества, кои будут вести наших героев, хоть немного передадутся и читателям. Информация будет разносторонняя и широкая...

ISBN 978-5-44-743092-4

© Швец Ю. В.
© Издательские решения

Содержание

Юрий Викторович Швец	6
РОК	7
ЛАБИРИНТ СИЦИЛИИ	8
Исторический приключенческий роман – сага	10
Пролог	15
Часть первая. Блики надежд	24
Глава 2	27
Глава 3	30
Глава 4	33
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	43
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	55
Глава 11	58
Глава 12	63
ГЛАВА 13	66
Глава 14	70
Глава 15	76
Глава 16	79
Глава 17	83
Глава 18	87
Глава 19	91
Глава 20	95
Глава 21	100
Глава 22	102
Глава 23	105
Глава 24	109
Глава 25	111
Глава 26	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Рок. Лабиринт Сицилии

Книга первая

Юрий Викторович Шве́ц

© Юрий Викторович Шве́ц, 2024

ISBN 978-5-4474-3092-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юрий Викторович Шве́ц

РОК

Книга 1

ЛАБИРИНТ СИЦИЛИИ

© 2015 – Швец Юрий Викторович

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.



Об авторе: Швец Юрий Викторович.

Вы любите захватывающие приключения и историю? Вам нравятся эпические романы с глобальными войнами и сражениями? Вы любите нераскрытые тайны и скрытые временем секреты, интриги и заговоры? Вам нравятся истории о глубочайших и внезапно вспыхнувших обоюдных чувствах, кои преодолевая множество жизненных препятствий и событийных барьеров, стремятся к соединению в единый благоухающий веночек любви? Вам нравится глубочайший экскурс в Культуру и Наследие живущих на земле народов? Вы любите познавательную, интересную литературу, чтобы узнать, познать истинные возможности самих себя? Вы хотите ОС-ОЗ-ЗНА-ть свою Божественную суть? Тогда, мы с радостью предлагаем вам прочитать интереснейшие книги такого же интереснейшего писателя и автора Швеца Юрия Вик-

торовича. То что озвучено сверху, абсолютно всё в полной мере присутствует в его произведениях. Сплетено в тот самый букет на высшем уровне современного прозаика. Книги Юрия Швеца могут читать читатели различного возраста, пола и интереса. Ничего предосудительного в них, в форме отступлений от КОНо-нов нравственности – вы не найдёте. А найдёте для себя именно то, что любите, ищите и цените... И много того о чём даже не задумывались... и не догадывались.

Юрий Викторович Швец – писатель, культуроВЕД, историограф, путешественник, ПРАгматик, философ. ВЕ-Дающий древнюю образность НАШЕГО языка. Совершенно незаурядная личность, коя не любит лезть «на глаза», «ЧУРается», сторонится всего того, что так публично пропиарено и духовито продвигаемо в современном, так называемом состоявшемся «обществе», и в нём изобилующих пустых скудоумных хайперов плоскости отшлифованных современным «образованием» полей ума... Он также обходит стороной все литературные конкурсы и подобные же, похожие мероприятия, ибо в них царствует венец современной морали, заретушированной иногда неким псевдопатриотизмом, но скрывающий в себе глубокий вирус нравственного разложения и многогранной психологической деградации. О настоящей же нравственности те самые слои и прослойки уже состоявшегося праха и не слыхивали... Поэтому, тематика книг Юрия Викторовича не может быть даже озвучена в таких «кругах» ввиду яркой неприязни там истин, в них присутствующих...

Родился писатель в древних сарматских землях в таком же древнем РОДу римненских казаков-ордынцев (По материнской линии рода Япрынцева, по отцовской линии принадлежит древнему РОДу запорожских сечевых казаков. Прапрадед автора по отцовской линии подвижник Богдана Хмельницкого сечевой атаман Павел Швец. Хоругвь Белоцерковная и Никопольская). Произошло рождение автора в лето Солнечного Жреца в Яриле, под духовной опекой дыхания Крышня. Мы думаем, что Юрий Викторович не мог родиться в ином месте, ибо только просторы Римненского края... имеют то самое приРОДное безграничье и раздолье, в коем может расти и крепнуть НАстоящий Вольный Дух. Сейчас этот край зовется Оренбуржьем. В нём РОДятся и РАСтут сорта белой пшеницы. Это не случайно... Случайностей... не бывает в Высшем Бытие. Земли Оренбуржья, до сих пор изобилуют древними курганами нашей иСКОНной Культуры и Наследия. Меж гор, холмов, полесья и степей... до сих пор живут Хранители нашей ТОЙ САМОЙ ИСКОННОЙ КУЛЬТУРЫ... Эти самые глубокие знания Юрий Викторович передаёт и нам... в своих книгах и романах... Все книги автора в электронном виде вы можете приобрести по гораздо выгодным ценам на личном сайте автора и в его творческой интеллектуальной мастерской «Мера Вита». Там же вы можете ознакомиться с блогом автора и его перепиской с читателями по различным вопросам, касающихся с-ТРОЕН-ия Мироздания и самого КОНА.

Исторический приключенческий роман – сага

Предисловие

Наше повествование пойдёт о временах с исторической точки зрения очень далёких и почти забытых, но если затронуть политические, морально-нравственные стороны нашей жизни, то окажется, что человеческий прогресс коснулся только технической части человеческой жизни, совершенно не затронув глубинного, душевного фундамента человечества. В нашем мире, также, как и раньше, существуют два полярных фактора человеческого сознания – ДОБРО и ЗЛО, которые часто подменяют друг друга, по «воле» и в угоду изощрённости тем «политическим кругам», кои управляют рупором современных средств массовой информации. Но главной ценностью этого мира (созданного, к слову, не дегенерирующим кругом ушлых политиков, а «Волшебством» осветлённой материи) всегда была «чья-то» жизнь и её свобода! Но... здесь остановимся на МИГ, дабы понять, именно ЧЬЯ свобода и жизнь, является, или должна являться для нас (расы людей) прерогативой всего, первейшей ценностью? Здесь, надо уточнить, почему на миг? Для этого и для того, чтобы иметь хоть какое-то представление о той подмене, коя произошла в культуре всего мира, надо открыть глаза на так называемую «необразованность» наших предков Славяно-Ариев, о коей так «трещат» лукавые рясоносители с крестами и узнать об истинном измерении времени, коим жили наши пращуры, славя свой Род и приРОДУ, при нём. Коли, мы уж начали с малых мер, от них и пойдём. Самая малая мера времени у славян был Сиг. А Сиг был равен удару молнии. Итак,

Миг = 160 сигов – отсюда и слово «сигануть», т.е. быстро переместиться (1 сек = 229960581120 сигов).

Мгновение = 760 мигов

Доля = 72 мгновения

Часть = 1296 долей

Час = 144 части

Сутки = 16 часов

Лето Священное = 369 суток

Лето простое = 365 суток

Лето простое -	Ⓕ	=	365	Ⓕ
Лето Священное -	Ⓕ	=	369	Ⓕ
Сутки -	Ⓕ	=	16	Ⓕ
Час -	Ⓕ	=	144	Ⓕ
Часть -	Ⓕ	=	1296	Ⓕ
Доля -	Ⓕ	=	72	Ⓕ
Мгновение -	Ⓕ	=	760	Ⓕ
Миг -	Ⓕ	=	160	Ⓕ

Чтобы, адаптировать вас, к этим измерениям, уточню, что в славяно-арийском часе было 90 минут, полтора современного часа. То есть, сутки были равны привычным нам 24 часовым,

с 60 минутной системой исчисления, но имели более гармоничное шестнадцатеричное построение суток и если, переложить их на привычный нам круг суток (то, что мы привыкли называть циферблатом на часах. Час – наше слово и понятие. «Цифири» слово с иврита, чуждое нам. Скажу более – оно с тайного первичного языка прародителей «библейских народов» – Лашенкоидыша. И «блат» их тоже нам не нужен. У нас был Числобог, отсюда «число с титлой». И заметьте, всё мы измеряем в числах, а записываем в «цифири». Чувствуете перекокс?! Наше славянское образное, объёмное число осталось в наших понятиях окружающего мира: «вычисления, числитель, численник». То есть, считаем образами Числобога, а бухгалтерию ведём в серой «цифири». А от нашей славянской «титлы» произошло понятие «титул, титульный...». Авт.), то сутки уместаются на одном круге и назывались они у наших предков — Ясной суток. То есть, наши Ясны-сутки помещаются на одном круге часов.

Месяца, тоже отличались от современных, так-как и недели. В месяцах было: в чётных сорок дней, в нечётных 41 день. В Священное лето все месяца имели 41 день, и приходило оно, через шестнадцатилетний цикл. В неделе, соответственно было 9 дней... и выходным днём, считался каждый третий день... И ещё, 1 сиг, был тоже делён нашими великими пращурами и равен он 14000 сантигов. И снова адаптация, 5 современных минут равны 8 славянским частям времени. Символика, приведённая мной наверху, наша славянская на Коруне – свод рун, насчитывающий 256 образных рун. Чтобы конкретизировать их применение, отмечу, применяются и сейчас. Некоторые сворованные или перевёрнутые. Например, эмблема движения Гринпис, перевёрнутая руна с нашим славянским значением Ман – человек. Кстати, это движение финансируется американской церковью сатанизма, которая имеет эту же перевёрнутую эмблему-руну, но без обведения круга. А вы думали «ман» взялось с английского языка? Нет, мои дорогие, куда не брось камень, попадётся в славяно-арийскую культуру. Но, кроме Коруны, у нас, славян, была буква из 49 Образных и Числовых букв. Далее, было ещё письмо на глаголице – так называемое «торговое» письмо. Далее, были «Черты и резы», кои знали все, и известные нам, как «берестяные» письма... Можно продолжить, я ещё не всё перечислил. Всего, у славян было шесть способов письма. Также, была Харийская Арифметика с числовым обозначением букв (я уже отмечал – никакие «цифири» подражателей нам были не нужны), с тремя способами умножений (плоскостное, объёмное, объёмно-временное (кое, сейчас, не изучают в школах совсем, ибо оно открывает пространственные «двери»)). А, также, умножение ровное, призмное, пирамидальное... и т. д. Но, пожалуй, этого достаточно, для вводного инструктажа... чтобы ввести читателей в краткий экскурс о мифологии «необразованности» славян. И я подчёркиваю, всё это существовало в до христианское время... А вернее, за многие тысячелетия до него. Это, ещё раз, в тему варварства славян... А знаете, в чём мы отличались, от других? Знанием и традициями... кои, просто не могли «осознать» и не осознают до сих пор! не обладающие шестнадцатерично-канальной системой восприятия окружающего мира и пространства. От простого чувства «зависть» нас объявили... мне, даже, смешно это повторять... Так, кто? варвары-то?!

Итак, после перемещения в просвещённое время наших пращуров, вспомним, на чём мы остановились? На том, что же является самой важной ценностью, созданного мира? Без чего не могут обойтись сами эти два «определения» – Добро и Зло, кои отражаются на нашей свободе и жизни? От – РА – жаются. Ра – прямое сияние Света. То есть, прямо проектируются перед нами. Проектируются Солнцем. Приведу самый маленький, но я думаю, самый существенный, для нас с вами, жителей этой страны, народа, нации, расы, пример, тем более за ним, далеко, в так называемую «историю», идти не придётся – ЭТО политически ангажированная сегодняшняя игра Западного мира с итогами Второй Мировой войны. ОНА происходит у нас на глазах. И у людей, ещё не утративших симбиоз памяти и здравомыслия (у нас

с вами он ещё есть, так-как в ней (в войне) погибла масса наших Родных, Близких людей и ПАМЯТЬ ЕЩЁ СВЕЖА) – эта «игра» вызывает непонимание и оторопь: «А зачем? Для чего? Какой смысл? Ведь это же бред?» Да, бред, но для кого?! Бредом это является для тех, кто столкнулся с ней своим лицом, горем и испил её «чашу» до дна. А, теперь подумаем, что она значит для тех, кто знает о ней намного меньше нашего, лишь понаслышке? А для только что, зародившегося и взрослеющих поколений? А для тех народов, коих война и вовсе не слишком «задела» своей горестной дланью? А для тех, по кому она (война) прошла лишь только по касательной? Для них, этот новый вброс о зарождении её причин, ходе, итогах становится совсем иным. Они уже с интересом слушают и одно мнение, и другое. И КАКОЕ ДЛЯ НИХ СТАНЕТ ИСТИНОЙ? зависит только от ЧАСТОТЫ произнесения ОДНОЙ ИЗ ВЕРСИЙ, в той среде обитания в кою они, сейчас, погружены! А погружены они будут в ту среду, в ту частоту, кою создадут ТЕ, кто на этой войне нажился, да и собственно развязал её! И, теперь, по прошествии некоторого времени, не прочь «подзаботиться» ещё на одной! Заодно, «опустив» порабощённую Цивилизацию на ступень ниже... «Баранами» править легче. Даже, приученная, адресированная собака, легко справляется с этим. Отсюда следует, что ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА – ДВА, СОВЕРШЕННО РАЗНЫХ ПОНЯТИЯ! Ибо первая создаётся искусственно, а вторая обусловлена ПАМЯТЬЮ!!! Почувствовали РАЗНИЦУ?! А, теперь, по порядку. Вот для этого, в своё время (изменив, кстати, и его (порядок)) и развели их (историю и культуру) друг от друга, в стороны, ПРИДУМАВ, создав первую (историю), чтобы стереть, закабалить или задвинуть подальше вторую (культуру)! А, теперь, задумаемся, а сколько раз, используется такой способ ПОДТАСОВКИ для омертвления, ЗАКАБАЛЕНИЯ нашей с вами ПАМЯТИ?! Ведь вот, прямо на наших глазах, сегодня, сейчас, практически людей ОДНОГО поколения «твориться» новая веха «ИСТОРИИ» о итогах Второй Мировой Войны. При всём этом «беспределе», почти не слышен голос «честных» историков? А может таковых и НЕТ? И не было никогда? ИБО, то, что они изучали не было никогда ПРАВДОЙ?! Помните наше родное славянское слово Кривда, которой в сказках меняют Правду. Так получается, что мы и жили в сказке! Но наши сказки Кривдой не назовёшь, а вот «историю»? КУЛЬТУРУ подменили исторической наукой (вдумайтесь «Наукой» – как правда может стать наукой? Ответ прост до абсурда – потеряй память, забудь истину, напиши, вбрось массу лжи, ахинеи, псевдодревних документов, подлинность которых, никто, никогда не устанавливал (для примера: работы Аристотеля и Платона, появляются только в 16 веке, до этого о них никто не слышал и не упоминал. Более того, их оригиналов на древнегреческом никто, никогда не видел. Нет их и сейчас! ни в одном музее западной цивилизации. Таких, примеров можно приводить бесчисленно. Отсюда, вопрос: – А был ли мальчик?), ибо не было на это заказа, пережонглируй датами, придумав и вставив в него «своё» прошлое, защити всё «это» созданное ложью узкого круга «мыслителей», прямыми мерами уничтожения памяти народов, посредством уничтожения самих же народов... (перечислять можно бесконечно долго, а коротко говаривали наши пращурсы – сделай Кривду Правдой)) и вот на свет, рождается псевдонаука, отодвигающая СВЕТ КУЛЬТУРЫ (для не понявших мою мысль, разъясню: культура – слово наших предков, пращуров, наше родное с вами русское слово, имеет смысловые разграничения; КУЛЬТУРА, КУЛЬТУР-Я – КУЛЬТ РА – непрерывное сияние Света, меня самого (наше солнце имеет непрерывный спектр свечения). КУЛЬТ ЯРА, где Ра – ЯР, ЯРИЛО – Солнце, Свет, Свет мудрости. Культ освещённый СВЕТОМ мудрости сияния РА. Яром. П-РА-вдой ЯРА. Я – МОЕЙ ПРАВДОЙ, моего СВЕТЛОГО РОДА. А разве возможно заплутать на дороге, освещён-

ной светом ПРАВДЫ, ЯРОМ, РОДОМ? Где каждый предмет на ней – оставленный ориентир предков? Нет, конечно! Свернуть с этой дороги – значит, заплутать во лжи! А заплутать среди Белого дня, на прямом, без закоулков тьмы, пути развития культуры?! И здесь НЕТ... для этого и нужна «наука», наводящая свою ТЕНЬ на ПЛЕТЕНЬ КУЛЬТУРЫ. Создав таковую, можно создать любую цивилизацию под СЕБЯ! Создавать прошлое, в рамках требования конъюнктуры «настоящего». Заставить КУЛЬТУРУ служить СЕБЕ в УГОДУ. Почувствовать СЕБЯ БОГАМИ! СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ творя историю и награждая себя званиями за это, благами этого созданного, под себя, мира... По-другому – это называется «порадеть» за стадо глупых мирян. ИТАК, сделаем для себя, из всего выше сказанного, вывод – история слишком скользкая, тонкая ниточка к нашему НАСТОЯЩЕМУ прошлому. И уже много раз, умышленно оборванная... но, связанная не очень искусными узелками (это легко вскрывается, если начинаешь «копаться» в её узелках, в её якобы «реальных» событиях), связанная не без потери целых отдельных участков Культуры, заменённых, или ввязанных в неё, целых клубков затенённой лжи, неправды, домыслов, до такой степени, что она стала похожа на спутанный клубок... без концов и краёв... Что и требовалось тем, КТО этот процесс замыслил и двинул его к осуществлению... ибо «наука», теперь, имеет под собой истинную основу – всё спутанно! Итак, из этого следует, что «Та Часть» этого мира, коя давно «сощурилась» на СВЕТ (КУЛЬТУРУ) и изобрела солнечные очки (ИСТОРИЮ), использовав их (её), чтобы создать «ТЕНЬ» для Разума цивилизации (РАЗ – ум, первая мысль, РАЗ-Заря – первое солнце) дабы оглушить его и лишить ПАМЯТИ, продолжает использовать тот же технократический, мёртвый приём, какой уже раз применяемый? против переобстроенной под себя (под них), под этот же «технопараметр», мёртвой – беспамятной (кстати, наши предки, пращуры писали «беспамятной, безсмертный и т. д. Авт.) цивилизации (я уточняю место и тему применения: о итогах Мировой войны) уже не против Нас с Вами (того % населения, кое ещё помнит недавнее прошлое – НАС они уже списывают со своих «СЧЕТОВ»! как отработанный материал), а беря в «оборот» уже следующие поколения «рабов»! ЭТОГО НЕ ВИДИТ, только СЛЕПОЙ, под ослепительными линзами «истории». Далее, из этого следует, что и мы являлись частью такого же ЭКСПЕРИМЕНТА! И должны покопаться в себе, в собственной Логике, если хотите, РА-ЗБУДИТЬ ЕЁ (а она у нас есть, в отличии от «тех» кто придумал, создал клубок «науки» истории), чтобы вернуться на дорогу КУЛЬТУРЫ, дорогу к СВЕТУ, к РОДУ, к ИСТИНЕ, к ХРАМУ. А, теперь, мы подошли к самому важному. НАИВАЖНЕЙШЕМУ, я бы сказал. Что же является или должно являться наиважнейшим в нашем существовании, сейчас, в данное время, чтобы СВОБОДА и ЖИЗНЬ снова процветали на нашей планете, в нашем с вами мире, построенного нашими пращурами? «Что» было отнято у нас с вами, последствия УТРАТЫ которого заставили нас свернуть с освещённой дороги КУЛЬТУРЫ, в тупики, «рождающейся» у нас на глазах «истории», заставляющей нас ВЫРОЖДАТЬСЯ, плодить дегенератов? Ответ прост – ПАМЯТЬ. Именно, этого нас лишают при рождении на этот Свет ВНЕШНИИ СИЛЫ РОДА, дабы мы (я, ты, он, она) не помнили свои прошлые инкарнации жизни (для непосвящённых: – это зовётся «третьим забвением»), и нашли себя в этой реинкарнации, без последствий прошлой реальности, прожив жизнь и наполнив её опытом Мира и борьбы в нём со ЗЛОМ. И вот именно ЭТИМ же способом, решили воспользоваться ТЕ, кто провозгласил себя «теньвыми богами» (действительно, зачем им изобретать Велосипед?), придумывая историю и стирая нашу КУЛЬТУРУ у нас В ПАМЯТИ. Нас лишили памяти не сразу. Постепенно. Именно, поэтому, у нас возник «провал» в КУЛЬТУРЕ, от написанной

«рождённой истории». Именно, поэтому, исчез протоязык, соединяющий народы и давший старт развития «тысячам», зародившихся на его обломках, языков (для справки, в мире сейчас 6800 языков). Но для того, чтобы «родить» их, надо было провести границы, чтобы отделить от общения массы общего народа. Разделяй и властвуй. Именно, поэтому, «родилась Норманнская теория зарождения Руси», дабы стереть след к протоДЕРЖАВЕ и царствующим в ней традициям БЛАГОЧЕСТИЯ РОДОВ, кое называлось САМОДЕРЖАВИЕМ РОДОВ, на основе традиций заселивших землю предков. Именно, поэтому, чехарда в культуре нашей страны, провалы в её событиях, мифы о Монгольском иге, кое должно было оставить хоть какие-то следы (я вырос на бескрайних просторах Урала, где монголами и «не пахло», как я ни старался найти их след или даже «запах» и, поэтому, в «пух и прах», готов разбить, разнести в клочья этот «МИФ», отправившись с любым «академиком» в этнографическую экспедицию), всё это заставило меня усомниться в верности нацарапанного «Ветхозаветного» писания «Нестора» (коего в реальности не существовало никогда, а если и был, то подделку «повести», вскрыл ещё Радищев, а следом Татищев, но об этом умалчивается) ещё в семнадцать лет от РОДУ... и заставила меня покопаться в памяти РОДОВ, своей памяти, истоков Культуры, попутешествовать, потрогать, пощупать, логически соединить не соединяемое (мне стало «страшно» после этого, кто же у нас, носит звания Академиком?) и «засомневавшись», вернуться ко всему с полным анализом того, что мне удалось обнаружить и в архивах, и в народной памяти, и в беседах с теми, кто будучи историками, сохранил честь и здравомыслие, и тоже чувствующих «исторический» подвох тьмы «науки» (замечу, такие есть и они, будучи людьми честными, стараются хоть, как-то сгладить наслоение лжи, там, где это возможно, пытаюсь «проредить» их столь обильный посев. Но, они, будучи встроенными в «органику» существования науки, испытывают крайнее озлобление и противодействие, от находящихся рядом «посредственностей», кои уже получили свои «степени»: «академические», «докторские» «кандидатские» и т. д и т. п... И, вследствие чего, готовых «острыми академическими зубами» рвать противников «науки» на куски, правда, не покидая комфортных условий кабинета). Поэтому, со временем, и родился этот роман-сага, в котором герои, пытаются отыскать истоки Добра и начало Зла... двигаясь дорогой ЖИЗНИ и СВОБОДЫ, укреплённой ПАМЯТЬЮ РОДОВ, кои жили до них... Именно, поиски зарождения истины, укрытых тьмой времени, заставляют наших героев мечтать, бороться, преодолевать трудности и ещё любить – любить жизнь, во всех её истинных проявлениях, задачах и мыслях... Я надеюсь, что те качества, кои будут вести наших героев, хоть немного, передадутся и читателям. Информация будет разносторонняя и широкая. Ответы на возникающие вопросы обязательно будут даны... в последующих томах, по мере чтения всей саги-романа и мысленной образностью сложенных алгоритмов мышления самих читателей в общую картину. Но... многое, я бы сказал ещё большее, вложено между строк текста саги. Между строк и Разумом каждого читателя. Ведь, у каждого – свой путь к пробуждению... У кого-то он длинней, у кого-то короче, кто-то совсем не хочет просыпаться... выбор за каждым. И не забывайте, это прежде всего художественное произведение... Итак, начинаем...

Веды познаются через живое Слово

Ибо токмо живое Слово

Раскрывает смысл, сокрытый в Ведах.

ДаждьБог

Пролог

*Война – есть основная черта
сумасшествия озлобленной, собственной глупостью,
людовой массы...*

Автор.

С моря потянуло свежестью. Морской бриз подул вечерней прохладой, бесшумно пробирающейся по изрезанным береговым неровностям, к растущим у устья реки диким зарослям мимозы и гордо возвышавшимся над ними кипарисам. Там, подчиняясь законам природы, прохлада устремлялась на холмистую равнину с небольшими островами зарослей терновника и акаций. Издали, равнина выглядела неравномерно бугристой и оттого напоминала странно вспаханное, и неровно истоптанное поле. По обеим сторонам равнины, с такими же неровностями и буграми, возвышались холмистые возвышенности. Эта странная, возникающая во взгляде со стороны, характеристика местности, притягивала парящих над равниной грифов и беспрерывно каркающих ворон. Они, будто подчиняясь чьему-то таинственному для человека зову, слетались сюда со всей округи. Вопрос о цели, столь многочисленного их собрания, имел решение, если только любопытствующий приближался к равнине на несколько стадиев. Его глазам, в неярком свете, опустившегося к горизонту солнца, открывалась страшная картина... Над равниной и холмами безраздельно властвовала тень смерти. Тысячи мёртвых человеческих тел лежали вперемешку с мёртвыми или ещё дышащими и хрипящими, пускающими пузыри через ноздри, надувающиеся кровью, бьющимися в агонии лошадьми. Местами мёртвых тел было столь много, что для того, чтобы продвигаться вперёд и не идти по телам, приходилось двигаться по замысловатой кривой, огибая места, где смерть особо яростно утоляла свою жажду. В воздухе стоял солоновато-сладкий запах крови, которую, выполняя несвойственную ей роль, сколько могла, вбирала в себя земля. Теперь, становилось понятным, какой запах, притягивал сюда каркающих пернатых...

От прилегающих с запада к равнине холмов, отделился конный отряд с расписными бело-золотыми штандартами знаменосцев. Отряд, как видно, преодолел немалое расстояние в бешеной скачке. Взмыленные кони, никак, не могли перейти на ровный шаг, били копытами, фыркали, кусали удила, пытаясь отдышаться. Достигнув же края поля и почуяв веянье смерти на ней, они и вовсе вздыбились, отказываясь подчиняться своим наездникам. Гривы их приподнимались, а ноздри тревожно тянули воздух. В голове отряда, просматривалась дюжина воинов, в высоких шлемах с яркими, различными по цвету плюмажами критской работы. Их плащ-накидки, расшитые на итальянский манер, были забрызганы кровью так, что севшая на них пыль напоминала комья грязи – так плотно она прилипла к ней. Кожевенные доспехи и поножи греческой работы ярко блестели бронзовыми вставками в лучах вечернего заката солнца. Все были возбуждены... Видимо, горячность прошедшего боя, тревога, нервное напряжение пережитого в течение дня – всё это отразилось на их лицах. Но, постепенно, мысль о великой победе, ещё утром казавшейся фантастически несбыточной, заполняла сердца и разум безудержной радостью и счастьем. Их лица светлели, глаза некоторых наполнились слезами гордости за стойкость своей армии, которая выстояла и победила армию врага, в два с половиной раза превосходящую по численности их собственную. Здесь, были люди разных племён и народностей – смуглые нумидийцы выделялись не только кожей, но и своими боевыми скакунами с грациозной осанкой и тонкими длинными ногами. Были, здесь, и иберы, на сильных испанских лошадях с мощным крупом, сильными ногами и большими копытами. Также, среди присутствующих, были люди греческого происхождения и очень много сирийцев. По манере держаться, жестикулировать было совершенно очевидно, что это не простые воины,

а собранные здесь чьей-то волей командиры различных частей армии. К отряду с разных сторон прибывали новые группы всадников, и всеобщее победное ликование, сливаясь воедино, приобретало звук нарастающего гула...

В это время со стороны холмов появился ещё один конный отряд, численностью, примерно, втрое меньше первого – две с половиной турмы – около сотни всадников. Отряд шёл неспешной рысью, в строгом порядке, по десятку всадников в ряду. Впереди, в сопровождении трёх всадников, выделялся воин в полностью закрывавшем лицо, глухом спартанском шлеме, с плюмажем в виде веера, который своими боковыми концами касался плеч всадника, при каждом шаге его коня. Его серый от пыли плащ был прижат, перекинутым за спину, большим круглым щитом белого цвета, с рисунком морских волн и лежащим на них, перекинутым лодочкой, месяцем. Строгие крепкие кожаные доспехи воина без каких-либо украшений были аккуратно подогнаны под мускулистое тело. Из всех возможных украшений, на нем была только яркая золотистая фибула, застёгивающая плащ на левом плече. Из чего, можно было предположить, что она ему очень дорога и человек этот левша. Два испанских меча различной длины висели по бокам воина – для конного и пешего боя соответственно. Под воином, была сшитая из леопардовых шкур подстилка, застёгивающаяся на крупе лошади системой кожаных ремней. Гнедая масть чистокровного испанского скакуна свидетельствовала, что наездник, в своём выборе лошади, руководствуется силой и надёжностью коня, предпочитая эти качества быстроте и грациозности. Именно эта поступь гнедого жеребца заставляла полосатый веер плюмажа его шлема, собранного из белых и чёрных конских грив, то подниматься вверх, то опускаться своими чёрными концами на плечи воина... совершая колебательное движение то вверх, то вниз.

Завидев, приближающуюся турму всадников, группа конных командиров тронулась навстречу, а около тысячи конных всадников, собравшихся за это время, вокруг них, прокричали приветствие, перешедшее в звучный, протяжный рёв, в котором слились воедино человеческие голоса и ржание испуганных лошадей:

– Барка!!!

Им вторили и обслуживающие машины расчёты «скорпионов», которые были прикрыты зарослями терновника и, поэтому, оставшимися незамеченными, а также, появившиеся на восточной окраине поля, стройные каре, возвращающейся после преследования обращённого в бегство врага, пехоты:

– Барка!.. арка!.. арка!.. – Рёв перерос в громоподобный гул, а многократное эхо разнесло его за сотни стадиев вокруг холмистой и бугристой равнины.

Не доезжая ста конских шагов, до группы военачальников, воин в спартанском шлеме, с необычайной лёгкостью, соскочил с коня, перепоручив поводья одному из сопровождающих его ординарцев. Оставшись пешим, он стал выслушивать и давать какие-то распоряжения воинам, догнавшим его, видимо, с донесениями. Дав необходимые указания связным, он двинулся к спешившимся уже соратникам:

– Да пребудут с тобой все великие боги, Ганнибал! – воскликнул один из военачальников, голос которого был зычным и выразительным. – Ибо, ни страшный Бааль, ни воинственный Арес, ни доблестный Марс, ни лучезарный Аполлон не отходили от тебя сегодня, Барка! вдохновляя тебя на столь великие деяния! А ты, своим примером, вселил в нас силы стократ превышающие человеческие! Ибо совершить подобное, без тебя, никто из нас никогда бы не замыслил! Да будет славен род Баркидов, на все времена, пока существует воинская доблесть!!!

Говоривший снял шлем, распустив тёмные кудри необычайно густой шевелюры. Это был человек высокого роста, сухощавого, но очень жилистого телосложения. На вид ему было более пятидесяти лет. Он имел сирийский тип лица, высокий лоб, густые брови, очень выразительные глаза, в которых трудно спрятать хитрость и совершенно невозможно лезть. Всё это говорило о человеке очень прямого, добродушного нрава:

– Клянусь грозным Баалем, – продолжал сириец, – твоя слава начинает затмевать славу Гамилькара, покорителя Испании, которому помогали все боги Олимпа!

– Да, Диархон, – вступил в разговор стоявший рядом смуглый человек, по манере говорить в нём угадывался уроженец испанского города Гадеса. – Но, насколько я знаю, боги Олимпа непостоянны и завистливы. И, тут же, постараются поставить подножку чуть возвысившемуся до их ранга герою! Так было с Гераклом и Ясоном, да и Гамилькара они не спасли от отравленной стрелы. Что же касается тебя, дорогой Диархон, то за тридцать пять лет службы Баркидам, несмотря на все твои подвиги, ты не удостоился большего чина, чем тысячник! Так что же, Диархон, боги не оценили твои деяния? Или Баркиды?

– Ну что же, в некотором роде ты прав, Креол, – согласился Диархон, – действительно, хвастунам, льстецам и прохвостам намного легче продвинуться вверх, чем честному служаке. Да, действительно, за свои годы мне многое удалось повидать, но я не герой! И, поэтому, я не интересен богам. Не интересны им и льстецы, завистники и, тем более, прохвосты, они их не замечают, как не замечают крыс! Ну, бегают они, копаются где-то, ну и пусть бегают. Герой же – это другое дело. Помыслы его не всегда соответствуют помыслам Богов, а распорядившись собственной судьбой, он нередко распорядится судьбами следующих за ним народов. А это Боги считают своим уделом! И смотрят на это сквозь брови! Но, насчёт Гамилькара ты не прав... До сих пор, не ясно, где сидели заказчики тех убийц, выпустивших стрелы? В Риме? Или в Карфагене? А может и в Египте...

– Соратники, хватит пустых споров, сегодня Великий день, заставивший приумолкнуть даже трубы славы Великого Александра, – вступил в разговор грек Теоптолем. – Хотя, если упомянуть то, что ты сказал по части Диархона, то ты не прав, Креол. Ещё Гамилькар предлагал ему стать суфжетом Баркидов в Совете, после того, как Диархон, сложил с себя полномочия адмирала флота, но он отказался! Меч и копьё, для нашего Диархона, намного ближе сердцу, чем папирус с кознями и интригами. Я сам тому свидетель.

– О чём спор, друзья? – спросил подошедший к этому времени Ганнибал, сняв свой спартанский шлем, открыв светлокжее лицо с мягкими каштановыми волосами до плеч и небольшой бородкой. Черты его лица были правильными. В них было больше европейских линий, чем восточных: высокий лоб, ярко выраженные надбровные дуги, тонкий, чуть вздёрнутый нос, выразительная улыбка, очень широкие скуловые кости. Глаза были разного цвета: левый – серо-зелёный, правый глаз был ослепший и, поэтому, блеклый. На правой стороне лба, ближе к виску, был рубленый шрам, почти скрытый прядью волос, но по цвету затянувшегося рубца, опытный человек мог предположить, что получен он был более десятка лет назад. Если, уж говорить о шрамах, то их было достаточно, и на левом локте и выше, на левом предплечье. Посему, можно было догадаться, что и на теле Ганнибала также есть следы от холодного оружия, так-как человек этот вырос среди оружия, любит оружие, спит с оружием и применяет оружие с большой решительностью.

Ганнибал выглядел совершенно спокойным, будто не совершал сегодня никакого сражения. На его лице не угадывалось и не выражалось ни тени ликования.

– О, достойный сын достойного отца! Клянусь страшными тенями Аида, для меня нет счастливей минуты, чем эта минута, когда я вижу тебя в ореоле славы, подобной славе царя Александра! Как несправедливо, что тебя сейчас не может видеть Гамилькар! Ведь ещё твой дядюшка, славный Карталон, говорил мне, когда ты, совсем мальцом, гонял детвору деревянным мечом в апельсиновой роще близ храма Милгарта: «Смотри, Диархон, из этого отпрыска Гамилькара выйдет славный воин!» Дай обнять тебя, Барка, ибо ты мне как сын! – с этими словами Диархон обнял Ганнибала. А стоявшие вокруг воины и военачальники закричали боевой клич Баркидов, перешедший опять в громовой гул:

– Барка! Барка! Барка!

– Дорогой Диархон, – отвечал Ганнибал, – ты всегда был самым преданным другом моего отца, а твоя отвага и умение в воинском деле были для меня примером, на который мы с братьями старались равняться во всём. Но клянусь, расположением к себе Зевса и Ареса, я никогда не променяю твою преданность, мне и моим братьям, ни на какие блага этого мира! – с этими словами Ганнибал крепко обнял в ответ Диархона.

Поприветствовав Диархона, он повернулся ко всем присутствующим:

– Соратники, – обратился к окружающим его воинам Ганнибал, – сегодня в сражении вы стали равными в подвиге своём бронзовым статуям героев Александра, стоящим на портиках базилик Александрии. Я склоняю голову в честь павших героев и славлю победивших! Слава выстоявшим героям и победившим! Утраты велики, друзья, и огромна горечь от потерь! Но слава победы слаще! Победа, друзья! – Ганнибал поднял вверх обе руки.

В ответ раздалось:

– Слава Карфагену! Слава Ганнибалу!

Равнина наполнилась восторженным гулом собравшегося с разных сторон войска. Ганнибал вновь обернулся к собеседникам.

– А между тем, Ганнибал, мы рассуждали о незавидной участи великих героев, коими были Геракл, Ясон и последователей их подвигов: Александра – покорителя Востока, Гамилькара – покорителя Иберии, непобедимого Пирра! О непостоянстве богов олимпийского пантеона, которые, проявляя качества присущие простым смертным – зависть и жадность к славе, обрывают нить судьбы героя в самый пик его славы! – напомнил тему спора Креол, военачальник пращников – болеар.

– Да, эта загадка пока нами, простыми смертными, не разгадана, – заметил Ганнибал, после некоторого молчания. – Игры и потехи Богов – промысел самих Богов! Ярким примером тому служат истории с Ганимедом и царём Мидасом. Упомянутый тобой пантеон Богов, удалился от земных забот в свои Небесные дворцы. Нам же, смертным, приходится опираться на славу и силу Рода, и довольствоваться временем благосклонности удачи, чтобы оставить след в людской памяти.

Ганнибал замолчал на несколько секунд, затем спросил:

– Где развёрнута помощь раненым? И почему, до сих пор, не возвратилась конница Ганнона?

– Лекари-критяне во главе с Леонтием расположились за тем холмом, на котором стоят «скорпионы», – отвечал Теоптолем, – а от Ганнона никаких вестей ещё не было! Я послал уже двух гонцов, но они пока не вернулись.

В этот момент с юга, от побережья, стала заметна густая пелена, быстро превращающаяся в облако пыли. Послышался звук труб. Все обратили взоры в том направлении. Через несколько мгновений, к ставке, на взмыленном коне, прискакал запыхлённый гонец с известием:

– Конница Магарбала возвращается!

Ганнибал поднялся на расположенный неподалёку пригорок и ещё раз осмотрел поле сражения, погрузившись в размышления:

«Вот она, победа! Победа, о которой мечтал, но не дожидая отца! Всю свою жизнь он боролся с Римом, мстил за свою жену, мою мать. Воспитывал в нас ненависть ко всему римскому. Взял с нас клятву – о вечной вражде с Римом. Но сам погиб от предательской засады, которую организовали не только римляне, и не враждебные кельтиберы, но и свои, „проверенные“ воины. Кто их нанял?..»

В этот момент Ганнибала что-то отвлекло от хода его мыслей... Он вслушался в победное ликование в своём стане... Воины пели. С разных сторон стана, на различных языках, доносились отрывки песен. Воины пели различные песни: карфагеняне свои баллады, нумидийцы непомерно затянутые, но весёлые, с «переливами» различных голосов... Уроженцы Испании зычные, с ярко выраженной ритмикой и энергетикой... Вдруг, среди этой разноголо-

сицы, он отчётливо услышал голос своего отца?! Будто и он подхватывал, как это было раньше, на пирах в Гадесе, свои любимые песни... Голоса менялись... Теперь, Ганнибал, совершенно ясно, отчётливо, различил голос своего дядюшки Карталона?!

«Карталон, – Ганнибал снова вернулся к своим размышлениям, – герой-одиночка, искуснейший фехтовальщик, выигравший турнир мечников на Самосе... Победивший в поединке, спартанца Пехнелая, в битве при Хадаште, до того времени, считавшегося непобедимым! Снявший римскую осаду с Акраганта и разбивший их у Эрбесса... Но не успевший, вследствие этого, прийти на помощь Гамилькону в битве у мыса Экном и, поэтому, вероломно обвинённый в предательстве, по навету Священной Касты, и отравленный Жрецами Касты и Советом суффетов, в котором тогда главенствовали Ганноны... Священная Каста, – продолжал размышлять Ганнибал, – именно к ней повела ниточка смерти и Гамилькара! Один из убийц был ещё жив и прохрипел „что-то“ про договор со Священной Кастой! Но разгневанный Ферон пригвоздил убийцу копьём, не дав присутствующим дослушать его бормотание. Впрочем, случайно ли это сделал Ферон? К сожалению, это уже не проверишь... Сам Ферон, через год, погиб в схватке с пиратами. Смерть... Смерть постоянно путает следы и затуманивает разум...»

Воспоминания Ганнибала снова вернулись к живому отцу... Вот он верхом на высоком чёрном коне въезжает в Карфаген после первого мира с Римом... На нём белый хитон с греческим орнаментом... Народ рукоплещет ему! Любовь простого люда к Гамилькару раздражает и озлобляет Совет. Суффетам кажется, что им на Сицилии нажито и припрятано огромное состояние, которое он использует по своему усмотрению. Впрочем, так и было... Гамилькар три года, один, на свои средства, удерживал провинцию на Сицилии, стояв лагерем со своим наёмным войском на горе Эрик. Карфаген не посылал Гамилькару ни денежной поддержки, ни войсковых подкреплений. Гамилькар сам нанял и сам обучил своё войско. Небольшое, всего пятнадцать тысяч, но с этим войском он наносил римлянам поражение за поражением, прочно удерживая провинцию. Несколько раз римляне пытались крупными силами взять лагерь штурмом, но неизменно терпели фиаско. Гамилькар же, спускался с горы, и довершал разгром у подножия... Блокада горы, тоже, не приносила римлянам успеха... У Гамилькара был свой небольшой, но грозный флот! А у горы – удобная гавань. Из гавани он вёл подвоз фуража и продовольствия... Ганнибал это хорошо помнил, ведь он прожил эти три года, после смерти матери, в том самом лагере – на горе Эрик. Ганнибал помнил этих жутких, разноплеменных воинов, с которыми мог справиться только Гамилькар и, только, ему они подчинялись. Помнил он и то, что случилось с этими воинами в Карфагене после войны...

«...Смерть... смерть безмолвный свидетель... подвигов и предательств, побед и поражений... Здесь, среди павших десятков тысяч римлян, лежат свои герои, люди с высокими помыслами и с не меньшим тщеславием, и смерть они приняли в сражении с невероятной храбростью! Хотя, с той же храбростью они наносили поражения другим народам, порабощая и грабя их по воле Сената... У нас Совет суффетов и Священная Каста, там в Риме Сенат и олигархическая герусия! И, здесь, и там, сборище алчных людишек, из-за невероятной жадности которых люди режут глотки друг другу, порождая ненависть и месть. Мечь и смерть – эти слова столь схожи, что кажется, образуют друг с другом неразрывную связь, и люди, выбрав парусом своих действий мечь, так и делают, сея смерть себе подобным! Ибо мечь, есть изобретение людей! Мечь питается ненавистью – одним из самых пагубных чувств людской массы! Природа ненависти различна, но финал всегда один – гибнет душа... Смерть же является первозданной составляющей природы, власть её безгранична и приход неизбежен! Хотя её приход не всегда осуществляется по её воле, она легко переносится остриём меча или копья, которые в свою очередь и являются орудиями ненависти, и мести! Но, приход Таната – Смерти, может, быть вызван, также чумными морами, наводнениями, голодом... И, придя к человеку, смерть навсегда избавит его и от мыслей о мести, и от ненависти, и от всех пороков, и добродетелей! Она беспристрастный стиратель человеческих эмоций. Она зло и добро в одном лице.

Сколько врагов она помирила сегодня?! Сколько она сделала героями?! Может быть, чтобы закончить эту войну, она должна была „обнять“ обе армии?.. Но она обняла, сегодня, только римскую...»

Тут размышления Ганнибала были прерваны прибытием Магарбала, который, поднимаясь на пригорок, где стоял в раздумьях Ганнибал, ещё издали, воскликнул:

– Клянусь, милостями богини Танит, род Баркидов не забыл своё ремесло и семьдесят тысяч римлян, лежащих на этой равнине, тому свидетельство. Я приветствую сына Гамилькара и склоняю голову в честь блестящей победы, в которую вчера, если быть честным, я верил с трудом! Но сегодня, утром, после твоих слов, мы все почувствовали такой прилив доблести, что я, клянусь садами Милгарта, подумал: «Не зря этот узкозадый верховный жрец Священной Касты Капитон, который так любит ваш род, – засмеялся Магарбал, – называет вас «отступники-чародеи»! Ты бы видел, Ганнибал, как бились мои нуммидийцы! Консульская конница была рассеяна, как пепел по ветру!

– Да, доблестный Магарбал, честь и слава твоим всадникам, их напор и быстрота были половиной нашего успеха! – Ганнибал обнял Магарбала. – Сколько пленных, Магарбал? И где консулы?

– Пленных около восьми тысяч. В основном пехота. Консула я видел только одного – бежал! Его, согласно твоему приказу, хотели догнать, но его прикрыла первая когорта. Пока сражались, консул ушёл. Судьба второго мне неизвестна.

При этих словах Ганнибал остановил на нём свой тяжёлый взгляд. Несколько мгновений, он о чём-то думал, при этом было видно его волнение, потом спросил:

– Так, где же всё-таки Ганнон?

– Грабит римский лагерь, Ганнибал! – ответил подошедший к ним Теоптолем. – Гонец только что прибыл.

Лицо Барки загорелось гневом:

– Этот человек, вчера на Совете, обвинял меня в близорукости, убеждал в неизбежности поражения, предлагал оставить римлянам наш собственный лагерь и бежать к Равенне, под прикрытием флота, которым командует его брат Архон. А теперь, он оказывается в римском лагере, несмотря на мой приказ захватить переправы через реку! – в голосе Ганнибала лязгнуло железо.

– Вчера, на Совете, он пёлся о наших жизнях, как он говорил! Хотя, мне кажется, он заботился только о своей. А сегодня, Ганнибал, он печётся о римском золоте, чтоб ни один талант не просыпался мимо кладовых суффетов Ганнонов! – заметил испанец Креол.

– Зря, ты оставил этого соглядатая и доносчика Совета у себя в войске, Ганнибал! Гамилькар на дух не переносил шпионов и избавлялся от них, как мог! Вот увидишь, он уже отправил своих гонцов с донесением о победе! Где, конечно, себе приписал одну из первых ролей! – добавил Диархон.

Ганнибал не ответил, он о чём-то думал... Лицо его, вновь, приобрело своё обычное спокойное выражение:

– Ну что ж, тогда, окажем честь Ганнону! – наконец, произнёс он. – Теоптолем, передай Тимандру, чтобы по возвращению он принял командование конницей ветеранов. Пошли также весточку в Равенну, – продолжал Ганнибал, – командующему флотом, что его брат Ганнон отбывает завтра к нему, для сопровождения груза трофеев и золота вместе со своей тысячей всадников в Карфаген!

– Мудрое решение, Ганнибал, – вступил в разговор вновь Магарбал, – ты бьёшь им сразу двух зайцев. Теперь Ганнон не сможет пожаловаться Совету, что ты не доверяешь ему важных поручений! И, в то же время, ты оставляешь Совет без глаз и ушей. Клянусь, мудростью Баалая, ты бьёшь своих недругов их же оружием!

Магарбал весело засмеялся, одобрительно похлопав Барку по плечу, потом спросил:

– Что будем делать с пленными римлянами?

– То же, что и они с нашими. Переправим в Тарент, на греческие рынки рабов, – спокойно ответил Ганнибал.

– Но, ведь, Тарент числится союзником Рима! Ты не думаешь, что купцы, боясь гнева и мести римлян, вернут их Риму за выкуп? – недоумённо взглянул на Ганнибала Магарбал.

– Да полно, Магарбал! Ты плохо знаешь обычаи квиритов. Для Рима их больше не существует! Сдавшись в плен, они фактически потеряли гражданство, и выплачивать выкуп за дезертиров этот народ-воин не будет!

Между тем, на равнину почти спустились сумерки. Воины зажигали факелы и разводили костры. Из темноты на свет факелов вышли три силуэта и, поговорив о чём-то с Теоптолемом, направились к Ганнибалу. По всему было видно, что они были давно ожидаемы, ибо, только заведев их приближение, Ганнибал тронулся им навстречу.

– Ну, что? – спросил он подошедших воинов, из чего стало понятно, что они выполняли какое-то из его поручений.

– Нашли одного из консулов, Ганнибал! – ответил один из них, по-видимому, старший дозора.

– Что? – переспросил Ганнибал. – Пленён? Ранен? Убит?

В сгустившихся сумерках черты лица его были сокрыты. Но, по этой реплике, интонации вопроса, всем стало понятно – стратега по какой-то причине очень сильно волнуется судьба консулов.

– Убит! – ответил прибывший.

– О, Великие боги! – воскликнул Ганнибал. – Я же приказал довести до каждого командира – консулов не убивать! А, если возможно, взять живыми!

– Он убит снарядом из пращи, Ганнибал, в голову.

После этих слов Ганнибал замер. Некоторое время он молчал, потом резко повернулся и произнёс:

– Возьмите факелы! Я должен это видеть. Как это далеко? – обратился он к дозорным.

– Стадиев двенадцать, около устья ручья.

– Ведите, – произнёс Ганнибал.

Поздний вечер. Сумерки сменились тьмой. Ночная прохлада гонит волны к берегу и с шумом разбивает их о прибрежные камни. Береговая растительность замерла до утра, приняв сказочные очертания. Ночные птицы перекликаются друг с другом какими-то таинственными, пугающими сигналами. Всё покрыто мраком. Только вода, неглубокой в этом месте речки, устье которой небольшим разливом впадает в море, светится рассеянным светом отражённого лунного диска. Этот свет, подхваченный течением, множится на бесчисленных неровностях бегущей и журчащей воды и мириадами отблесков спешит к морю. И эти самые огоньки, стремящиеся в море, попадают под бушующую, грохочущую стихию, коя гневно тушит их своими холодными гребнями набегающего прибоя...

Вдоль, береговых зарослей, тянущих свои ветви к самой кромке воды, не спеша, двигается с десятков светящихся точек. Огни то замирают, то тянутся друг к другу... Потом, они опять расходятся и продолжают движение в сторону моря... Через, некоторое время, по мере приближения огней, можно уже различить ржание лошадей и нестройный звук шагов пеших и конных фигур. Люди что-то ищут...

Но вот несколько факелов соединились в один сгусток света, освещая как можно большее пространство. А один, отделившийся факел, начинает делать детальные круговые движения... Это, по всей видимости, условный знак – цель найдена!

Из темноты к освещённому кругу шёл человек. Черты его лица не просматривались, но фигура была отчётливо видна. Роста он был выше среднего, коренаст, атлетизм тела сильно

подчёркивали пружинистые ноги и развитый плечевой пояс. Размашистая походка говорила о том, что человек этот много двигается. Подойдя к освещённому месту, человек наклонился...

В высоком прибрежном тростнике, вповалку, лежали убитые римские триарии. Они лежали в таком порядке, что опытный глаз Ганнибала определил: «Каждый раз место убитого триария занимал другой, чтобы не расстроить ряды „черепашки“. Триарии храбро сражались, защищая и прикрывая своего консула»... У многих поверженных врагов, за спиной, висела луза с фасциями. Это были ликторы консула – его личная гвардия. Большинство из них были убиты в лицо, тяжёлыми критскими стрелами... Ганнибалу представился весь драматизм разворачивавшихся здесь событий...

...Триарии и ликторы, образовав вокруг своего консула живой четырёхугольник, так называемую «черепашку», продвигались к переправе через устье реки, окружённые со всех сторон легковооружёнными воинами Ганнибала, которые осыпали их метательными снарядами. Они отважно выполняли свой долг – защищать консула. Но подошедшие критские лучники сильно замедлили продвижение отряда, выкашивая их ряды своими тяжёлыми стрелами...

Ганнибал склонился над убитым консулом. Он лежал на левом боку, подогнув левую руку со щитом, под себя. На нём, совершенно, не было никаких ран... Только светлые пряди его волос запеклись кровью на правом виске. Глаза его были открыты, лицо не выражало никаких эмоций. Только в глазах читалось немое удивление... Полнота картины трагедии дополнилась...

...Вдруг один из триариев присел на колено, его икра была пронзена стрелой. В образовавшуюся брешь влетел свинцовый шарик, выпущенный опытным пращником с такой мощностью, что тот сбил бронзовый нащёчник на шлеме консула и, сместившись от столкновения, ударил чуть выше, в область правого виска. Золотые кудри смягчили удар, сколько могли, но итог удара был необратим. В глазах консула потемнело... Храбрые ликторы, видя смерть своего командира, защищали его тело до последнего...

Ганнибал смотрел на лицо мёртвого консула. Черты его почти не изменились. В них он узнал черты Литиции! Такой же разрез глаз, форма носа, волосы... Он вспомнил, как был поражён сходством их пластики движения чуть более двух суток назад, когда имел тайную встречу с этим человеком...

«Почему, именно, он? Почему не тот, другой, который, мня себя великим полководцем, распорядился о начале сражения и повёл на бойню цвет римского народа? Почему, смерть выбрала его? – терзал себя вопросами Ганнибал. – Почему, людей, к которым я начинаю испытывать доверие, настигает рок?» – Ганнибал закрыл глаза, ему вдруг представилось лицо Литиции, залитое слезами, когда она получит известие о смерти единственного любимого дяди. Какие чувства она будет испытывать к нему после этого? Ганнибал вновь вернулся к воспоминаниям о встрече с консулом... Именно, от него, он узнал, что и в Риме есть люди, которым надоела эта бесконечная война и вражда! Он очень верно заметил, что в этой войне выигрывает не тот, кто храбро сражается и воюет, а тот, кто делит навоёванное!.. Он убеждал Ганнибала покинуть Италию, а Сенат начать переговоры с Советом суфетов... Но вот он мёртв. И помыслы его об окончании войны растаяли вместе с ним, как туман. Теперь, семьдесят тысяч мёртвых римлян, требующих мщения, перевесят чашу весов в сторону войны.

Ганнибал выпрямился: «Ну что же, рок ведёт меня дальше! Судьба Рима, сейчас, висит на волоске. Его военная мощь испытала, сегодня, колоссальные потрясения. Но мощь Рима в данный момент опирается не только на армию латинян, упор делается также и на союзнические силы. Политика Сената Рима с её республиканскими принципами очень мудра и взвешена. Многие соседи Латиума уже получили гражданские права, увеличен плебисцит, провозглашены избирательные права муниципий. Всё очень логично. Специально созданные магистраты и цензоры контролируют исполнение прав. Рим как бы не завоёвывает союзнические государства, а поглощает их, давая взамен им своё государственное устройство. Делается

это не сразу, а постепенно, по мере романизации местного населения. Не учитывать сейчас силы буферных государств – союзников Рима – и идти в Латиум – большая ошибка! Мне нужно „другое“!» – подытожил свои размышления Ганнибал.

– Поднимите консула, соберите все знаки консульской власти, и завтра утром отправьте с обозом в сторону Неаполя, до ближайших римских военных разъездов! – приказал он.

– Клянусь, нимфами священной рощи Гадеса, ты слишком благороден по отношению к врагу, сын Гамилькара! – удивился Магарбал.

– Этот человек умер с честью, не выпустив из рук оружия, и будет погребён с честью, согласно традициям его народа! Снимите доспехи с убитых римлян, соберите всё оружие, – продолжил Ганнибал. – Всё переправьте в лагерь.

– А что ты собираешься делать с телами убитых римлян и знатных граждан Рима? – спросил Магарбал.

Ганнибал, сев на лошадь, повернул коня в сторону вопрошающего:

– Ничего, – был короткий ответ. – Пусть о них позаботятся жители Канн.

...Некоторое время они ехали молча. Магарбал искоса смотрел на сына Гамилькара... Ганнибал правил конём, почти не задевая поводьев – по-нуммидийски. Сам Магарбал, будучи командиром нуммидийской конницы, так ездить не мог, но его подчинённые правили лошадьми и ездили именно так. Эта особенность управления достигалась у нуммидийского народа с самого детства. Лошадью учились править ногами, чтобы в бою иметь свободными обе руки. Где этому обучился Ганнибал? для Магарбала было тайной.

– Ганнибал, – задал давно крутившийся в голове вопрос Магарбал, – что ты, теперь, собираешься делать? Теперь, когда силы Рима потеряли свою былую мощь, для тебя будет непростительной ошибкой не двинуть армию на Рим.

Ганнибал замедлил ход коня:

– Я ждал этого вопроса. От тебя или от кого-либо другого. – Ганнибал замолчал, обдумывая свой ответ. Через минуту он ответил: – Для всех нас очень важна победа, но в нашей сегодняшней ситуации, сейчас, важнее всего быть непобедимыми! Сегодня, Магарбал, а вернее, уже вчера мы доказали римлянам наше умение побеждать! Но, вступив сейчас в Латиум, мы докажем им, что не умеем рассуждать! – Ганнибал похлопал коня по гриве.

– А теперь, Магарбал, нам пора увидеться с Ганноном!..

Часть первая. Блики надежд

Глава 1

Полночь. С побережья завывает неистовый ветер. Он гонит с Запада, с Атлантики, стаи холодных, низких, наполненных влагой, как морская губка, туч. Дороги размокли и торговые повозки, запряжённые огромными тяговыми быками, еле двигаются, утопая в грязи. Вереницы рабов, следующих за повозками торговцев, завёрнутые в кое-какое тряпье, держатся на ногах только благодаря кнутам надсмотрщиков. По бокам дороги то тут, то там, через определённые промежутки расстояния горят костры римских дозоров, контролирующих все подъезды к цитадели Римской республики в Сицилии – Мессине. Начальники дозоров – центурионы – тщательно проверяют сопроводительные бумаги следующих в порт торговцев, строго руководствуясь сводами частного и публичного Римского права.

– Стой, стой, куда прёшь! – кричит кряжистый римский солдат, выходя из темноты стоящих по бокам дороги деревьев, где солдаты прячутся от промозглого, колючего ветра. Его крик адресован длинному обозу, состоящему из нескольких десятков повозок и небольшого табуна низкорослых сицилийских лошадей.

– Кто и откуда? Что везёте в повозках? Для чего лошади? – сыплет вопросами солдат. – Где сопроводительные грамоты?

– Мы следуем из союзных Сиракуз, – отвечает грузный грек, – к Квинтилию Мумию, эдилу в Мессине. По его просьбе везём шанцевый инструмент, который он попросил у нас, будучи в гостях в начале осени. «У нас, говорил он, – не хватает инструмента в верфях для постройки новых кораблей и ремонта, повреждённых в войне с проклятыми пуннийцами, не хватает и инструмента для возведения укреплённых лагерей и дорог к ним...»

– Всё, прикрой свой рот! – вырывая у него сопроводительные грамоты, кричит солдат. – О наших потерях и недостатках тебе незачем болтать!

– А куда ты везёшь свой табун? – спрашивает подошедший к этому времени центурион. – Уж, не в личную ли гвардию эдила ты хочешь пристроить своих лошадок?

Громкий смех раздаётся среди римских солдат...

– А вот та, пегая лошадь! Похоже, предназначается самому эдилу! – не унимается центурион, показывая своим жезлом на самую низкорослую лошадку. – Эдил уже совсем стар, ему не забраться на других, более высоких в этом табуне! Клянусь, высотой Тарпейской скалы, эдил Квинтилий непременно пробыёт с такой конницей пуннические отряды Священной Касты! Я слышал, что старый эдил Квинтилий собирается жениться на одной из здешних греческих особ! И она, говорят, очень молода! Тогда, это будет его шестой брак, а воинские лавры покорителю женских сердец, будут ох как кстати! Это будет и хорошей тренировкой для эдила Квинтилия, дабы с первой попытки пробить сердце и все «остальные» прелести молодой супруги, своей «стальной» волей, вступая в право законного мужа, чтобы ей в «тихую» не использовать для «того же» каких-нибудь помощников, из бравой охраны старика. Только представьте, как грациозен и величествен будет наш эдил, верхом на этом скакуне в глазах своей избранницы...

Солдаты катились со смеху, слушая беспрерывно звучащие шутки центуриона, забыв на время о непогоде...

– Я смотрю, это очень весёлый дозор! – с нотками угрозы процедил, сквозь зубы, грек, обрывая этот «обвал» шуток весёлого центуриона. – А лошади, к слову, предназначаются не эдилу Квинтилию, а военному трибуну Сервилию Котте! Интересно, как он отреагирует на информацию о столь весёлом дозоре на дороге!

– Клянусь, разящим Юпитером! – молниеносно отреагировал центурион и вышел на освещённое горящими факелами место. – С каких это пор торгоши-греки будут запрещать смеяться ветеранам четвёртого легиона Марса?!

На перевязи и поясе центуриона грек увидел знаки боевых отличий, свидетельствующих о доблести этого воина.

– А ну-ка, ребята, несите-ка сюда факелы! Клянусь Гермесом! Я не поверю, что хитрые греки под такой шумок и в такую погоду не замыслили провезти какую-нибудь контрабанду без пошлины!

Глаза грека блеснули испугом. Его лицо приняло приветливо улыбочное выражение:

– И охота вам, усталым и измученным нелёгкой службой, да ещё в такую погоду, лазить в грязи по повозкам. А такому доблестному воину, – обратился он к центуриону, – за столь великие заслуги перед Республикой, следовало бы сидеть у очага в караульной палатке за кувшином доброго вина. Эй, Менандр, распорядись, чтобы рабы отнесли к очагу дозорных амфору эвбейского вина. Пусть столь славные войны согреются им в такую промозглую, холодную ночь!

С этими словами грек взял центуриона под руку и отвёл его в сторону на несколько шагов.

– Что везёшь? – коротко спросил центурион.

– В двух повозках маринованные маслины, которые не растут у вас в Италии! – Грек перешёл на шёпот. – В двух других эвбейское вино, которое столь доблестный центурион отдаёт сегодня ночью. Хочу переправить это в Реггий и продать повыгоднее! А вот это, – грек незаметно повесил на пояс центуриона холщовый кошелек с серебряными сестерциями, – твоя доля моей выгоды! Пусть она послужит на благо тебе и твоей семье!

Грек, со смиренной улыбкой, посмотрел на центуриона.

– Ну, что же, да благословят вас Боги в столь сумрачную ночь, – сказал, улыбнувшись, центурион и прокричал: – Пропустить! Всё в порядке!

Грек, садясь в утеплённую повозку, спросил:

– Как звать столь доблестного центуриона, которого я непременно похваляю в беседе с эдилом Квинтилием и военным трибуном Сервилием?

– Центурион первой когорты Кассий Кар! – был ответ.

Повозки, друг за другом, растворялись в ночи... Кассий, проводил их взглядом, и подошёл к ближайшему костру дозорных. Вытянул руки к языкам пламени и сладко поёжился от тепла, выбрасываемого костром. Воины уже цедили вино из амфоры в походные кувшины.

– Кассий, а действительно, вино замечательное! – крикнули ему. – Мы отнесём тебе в палатку пару кувшинов.

– Хорошо. Я буду ждать там, – ответил Кассий и направился в сторону палаток, но вновь прозвучавший окрик остановил его:

– Стой, куда следуете?..

Кассий повернулся. На дороге стояли две тени в тёмных плащах с капюшонами, скрывающими лица. Сердце его учащённо застучало... Он был предупреждён об их появлении. И ждал их уже два дня. Он давно был наслышан об этом древнем ордене убийц, но вот так, в живую на дороге ночью, видел их впервые.

– Кто из вас Кассий Кар? – лягнул какой-то тембрально-нечеловеческий голос, из под маски, коя проглядывала из капюшона.

Кассий вышел на свет.

– Идите сюда, служители Двуликого Януса, – произнёс он. – Я ждал вас вчера.

Два тёмных силуэта бесшумно возникли у фигуры центуриона.

– Лошади пали. Одеревенели ноги. Пришлось бросить – это причина задержки, – лягнул тот же голос, без тени какого-либо оправдания своей задержки.

Кассий посмотрел под капюшоны... Лиц не было видно, на них были чёрные кожаные повязки-маски с прорезями для дыхания. Под плащами угадывались доспехи. Руки, выглядывающие из плащей, от запястья до плеч были покрыты самнитскими латными пластинками, делающими их полностью защищёнными. В схватках эти адепты не пользовались щитами. В обеих руках у них было по мечу, которыми они виртуозно владели, как владели и всем металловым оружием. Этот орден существовал давно, ещё при царях Рима. Ходили слухи, что сами Ромул и Рем были когда-то его служителями. И, поэтому, эти убийцы действовали всегда по двое. Храм Двуликого Януса стал прибежищем ордена. Что там происходят какие-то тайные служения и мистерии, Кассий знал не понаслышке... В начале своей карьеры он, как-то, стоял на часах в эдикуле храма и слышал раздающиеся из его подвалов нечеловеческие крики, заунывное пение, рычание каких-то хищников, но, самое главное, он видел ИХ! В накиннутых балдахинах, выходящих из храма. Тогда Кассий, по приказу священников авгуров, не смел рассматривать их. Но одно он отчётливо запомнил! У всех адептов глаза были одного цвета – зелёного?!

Кассий направился в свою палатку. Адепты шли следом. Зайдя внутрь палатки и раздув световую лампу с маслом, Кассий обернулся... И замер! По его телу пробежали мурашки... На него в упор смотрели два тёмно-зелёных глаза! Бывалого воина, видевшего смерть в десяти, как минимум, сражениях, прошил озноб...

Служитель Двуликого Януса прошипел:

– Что передал консул?

– Консул передал, чтобы вы, не заезжая в Мессину, двигались в рыбацкий посёлок, расположенный южнее мыса Катаны. Там вас будет ждать гемиола. Куда она вас повезёт, мне неизвестно.

– Хорошо! – прошипел тот же голос. – Кто нас проводит?

– Полсотни конных экстрординариев поедут с вами. Ваш путь пройдёт около подножия Этны. Смотрите! Бог Вулкан разжёт в ней свой горн! – предупредил центурион.

– Спасибо за предупреждение, – процедил голос. Адепты повернулись.

– Стойте! Консул сказал мне, что вы должны передать мне какой-то отчёт! – Кассий напрягся, взявшись за рукоятку меча.

– Устный отчёт, – поправил адепт, не поворачиваясь, – отчёт будет звучать так: «Он ускользнул из ловушки. Но белая роза с бутоном благоухает в храме Артемиды в Акраганте!»

И адепты выскользнули из палатки.

Глава 2

Кассий пришёл в себя только через несколько минут. «Интересно, – подумал он, – что делает Янус с их глазами. Жуть какая-то! – Кассий снова поёжился. Чувство сопричастности к какой-то тайне не покидало его. – Они потерпели неудачу в попытке убийства кого-то, – продолжал размышлять он, – но при чём здесь роза? Орден полон загадок! Впрочем, довольно тайн! Я солдат и привык видеть врага и встречать его в строю, в сражении, а не из-за кустов и оврагов. – Взяла в нём верх, солдатская привычка подчиняться без лишних вопросов. – Но все-таки, какие они жуткие, эти слуги Дзуликого!»

Кассий вышел из палатки. На стоянке дозора был слышен шум, чавканье слякоти, лязг оружия. И вот из темноты послышался конный топот, ржание, проявляющее недовольство лошадей, и на дороге, раздались характерные шумы удаляющегося отряда, которые, по мере удаления, заглушались свистом и завыванием ветра. Центурион подошёл к одному из костров, вокруг которого сидели солдаты, пытаясь согреться теплом костра и вином – одновременно!..

– Массилий, – подозвал он одного из ветеранов, – к утру приготовь мне пару лошадей. Мне нужно отбыть в Мессину. Да, лошадей подбери покрепче! Я пойду, попытаюсь заснуть. И ещё, – повернулся Кассий, – не переусердствуйте с вином!

Он вернулся в палатку, подкинул в очаг несколько поленьев и растянулся на кушетке, расстеленной рядом с тёплым очагом. Так, он полежал несколько минут, потом потянулся и взял один из кувшинов, стоящих рядом с изголовьем постели. Кассий приподнялся и сделал несколько длинных, глубоких глотков...

– Действительно, грек не обманул, – оценил напиток центурион, – вино действительно отменное! – Он сделал ещё несколько глотков. Вино, разбежавшись по телу, наполнило его расслабляющим теплом. Кассий закрыл глаза и погрузился в воспоминания...

...Кассий Кар был сыном среднего римского землевладельца. В семье было шестеро детей – четверо сыновей и две дочери. Кассий был четвёртым по возрасту ребёнком. Перед ним были два сына и дочь. Семья жила в достатке – кроме земельного надела, имелась ещё ферма, где разводили скот и всякую птицу. Но Рим постоянно вёл войны. Одного брата убили в сражении с галлами где-то за рекой По. Другой вернулся из экспедиции в Сардинию с отрубленной кистью правой руки. Дочерей отец отдал замуж в другие семьи, вместе с частью земельных наделов, в качестве приданого имущества... Сначала, справлялись с хозяйством без старших братьев. В семье было несколько рабов, купленных отцом когда-то в более спокойные времена. Надо заметить, что рабы в средних римских семьях в те времена, которые ещё не были затронуты пренебрежением и высокомерным отношением к людям не римского гражданства, кои получили такой размах в последующем, приравнивались, почти, к членам их семей, в кои они попали. За их бытом следили, ели они за одним столом с хозяевами и оборонялись, вместе с ними, против бродячих разбойников, которыми кишела тогда Италия, с оружием в руках. Но рабы состарились вместе с отцом, а Кассия к тому времени призвали на войну с Самнией. Ввиду этого, отец отдал свой надел в ренту римскому патрицию Сульпинию Клавру. Тот выплачивал ренту пшеницей. Семья занималась только фермой. Кассий же, отличившись в нескольких сражениях с самнитами, получив Гражданский венок, попросился в школу центурионов, чтобы помогать семье, своим посылаемым жалованием центуриона, не опуститься на дно нужды.

В мыслях, Кассия, проплывали картины из его детства: звонкий смех сестёр, блеянье овец, которых он мальчишкой пас вдоль заросших кустарниками дорог, строгий отец, беседовавший по вечерам с матерью и рабами о завтрашних дневных заботах. Вспомнилась соседская девушка Клодия, которая поглядывала на Кассия с загадочной улыбкой. «Интересно, где

она сейчас, – подумал Кассий, – замужем или всё ещё свободна?» Картины воспоминаний менялись, прошлое чередовалось с настоящим... Кассий вдруг, попытался вспомнить название ордена убийц, ... но тщетно... навеянное воспоминанием мысль... ускользнула...

Кассий пригубил ещё вина, отставил кувшин, мысли его стали тяжелесть, спутываться... И он провалился в сон...

Утром Массилий вошёл в палатку центуриона, чтобы разбудить его, как тот и велел. Кассий ровно дышал во сне, на его губах дремала улыбка... Массилий посмотрел в лицо Кассию: «Двадцать восемь лет, – подумал он, – а столько уже повидал! Другого приимпелария убьют во втором, в-третьем сражениях, а этот?.. Да, удача ему благоволит, сама Минерва выбрала его любимцем. Ну, пусть поспит ещё полчаса, ведь ему более четырёх часов скакать на сменных лошадях в Мессину, – подумал Массилий, увидев стоящие у изголовья кувшины. – Уж больно сон у него приятный, вон как улыбается... – Массилий взял один из кувшинов. – Будить его и разрушить такой приятный сон... не по-человечески... – Встряхнув сосуд и почувствовав его полноту, Массилий удивился: – Вот мальчишка, столько служит, а ценить столь щедрый дар Бахуса не научился. Вот уж, правда, говорят: – „Не в коня корм“. Впрочем, может оно и к лучшему, вино любит того, кто его ценит!» – продолжал рассуждать Массилий, взяв на пробу другой кувшин, который, к его счастью, оказался наполненным наполовину. Массилий с жадностью поднёс его к губам и припал к кувшину настолько, насколько хватило дыхания. «Утолять жажду водой, когда есть вино, кощунственно и преступно! – продолжал рассуждать Массилий. – Ибо, вода наполняет только желудок, а вино наполняет разум думающего духовного человека и его сердце крепким и стойким расположением духа! А дух на войне – есть основное средство достижения победы! – Так рассуждал Массилий, время от времени поднося сосуд к губам. – И чего это ему вдруг понадобилось спешить в Мессину? – продолжал анализ декан. – Неужели из-за этих вчерашних ночных посетителей, с которыми ускакала конница? Жаль, я не смог хорошенько рассмотреть их! Вино отняло у меня резкость зрения... Наверно, какие-нибудь гонцы с донесением. Но постой... Гонцы? Пешком?.. Нет, что-то не то... Вообще, как только сюда зачастили ликторы консулата, стало попахивать какой-то тайной? Может быть, даже государственной?!»

Так глубоко мыслил Массилий, когда Кассий, вдруг, открыл глаза, посмотрел на него и спросил:

– Где лошади?

– Стоят у палатки, как ты распорядился! А это, – Массилий держал в руках два кувшина, – я хотел прикрепить к крупу твоей лошади тебе в дорогу, Кассий, – подытожил он.

– Оставь себе начатый, – сказал Кар и увидел счастливое сияние глаз Массилия. – Вечером вас должны сменить! Проследи, чтобы все привели в порядок оружие и амуницию. Встретимся в лагере, – говорил Кассий, выходя из палатки.

Он не спеша поправил сбрую коня. Массилий же привязывал кувшин к крупу коня, с другой стороны.

– Массилий, – садясь на лошадь, сказал Кар, – мы с тобой служим вместе уже шесть полных лет. И ты знаешь, что если мне ставится задача – я её выполняю! Так вот, твоя задача привести манипул в лагерь, в, соответствии Воинскому уставу, порядке. Спрос с тебя!

– Не волнуйся, Кассий, клянусь дарами Бахуса, находящимися в этом живительном сосуде! Всё будет в строгом соответствии с твоим распоряжением, центурион, – отчеканил Массилий и во время клятвы прижал к сердцу оставленный ему кувшин.

Кассий улыбнулся. Клятва, произнесённая Массилием, была самой священной для этого человека тирадой.

– Да, Кассий, кто были эти двое, в чёрных плащах и капюшонах, сегодня ночью? Их лица так и не смог рассмотреть, как ни пытался! – спросил Массилий.

– Арканиты, – вдруг, вспомнил Кар.

И, заметив застывший ужас в глазах Массилия, тронул коня.

Глава 3

Мессина. Оплот двух флотов Рима. Порт-крепость, ставший римским после захвата города наёмниками по приказу Агафокла – тирана Сиракуз. Захватив и истребив в городе всё мужское население, мамертинцы (как они называли себя – дети Бога войны), тут же, отделились от Сиракуз и провозгласили, по сути, первое разбойно-пиратское полисное государство, которое существовало только грабежами близлежащих городов. Сиракузы тут же объявили им войну! Сын Гиероклиса Гиерон разбил мамертинцев на суше. Остатки мамертинцев бежали в Мессину и отправили морем послов просить помощи против Сиракуз в две стороны – Карфаген и Рим. Рим откликнулся первым...

Такова историческая подоплёка причины столкновения двух мегаполисов – Рима и Карфагена! И война идёт, и на суше, и на море уже около шести лет...

За эти годы Мессина преобразилась. Римляне воздвигли прочные крепостные стены, установили осадные машины в ниши крепостных стен. Сами стены обнесли тройным римским рвом с волчьими ямами и ежами. Всё готово к осаде... В порту построены доки различной величины, где строятся и ремонтируются корабли разного предназначения и уровня сложности. Римская военная машина запущена на полную мощь.

Вдоль, торговых причалов, что находятся вне крепостной стены и где стоят десятки кораблей морских торговцев разных народов, едет верхом на лошади центурион Кассий Кар. Он домчался до Мессины за четыре часа, попеременно меняя лошадей и теперь, давая своим скакунам отдохнуть и отдышаться, он, неспешно, двигается к крепостным воротам...

В заливе видны римские боевые галеры, стоящие на якорях вдоль берега залива. Это часть Теренского флота Рима. На одной из огромных гексер находится ставка консула Марка Атилия Регула. Консул чем-то раздражён и тычет пальцем в тщательно нарисованную карту Сицилии:

– Что вы мне твердите, что главные силы флота Карфагена сосредоточены здесь, у Гераклеи?

– Точнее, у острова Медуз, консул, – вставляет один из военачальников, стоящих вокруг консула.

– Какая разница, Сервилий, – раздражается ещё больше Регул, – а что же за флот атаковал наш конвой с фуражом для конницы у мыса Гиз?! Это под самым носом, Сервилий! Пять грузовых судов с просом и восемь с овсом пошли ко дну! Прибавь сюда четыре квинтиремы сопровождения, которые сожжены греческим огнём, и две – разбиты бортовыми онаграми, кораблей пуннийцев. Клянусь трезубцем Нептуна, ещё две таких атаки и я останусь без конницы! И это здесь, Сервилий, здесь! В месте, где патрулируют и курсируют два римских флота. Два! Сервилий?!

– Но, консул, сейчас время штормов и туманов, карфагеняне, наверное, разделились? они искусные мореходы! Тысячу лет они на море! А мы только тридцать! – вступился за своих Гай Аппий Катулл – адмирал одного из флотов. – Клянусь, Пенатами! Они выскочили из тумана, как злые сирены! И пока мы разворачивались для атаки, скрылись обратно в туман...

– Катулл, мореходы не живут тысячу лет! И по возрасту, им не больше, чем нашим! – отрезает Консул. – А что касается учителей, то у нас они не хуже их – ахейцы, которые плавали в Трою две тысячи лет назад по морю, намного беспокойней этого! – Регул снисходительно посмотрел на адмирала. – Какие вымпелы висели у них на гафелях? Кто-нибудь разглядел?! – И в наступившей, после вопросов Регула, тишине, прозвучал его последний, – Да хоть что-то, кто-то видел?

– Видел, консул! – в каюту ставки вошёл человек с перевязанной рукой, подвешенной за шею.

– Септемий? Ты жив? Но, мне сказали, что ты...

– Утонул? – опережает консула Септемий Бибул, квестор армии Республики, – Нет, Бибула не так просто утопить. Так вот, это был не карфагенский флот, вернее не флот Ганнонов. Это флот Гамилькара! На вымпелах гафелей плескался месяц! – заканчивает он.

– Гамилькар! Здесь? – не верит Регул.

«Впрочем, если „она“ у него, всё может быть!» – мелькает у него же мгновенная мысль.

Планы консула мгновенно меняются, в его глазах царит какое-то возбуждение, выдаваемое блеском глаз:

– Катулл, куда бы ты отошёл, будь на месте Гамилькара? А ну-ка, давай поразмыслим... – Регул приглашает к карте адмирала. Аппий зависает над картой на некоторое время... Он погружается в раздумье. И вдруг выпрямляется:

– Консул, я бы отошёл в большой залив Сиракуз, это, клянусь светом Плеяд, единственное решение, чтобы сбить нас с толку и замести свои следы! Сиракузы наши союзники и там мы искать не будем! Гамилькар попался! – Глаза Катулла сияют убеждённой уверенностью и безудержной радостью.

– То-то же, Катулл! Клянусь молнией Юпитера! Сенат не зря доверил тебе титул адмирала, – консул дружески похлопал Катулла по плечу. – Командуй, адмирал! – приказывает он.

– Так, командиры! – Аппий снова склоняется над картой. То же самое, делают после его слов и другие... Аппий ставит задачи...

«Да, не зря? – думает в это время консул Регул. – Хотел бы я знать, скольким сенаторам заплачено, чтоб они поддержали это решение. Продвижение по службе стало одним из способов обогащения! Любой чин в Республике, – продолжает размышлять он, – стал доступом к потоку финансов, из которого можно выкачать что-то и себе... И все эти Метеллы, Катуллы, Лентуллы и другие выскочки олигархической герусии сабинян давно вступили в этот порочный круг. И кто знает? Было ли решение Ромула о присоединении сабинских родов благом для его города?! Ведь, именно, после присоединения сабинских родов к городу стали множиться эти тайные сборища, о которых сам Регул узнал совсем недавно. Да и смерть самого Ромула весьма загадочна... Может, присоединив этих жадные до власти и золота роды сабинян и став одним из членов какой-то из их многочисленных тайных мистерий, тем самым Ромул встал на свой смертный путь? – Регул горько усмехнулся и продолжил размышления. – А этот квестор Бибул вёз мне фураж, купленный по бумагам вдвое дороже, чем я бы купил его здесь, в Сицилии, у местных греческих полисов! Но консулов к заготовкам не подпускают... Денежные потоки идут через квесторов, утверждаемых Сенатом. Консулов выбирают трибы, то есть плебс. И главная их задача в мирное время – судебное разбирательство, правосудие, а в военное – война. А так как война у нас не прекращается уже больше пятидесяти лет и двери храма Двуликого Януса не закрываются, то все потомки той олигархии сабинян будут распоряжаться золотом Рима по своему усмотрению, оставляя остальным гражданам копье и меч. Вот всё имущество, на которое они могут претендовать! Впрочем, – подметил Атилиий, – не всем из этих родов нужно богатство?! Катонам нужно другое! Эти имеют несколько другие планы и здесь наши планы пока сходятся, если помыслы Катонов действительно направлены на достижение тех замыслов, которыми они поделились со мной на тайной встрече. Замыслы, которым следовал сам Ромул до своей гибели?! Я, Марк Регул, сделаю от себя всё зависящее, чтобы величие и власть Рима распространилось как можно дальше...»

– Марк! – прерывает размышления Регула Септемий Бибул. – Завтра прибудет ещё один конвой с овсом и продовольствием для твоей армии, которая, я знаю, испытывает недостатки во всём! И, наверное, поэтому не трогается с места? – в голосе Бибула звучит сарказм.

– Твоя осведомлённость поражает, – парирует Атилиий. – Тем паче мне неясно, почему конвой идут не по назначенным датам, более того, по намного завышенным ценам?!

– Перевозчики до Реггия берут слишком большую плату, тут уж ничего не поделаешь, – с улыбкой отвечает Септемий, – идёт война, которую вы с Манлием Вульсоном должны победоносно закончить! И силы вам даны небывалые, – продолжает тираду Бибул, – такой армии Сенат ещё не разрешал набрать никому!

«Ядовитая змея, – негодует про себя Атиллий, – Сенат разрешил набрать такую армию, чтоб такие, как ты, нагрели руки на поставках!» Вслух же говорит:

– Мы ценим доверие Сената и народа, – он специально делает акцент на слове «народа», – а Сенату, квестор, нужно поторопиться с поставками, потому что собранная здесь армия и есть народ! – Регул кивает головой квестору, давая понять об окончании разговора.

К консулу подходит Аппий Катулл.

– Мы готовы выступить, консул, – рапортует он.

– Сколько кораблей берёшь? – Марк Регул смотрит на адмирала.

– Чтоб справиться с Гамилькаром, мне хватит ста, – уверенно произнес адмирал Аппий.

– Ста? – переспрашивает Марк. – А если Гамилькар тянет нас в ловушку? А если там уже весь флот Ганнонов? И они ждут нас в засаде? Берите двести галер, Аппий, и если в Большом заливе Гамилькара нет, немедленно, слышишь, немедленно возвращайтесь к Мессине!..

Марк выходит из адмиральской каюты, поднимается на корму. Свежий ветер с Атлантики остужает его лицо, играет с волосами. Плащ с римскими золотыми атрибутами консулара развеивается у него за спиной. Регул смотрит, как ветер наполняет паруса квадрирем и квинтирем, которые выходят из залива в открытое море.

«Ну, разве возможно сломить такую силу!», – с гордостью думает он. И трубный звук с адмиральской гексеры провожает боевой флот на операцию...

Глава 4

...Регул, ещё долгое время, стоит и смотрит на горизонт...

– Консул, – отрывает его от раздумий один из ликторов, – к тебе прибыл центурион Кассий Кар. Что прикажешь?

– Кар? – Регул как бы выходит из забытья. – Проводи его в мою каюту. И постарайся, чтобы нашему разговору никто не помешал!

Спустившись с кормы галеры, консул в волнении входит в адмиральскую каюту:

– Как я рад тебя видеть, центурион, – Атилий поднимает правую руку в знак приветствия. – Ну что, встретился с ними? – с нетерпением спрашивает он. В его глазах светится огонёк давно ожидаемого известия.

– Да, консул, – Кар пересказывает встречу в ночи. – Они дословно передали тебе: «Он ускользнул из ловушки, но белая роза с бутоном благоухает в храме Артемиды в Акраганте».

Консул стоит в раздумье, повторяя про себя это сообщение. «Значит, Гамилькар был у Акраганта и вчерашнее нападение на конвой не его рук дело, – мысленно решает он. – Кто-то другой командует сейчас его флотом! То, что это его флот, нет никакого сомнения. Бибул не тот человек, слова и мнение которого можно поставить под сомнение, он не укажет, на что-то, не будь он в этом уверен...»

В глазах Атилия читается разочарование.

«... Но адепты, как они могли провалить дело? – консул закрыл глаза, массируя виски пальцами. – А Катон? Этот Rex sacrorum, царь-жрец, был уверен в успехе, и вот..., но остаётся ещё надежда! Она в Акраганте! Вместе с детьми. Он вернётся за ней, непременно вернётся! – лихорадочно соображает Регул. – Надо только захлопнуть мышеловку! Акрагант в осаде. Аппий Кавдик отвечает за осаду, у него огромный опыт! Надо вернуть адептов!» – решает он.

– Ты передал им моё распоряжение? – вслух спросил он Кассия.

– Да, консул. Они отбыли в заданном тобой направлении сию же минуту.

– Ну что ж, – вслух размышляет Атилий, – тогда хорошо. Они уже, должно быть, на месте!

– Я не думаю, консул, – уверенно заявляет центурион.

На лице Марка Атилия Регула застывает немое удивление. Оно длится несколько мгновений.

– Ты что-то заметил, Кассий? – консул пристально смотрит на Кара.

– Оба арканита ранены, консул, – спокойно констатирует Кассий, на его лице не выражается ни капельки сомнения.

Лицо Атилия вытягивается от удивления... В его сознании проносится вихрь мыслей... «А он не глуп! И знает намного больше, чем я думал!» Регула бросает в пот от этих мыслей и беспокойства.

– Почему ты так решил? – спрашивает он, стараясь казаться спокойным.

– Я солдат, консул, и тоже могу терпеть боль! Но я знаю, как при этом меняются движения.

Атилий уже с нескрываемым беспокойством сверлит глазами Кара.

– Насколько же, по-твоему, опасны их раны? – Регула начинает раздражать этот спокойный тон центуриона.

– Один ранен тяжело, по-моему, в левый бок. Его рана не позволила им ехать верхом, и они передвигались пешком. Что же касается второго, – тут Кассий делает небольшую паузу, заставляющую консула напрячься ещё сильнее, – или «Главного» из них!.. – Это замечание

повергает в ужас оцепеневшего консула, – У него отрублены два пальца правой кисти! Меч этой рукой он больше держать не будет! – ставит точку Кассий.

Атилий с ужасом смотрит на Кара: «Всё пропало! – запаниковал он. – Была схватка и Барка ранил обоих! А Катон уверял, что это лучшие из лучших, что имеются в распоряжении ордена. Что за человек этот Барка?! Ему двадцать шесть лет, имеет детей – двойняшки сын и дочь в Акраганте, жена Кларисса – красивая гречанка. Барка – молния с финикийского... Действительно, молния – сегодня здесь, завтра там! Неужели, ему помогает она? Но, по пророчеству, она не должна действовать без других... Так говорил Катон..., только две состыкованные начинают действовать! И это действие уже ощутимо! Рим набирает и власть, и величие, но без других оно рано или поздно иссякнет... Одна у Барки, другая в Карфагене... Astarta... – мысли Регула вновь вернулись к Гамилькару. – Молния... Да, меч в его руке, говорят, похож на молнию!.. Ну что ж, с ним пока неясно, как справиться! – решает консул, – Но отправить других адептов к Акраганту всё равно надо, а вдруг посчастливится?! И они выполнят миссию... Но остаётся ещё моя экспедиция. Это дело верное! Карфаген падёт. Только бы добраться до Африки. И тогда третья часть у меня...»

Регула переполняют чувства, необыкновенное волнение, отражается на его лице глубоким раздумьем...

– Консул, – выводит Марка из забытья размышлений Кассий, который провёл в ожидании уже около получаса, – что мне прикажешь делать?

– Возвращайся в лагерь, Кар, – Регул искоса посмотрел на Кассия, – когда ты мне понадобишься, я найду тебя!..

Марк Атилий остался один. Ему было над чем поразмышлять.

«Во-первых, – думал консул, – надо решить, что делать с этим молодым центурионом? Клянусь эдикулами Капитолия, верховные авгуры ошиблись, порекомендовав мне его как исполнительного, храброго центуриона и только. Он так умён, что просто диву даёшься! Извлечь столько информации из одной встречи в ночи... И главное! Он знал о принадлежности их к ордену. Это опасно! Очень опасно! – рассуждал Регул. – По возвращению в легион он обязан встретиться с легатом, чтобы отчитаться о несении дозора. Легат у него Тит Бабрука – в Риме вхож в семьи патрициев Гракхов... Этих вечных правдолюбцев... А Бабрука является одним из их приятелей и клиентов... И если, в их разговоре, вдруг всплывёт ночная встреча?! Бабрука, конечно же, заинтересуется и известит об этом Гракхов... Проклятье! – подумал Регул. – Гракхи начнут задавать вопросы Сенату! Сенат пошлёт запрос мне – что делают адепты старого ордена в Сицилии без согласования с Сенатом?! Проклятье!!! Сенат вообще не должен ничего знать! Если вспомнить, как Сенат колебался в вопросе, принять ли под свою защиту мамертинцев, этих убийц и грабителей Мессины... Тогда, половина Сената проголосовала против этого решения... Возглавляли эту половину Гракхи, Гортензии, Бруты... Как ни странно, но на их стороне был и отец Септемия Бибула, да и проконсул Селинатор был их сторонником. „Какое лицо будет иметь Республика, – говорили они, – взяв под защиту разбойников Мессины? В одно время, осаждая Реггий, который захватили наши взбунтовавшиеся легионы наёмников на юге Италии, и в это же самое время, поддерживая таких же разбойников в Мессине?! Получается, своих пиратов мы караем, а чужих берём под защиту? Что является фактически объявлением войны не враждебному нам государству!“ Чистоплюи! – поморщился Марк Атилий. – Они хотят делать высокую политику, не замавав своих белых мантий! – Консул поморщился, – Тогда Сенат заколебался, понимая абсурдность своего положения... и вытекающего из него положения близости войны с Сиракузами и Карфагеном... Но не ястребы войны победили тогда в Сенате. Нам на руку тогда сыграла алчность и жадность Лентулов, Катуллов и им подобных сенаторов, которые, почуяв запах золота от военных действий, склонили чашу весов к войне! И вот сейчас по вине какого-то слишком сметливого центуриона всё может

открыться! А что, если он догадался и о большем? с его-то светлым умом! – Регула прошил озноб. – Нет, надо от него избавиться!.. Но убийство... Мной, консулом, римского солдата?! Нет. Это не по мне... – Атилий сморщился. – Лучше пусть он пропадёт при выполнении какого-нибудь задания, желательного поблизости к территории боевых действий!..»

Марк взял лист пергамента и стал писать. Закончив письмо, он согнул пергамент несколько раз и запечатал его с разных сторон расплавленным воском, поставив на воске в нескольких местах печать своим консульским перстнем. Выйдя из каюты, он обратился к одному из своих ликторов:

– Акриссий, переправляйся на берег! Скачи в лагерь, в расположение четвёртого легиона Марса. Найдёшь там центуриона первой когорты Кассия Кара, вручишь ему письмо. Вот оно! И передашь мой приказ – немедленно отправляться к осаждённому Акраганту с письмом к проконсулу Аппию Кавдику. Письмо пусть вручит ему лично в руки и ждёт от него указаний после прочтения письма! Всё запомнил? Потом ты зайдёшь к легату Титу Бабруке и скажешь, что я отправил Кара с личным заданием. Да, и скажи Кару, пусть возьмёт какого-нибудь декана с десятком принципов, – добавил Регул, подумав, что слишком подозрительно посылать Кара с таким письмом одного. – Выполняй!

Вернувшись в каюту, Регул вздохнул:

– С одним покончено. Ну, а теперь поразмыслим, что делать с «розой» и «бутоном».

«Храм богини Артемиды, – стал размышлять Регул, – стоит вне крепостных стен Акраганта. Он построен на высоком прибрежном моле, глубоко врезающемся своим береговым рельефом в морской залив. В храм можно попасть не только с суши, но и с моря! Портик храма спускается к самому берегу красивыми ступенями, выложенными розовым мрамором... Значит, как передали адепты, она посещает храм с церемониями, для выполнения каких-то ритуалов... Её посещения храма, как видно, очень часты, так как адепты рассмотрели даже детей. Говорят, его Кларисса очень хороша! – Регул усмехнулся. – Что ж, это можно проверить, у меня в этом походе давно не было настоящей женщины! Если с похищением всё выйдет гладко, и её доставят в „моё“ расположение, мне будет чем поразвлечься! Гамилькар её любит и очень ей предан, поэтому, пойдёт на все мои условия! Тем более с ней будут её дети!.. – Атилий задумался, – А что, если дети будут только мешать моим замыслам? Тогда, от них просто надо избавиться... Ну что же, скоро мы узнаем всю силу любви пуннийца, когда его Кларисса окажется у меня в руках!»

Регул опять сел за письменный стол и стал писать, через минуту он вдруг остановился и снова задумался...

Осада Акраганта уже велась четыре месяца... Проконсул Аппий Кавдик руководил осадой. С суши Акрагант был полностью взят в кольцо. Два легиона и союзная сиракузская тяжёлая пехота осуществляли осаду. С моря дела обстояли значительно хуже. Близость Гераклеи, где стоял основной флот Карфагена, не давала блокировать город с моря. Все попытки блокады города с моря, оборачивались для Рима потерями. Флотом Карфагена командовал Гамилькон Ганнон, один из суфетов Совета Карфагена. Это был человек твёрдого, упрямого характера. В то же время он был очень осторожным полководцем. Гамилькон, двигаясь вдоль побережья от Гераклеи до мыса Экном, всякий раз снимал морскую блокаду с города. Гамилькон не дробил свой флот и двигался с максимальным числом галер. Численность флота была огромной, триста пятьдесят боевых кораблей. И если для прикрытия Гераклеи оставалось пятьдесят кораблей, то с Гамильконом было триста. Флот Гамилькона прикрывал самый узкий пролив к берегам Тунесса. Кроме того, был ещё один флот, насчитывающий пятьдесят четыре галеры. Этот флот мог появиться где угодно и когда угодно. Он наводил ужас на эскадры союзных Сиракуз, почти полностью потопив их. Его передвижения не поддавались логике и, поэтому, заведя его, и римляне, и сиракузцы старались ретироваться даже в том случае, если их силы

были равны. Это был флот Баркидов. Если эти флоты соединялись – победить их было невозможно!

«– ... Но, два военачальника не любят друг друга и соперничают во всём! Старая вражда суффетов Карфагена играет нам на руку! – Регул подвинул к себе письмо, закончив размышления, но снова задумался. – Но, ведь, война примиряет внутренних противников! Это надо учитывать. И, поэтому, рассчитывать на засаду с моря не приходится.»

Он опять принялся писать... Вечером, один из отправленных за день ликторов, зашёл к Регулу и отрапортовал:

– Письмо Скрофе доставлено, консул. Гемиола отбыла по вашему приказу в заданную точку.

– Очень хорошо, – произнёс задумчиво Марк...

Глава 5

В проливе туман. Ветер стих, и тёплый воздух с материковой Италии поднялся вверх под воздействием более холодного морского... Затем остыв, он же опустился в проливе густым туманом... скрадывая очертания берегов, усложняя морскую навигацию, тем, кто решился на его форсирование в таких условиях...

В проливе движется конвой, вышедший ночью из Реггия, где Рим организовал огромные склады для снабжения воюющих армий в Сицилии всем необходимым. Впереди, сзади и с боков конвой, в основном состоящий из неповоротливых грузовых судов, прикрывают боевые квадриемы и квинтиремы. Число их внушительное. Командирская галера идёт впереди. На ней Септемий Бибул, он пристально всматривается в туман. Небо потихонечку начинает сереть на востоке. Близится рассвет...

– Сколько ещё, по-твоему, продлится эта война? – спрашивает Бибула командир конвоя Клавдий Курион.

– Всё зависит от наших побед, – уходит от прямого ответа Септемий, – а их у нас немного. Вначале войны, консул, а ныне проконсул Аппий Кавдик добился побед в нескольких сражениях с пуннийцами, что вынудило выйти из войны Сиракузы и впоследствии стать нашим союзником. Консул Гай Дуилий принёс римской славе ещё один венок, победив пуннийцев в большом морском сражении у мыса Мил, благодаря изобретённому, им же самим, перекидному мостику, называемому сейчас его именем – Дуилин мост. И всё... На этом, наши победы закончились! Ты знаешь, хорошими мореходами мы так и не стали. При одинаковых кораблях пуннийцы стреляют с волнующегося моря намного точнее наших стрелков. Мы берём их тараном, а потом идём на abordаж, а они нас мастерски расстреливают из баллист почти в бурю. На суше тоже нет успехов. Наоборот, Гамилькар Барка «бьёт» наши легионы, заставляя держаться их только в кулаке. А Сиракузы, эти хитрые греки, предпочитают смотреть со стороны, как мы истребляем друг друга. А ведь, именно они были зачинщиками этой войны?! Вся надежда на экспедицию в Африку Регул и Манлия. Но Манлий застрял под Лилибеем, а Регул ссылается на нехватку провианта. Хотя мне кажется, что он ждёт конца осады Акраганта. Только, зачем? – недоумевает Септемий.

– Да, Септемий! – соглашается Клавдий. – А помнишь славную битву в Самнии, когда мы с тобой легатами, под началом нашего славного консула Ливия Гая Селинатора, двумя легионами разгромили их царя Амвросия! Тебя ещё раненого, тогда, спас какой-то молодой воин, получивший за это Гражданский венок и ставший потом центурионом! – вспоминает Курион.

– Кассий Кар. – Уточняет Септемий Бибул. – Да, это было славное сражение и славные дни для римского народа!

– Впереди, справа по курсу, какие-то холмы! – кричат дозорные со смотровой башни, что на самом верху мачты.

Клавдий, как ни всматривается, ничего не видит, туман слишком густой...

– Это Теренские мели, – говорит Септемий, – мы уже близко!

– Спасибо тебе, Септемий, что не забыл о старом друге! И после такого потрясения, какое тебя постигло совсем недавно, – Курион поглядел на подвешенную руку квестора, – ты не испугался вновь зайти на палубу и приплыть на встречу мне, дабы помочь мне избежать вот этих самых мелей! Клянусь, всеми дарами великого Юпитера, ты отважный и бескорыстный друг! – благодарит Септемия Курион.

– Погоди благодарить, друг Клавдий, мы ещё не прошли их. В таком густом тумане, нас сторожат не только сирены?! – Теперь и он различает над горизонтом высокий силуэт тёмного конуса. – Так, Клавдий... теперь, поворачиваем правее, ещё правее, – командует он рулевыми,

обернувшись к ним. – Так!.. Передавайте по цепочке, чтобы все повторяли наши манёвры не спеша и в точности! Обойдём мели справа... – продолжает распоряжаться он, передавая свой многомесячный опыт плаванья в этих водах.

Сигнальщики, сидящие на смотровых башнях, начинают передавать с корабля на корабль систему римских морских сигналов на проведение поворотных манёвров... Конвой начинает медленный, перпендикулярный разворот вправо, от просматриваемого холма... Наконец последний из кораблей конвоя завершает манёвр, но строй конвоя в таком густом сером тумане всё равно ломается. В нескольких местах появляются пробки и заторы...

...Вдруг, слева от мелей появляются белые паруса, почти под цвет тумана! Они то исчезают, то проявляются вновь!.. Бибул и Клавдий, находясь впереди конвоя, видят, что сигнальщики в центре и хвосте конвоя подают знаки опасности?! В это время из тумана возникают военные гептеры с белыми парусами, на которых в морской пене волны плещется месяц...

– Барка! – кричит Бибул и кормовой трубач трубит сигнал к сражению.

Боевая гексера и расположенные рядом квадриремы начинают разворачиваться для отражения атаки. Но, этому манёвру нужно время, а его нет! В эти самые минуты, с десятков гептер на большой скорости врезаются в борта не успевших повернуться квинтирем, откуда римские солдаты стреляют из баллист и «скорпионов», пытаясь затормозить атаку... Слышен грохот таранов и ломающихся вёсел... В некоторых местах сила удара тарана гептер столь сильна, что квинтиремы раскалываются надвое и каждая часть постепенно уходит под воду... Вокруг них, плещутся и тонут люди!.. В других случаях, где галеры после тарана не разломились, картина не лучше, так-как ниже погружения их корпусов в воду, у них огромные пробоины и корабли медленно кренятся на борт...

– Скорей, скорей, – Курион командует своими гребцами. Принципы и гастаты уже выстроились на носу гексеры для абордажной атаки. Лучники заняли башни и зажгли стрелы. Квадриремы, как более быстрые корабли, уже почти закончили свой манёвр и выстраиваются в линию для атаки...

В это время гептеры Барки дают задний ход, освобождая носы с таранами. Они медленно набирают скорость, но с их бортов очень метко стреляют баллисты и онагры. Летят обмотанные паклей, которая специально пропитана горючей смесью, зажжённые амфоры. От их попадания грузовые суда вспыхивают как факелы... Римские матросы качают воду ручными насосами, привезёнными из Сиракуз, пытаясь потушить огонь. В то же время, из-за уходящих задним ходом гептер, начинают лететь тяжёлые ядра, выпущенные тяжёлыми морскими онаграми, которые расположены на галерах второй линии флота Барки. Несколько ядер попадают в квинтирему, пытающуюся догнать одну из гептер... Попадания ядрами, в движущую квинтирему, по мнению римлян, настолько маловероятны, что они, не обращая внимание на обстрел, горя мщением, решают догнать внезапно атаковавших и взять их на абордаж, но всё же они не до оценивают противника. Ядра ложатся плотнее к ней и с правой её стороны, несколько ядер ломают с десятков больших весел, и она теряет ход!.. В следующее мгновение она становится мишенью... В неё повторно следуют несколько попаданий. И вот она, с пробитой палубой и бортом, кренится на правый бок, медленно уходя под воду...

– Отзови корабли, Курион, – говорит Бибул. – Он заманивает тебя!

– Ты что, Септемий! Клянусь копьём Минервы, они у нас в руках! – не соглашается разгорячённый сражением Клавдий.

– Да послушай ты, сейчас, по мере приближения твоих кораблей, из-за спин, уходящих гептер выскочат ещё с десятков новых, которые понесутся навстречу с огромной скоростью, и картина повторится... Я уже видел это! – кричит ему Бибул.

А в это время, ещё одна из преследовавших гептеры квадрирем начинает уходить под воду...

– Уводи конвой, друг, выполняй приказ! – убеждает Септемий Бибул.

Курион колеблется, но понесённые потери заставляют согласиться с Бибулом.

– Пусть квадриремы выйдут из-под обстрела под прикрытие наших тяжёлых кораблей! – распоряжается он. – Спасать как можно больше утопающих!

С кораблей звучат трубные сигналы к отступлению.

– Да, дорогой Курион, сегодня ты познакомился с Молнией! – Септемий Бибул хлопает друга по плечу и, видя немой вопрос у него на лице, поясняет: – Барка – означает «молния» по-финикийски!..

Туман уже почти рассеялся, и они видят уходящие на юго-запад белые паруса...

– Ума не приложу, как они там проплывают? Там сплошные рифы и подводные скалы! – удивляется квестор Бибул, смотря вслед кораблям Барки.

Курион молчит. У него испорчено настроение. Вид весьма кислый.

– Взбодрись, друг! – утешает его Бибул. – Прошлый конвой потерял намного больше твоего!

Слова старого друга успокаивают Куриона. Они беседуют уже совершенно спокойно, вспоминая прошлые, курьёзные случаи своей службы...

– ... Скажи мне, Септемий. А как же Барка прорвался в пролив, когда его прикрывают триста тридцать кораблей Тирренского флота Катуллы? – вдруг, спрашивает Курион.

– А вот об этом, друг, мы по прибытии своём в Мессину, спросим консула Регула и адмирала Катуллы, ибо эти «светлые головы» ловят сейчас Барку, вместе со всем флотом, в Большом заливе Сиракуз! – И оба громко хохочут...

... Паруса трещат на реях и хлопают от бешеных порывов ветра. Канаты, придерживающие их, натягиваются в струну и визжат под действием ветра на различный музыкальный лад. Человек, создавший струнные музыкальные инструменты, был, несомненно, моряком, и именно канаты, парус и ветер подвигли его на создание этих удивительно звучащих лир, кифар, арф...

На носовой башне, передовой гептеры, стоит человек. На вид ему тридцать пять вёсен. Тёмные пряди его волос перебирает ветер. Его кожа несомненно носит светлый оттенок, но она сильно загорела и огрубела от солнца и ветра. Лицо его, с небольшой бородкой на греческий лад – без усов, имеет приятные черты. Огонёк, горящий в его глазах, говорит, что человек этот авантюрного склада характера, очень решительный, но мягкий и доверчивый. Фигура напоминает застывшую в бронзе скульптуру атлета. По тому, с какой лёгкостью он поднялся наверх башни, становится понятно, что он очень ловок. Рост его выше среднего. Он стоит, широко расставив ноги и скрестив на своей груди руки. Человека зовут Карталон Барка.

– Барка! – кричит ему чёрный нубиец с кольцом в ухе, силясь перекричать ветер. – Нужно убрать хотя бы малые брамсея! Ветер крепчает. Будет шторм!

– Хорошо! Ловите шквал! Нам до вечера нужно миновать римские берега! – смеясь от удовольствия, отвечает Карталон.

Атакованный римский конвой, остался убеждён, что флот Баркидов ушёл на юго-запад, однако, флот Гамилькара, выполнив ложный манёвр, сделал крутой поворот по ветру и несётся, теперь, вдоль южных берегов Италии по направлению залива Тарента.

– Ты посмотри, какие порывы?! Карталон! – не унимается нубиец, которого зовут Тоган. – Нам сломает реи или, ещё хуже, мачту!

– Не причитай, Тоган, – отмахнулся Карталон, – если бы я был безрассуден, как ты говоришь, то добавил бы ещё по одному гикселю! Что, на мой взгляд, думаю, очень бы нам не помешало! – При этих словах глаза Тогана округлились то ли от испуга, то ли от негодования. – Но вижу, вижу, – продолжал Карталон, – что после этого ты так взвоешь, что начнёшь взывать ко всем своим богам, бесконечное перечисление которых у меня всегда вызывает головную

боль! Хотя, я, сколько мы с тобой плаваем, так и не смог заучить ни одного из их имён! Скажи, Тоган, зачем твоему народу такое количество богов? – безмятежно удивляется Карталон.

Нубиец, безнадежно махнув рукой и качая головой, спускается на палубу. Карталон ненадолго остаётся один. На башню не спеша поднимается статная женщина. Подойдя сзади к Карталону, она прижимается к нему, обняв его за пояс.

– А, это ты, Сибилла?! – поворачивается Карталон.

– Может, Тоган прав? – спокойно замечает Сибилла. – Реи и канаты действительно визжат от напряжения. – Она смотрит ему прямо в глаза. – Мы что, опять куда-то спешим, Барка? – Взгляд её полон любви и очарования, томные глаза ослепительной чистоты и глубины исторгают неиссякаемые волны теплоты и надёжности. Эти глубинные волны, исходящие из глаз Сибиллы, накрывают Карталона, наполняя его сердце необычайной нежностью и благодарностью к ней...

– Почему ты не осталась в Гадесе? Зачем тебе столько лишений и тревог, коими избилует моя жизнь? Тебе, созданной по подобию Афродиты, не место на этом корабле, среди отчаянного разноплеменного народа, зовущегося мореходами! Тем более в этих римских водах, где нам постоянно грозят: то Нептун своим трезубцем, то Марс своим мечом! – ответил вопросом на вопрос, пленённый взглядом Сибиллы Карталон.

– Что же мне оставалось делать? Ждать тебя опять год или два? Из шести лет нашей любви только два мы были вместе. Довольно, решила я! Теперь, я буду с ним всегда – и в походах, и в мире, и на земле, и на море, а если придётся, умру вместе с ним! Потому что жизнь, без тебя, бессмысленна! – Сибилла опустила свой взгляд, но тут же подняла его. – Да, теперь тебе придётся обучить меня искусству обращения с оружием, – Сибилла посмотрела с убеждённой твёрдостью на Карталона.

В этот момент необычайный порыв ветра так напряг паруса, что реи затрещали на крепеже, а мачта ощутимо согнулась вперёд. Оснастка корабля, выполненная из выделанного кедра и лиственницы, справилась с порывом, но необычайная сила, возникшая в парусах, как бы, перебросила корабль с одной волны на другую, погрузив нос гептеры в воду! Но, тут же, подняв её с огромным количеством воды, бежавшей по палубе, и брызг, летящих во все стороны...

Сибилла, в испуге, посмотрела в этот момент на Карталона! Он был необычайно спокоен, ни один мускул не дрогнул на его лице. Это был его мир!!! Мир, в котором он жил уже много лет и без которого жить не мог! Будто, почуяв испуг Сибиллы, Карталон обнял её и пояснил:

– Нам нужно сейчас двигаться быстрее волн! Мы слишком далеко от берегов. Нептун посылает нам вслед волны, именующиеся у мореходов «убийцами» кораблей. Догонит такая вот волна нас и опрокинет корабль! Но не волнуйся, скоро мы минуем мыс Тарента, который своим носом режет волны! Там море намного спокойней, – унял волнение Сибиллы Карталон.

Они какое-то время стояли молча, наблюдая за игрой Нептуна... Сибилла взяла его за руку. Им было хорошо вдвоём, совершенно без слов, просто стоя рядом друг с другом... И только неистовый ветер, разгулявшийся на морских просторах, пытался поломать эту идиллию, играя их волосами, закидывая их на глаза, губы, щекоча лицо... И боги, словно почуяв, что противодействуют, мешают этой великой молчаливой гармонии, стали унимать ветер...

На горизонте замаячил отчётливой, темной полосой мыс, о котором говорил Карталон... Флагманская гептера убрала гафеля и брамселя, замедляя ход, чтобы отставшие и разметавшиеся в море корабли собрались вместе...

Глава 6

...Возвратившись в лагерь, Кассий первым делом отправился в римскую лагерную баню, которую соорудили в строгом соответствии с воинскими предписаниями, касающимися размещения военного контингента в военное время в лагере. Вымывшись и переодевшись в чистый хитон, Кассий пошёл в расположение своей центурии, где провёл смотр прибывшему, в лагерь, манипулу во главе с Массилием. Оставшись довольным и узнав, что путь их прошёл без каких-либо казусов, Кассий распорядился всем очиститься и отдыхать. После этого, Кассий зашёл в палатку центурионов с намерением надеть доспехи и идти на доклад к легату, но почувствовал вдруг страшный голод, так-как не ел ничего со вчерашнего дня. Отложив, на некоторое время, намерение идти на доклад, он вышел из палатки.

– Массилий! – позвал он декана. – Я так замотался, что забыл сам посетить столовую и спросить вас, ели ли вы, по прибытию в лагерь?

И узнав, что они, возвратившись в лагерь, первым делом посетили лагерную столовую, Кассий удовлетворённо кивнул и двинулся было в сторону столовой, но остановился, вспомнив:

– Да, тот кувшин, что ты привязал на круп моей лошади, остался совершенно нетронутым. Можешь утолить свою жажду, Массилий! Но только жажду, только жажду! – и, улыбнувшись своей почти юношеской улыбкой, Кассий показал, где стоит лошадь.

Массилий почувствовал необычайный прилив и физических, и душевных сил. Он с удвоенной энергией принялся за чистку доспехов центуриона, наблюдая за уходящим Каром.

– Вот мальчишка, – удивлялся он, – проскакать пять часов, ждать пропуска к консулу почти день и даже не пригубить этот нектар с эвбейских виноградников? Вот уж действительно, бог Бахус обделил Кассия, не дав способности оценить полноту букета вина и безграничности просветлённого разума под действием оного!.. – Так рассуждал он, когда увидел, как Кассия окликнул воин в хламиде с консульскими значками. Он что-то передал Кассию на словах, а потом передал в руки Кассия тубу. После этого воин развернулся и пошёл, только не к выходу из расположения центурии, а в центр, где стояли палатки легатов.

Кассий повернулся и направился обратно к Массилию. Лицо его было задумчиво...

– Массилий, собери свой десяток. Экипировка полная!

– Когда выступаем, центурион? – радуя Кара своей постоянной готовностью, ко всем тяготам службы, поинтересовался Массилий.

– Немедленно. Да! Надо сделать необходимые припасы, займись этим. Поэтому откладываем выступление на час!

Массилий бросился выполнять приказ.

Отправляясь выполнять задание консула, Кассий, как старый служака, составил в голове план о сборе тех подручных средств, которые ему понадобятся в пути...

«... Во-первых, понадобятся две повозки: – одна для провианта и воды, другая для попеременного отдыха наших принципов, которые в своём тяжёлом вооружении не смогут двигаться без отдыха. К тому же, можно сложить в неё часть вооружения, например, щиты и тяжёлые дроты. Дорога неблизкая! Нужно будет пересечь Сицилию поперёк – от северного побережья до южного берега. Путь пройдёт по территории, находящейся в сфере влияния Рима и Сиракуз, но на самом деле местные сицилийские племена, живя обработыванием земли, не гнушаются заниматься разбоем... Поэтому, встреча с ними вполне возможна! – рассуждал Кар. – Исходя из этого, нам лучше прибиться к какому-нибудь римскому военному обозу, двигающемуся в попутную сторону, – мысленно заключил центурион. – Мне, по моему рангу, о таких передвижениях знать не положено. Но моему легату Титу Бабруке о них уж точно известно! – решил Кассий и отправился к палатке легата. – У него заодно и спрошу тяго-

вых лошадей, так как впрягать в повозки итальяйских боевых скакунов слишком накладно, им нужно и питание полноценней, и отдыха побольше...»

С этими мыслями Кассий пошёл к палаткам легата. Не доходя до центра претории десятка шагов, он был остановлен личной охраной легата и на вопрос о цели визита коротко ответил: «По делу римского народа», – и представил тубу с консульскими атрибутами. Его тут же пропустили.

Войдя в палатку, Кассий, услышал несколько голосов. Один принадлежал легату Бабруке, другие Кассий слышал впервые. Кассий подождал, пока о его приходе не доложит дежуривший у входа центурион, и после его приглашения прошёл внутрь. В палатке происходила беседа:

– ...придёт завтра вечером. С этим конвоем прибудет много муки и проса. Поэтому, Тит, не беспокойся, что мы забираем у тебя, часть твоих запасов легиона! Мы утром отправили обоз в Эрбесс, к промежуточным складам провианта. Обоз загрузили в третьем легионе «Латиум», и теперь часть твоего провианта перебросим в легион «Латиум». Ну, а завтра, по приходу конвоя, твои интенданты получают всё обратно! Ты меня знаешь, Тит! Мы с тобой служим не первый год, я всегда выполнял свои слова и обещания! – говорил человек с регалиями военного трибуна.

– Да, мы служим немало, Котта! Но, и ты знаешь, что мои полномочия обязывают меня отвечать за запасы провианта в легионе. Но если ты мне дал своё слово, Сервилий, мне этого достаточно. Потому что слово ты всегда выполняешь. Да будет так! Вы можете взять у нас нужную часть продовольствия, – согласился легат. В этот момент, он заметил вошедшего Кара, который приветствовал всех по римскому обычаю, подняв правую руку, согнутую в локте.

– А, Кассий, я уже думал, что ты отбыл выполнять задание консула! Его ликтор сказал, что ты отправляешься немедленно! – Тит поднял в знак приветствия правую руку. – Что же тебя задержало?

Завидев, что Кассий обдумывает свой ответ, Тит успокоил его:

– Ты можешь говорить при этих доблестных мужах, это Сервилий Котта, военный трибун, и легат третьего легиона Фабий Цильд. – Названные мужи подняли в приветствии руки.

– Я зашёл попросить у тебя, доблестный легат, тяговых лошадей на две повозки и посоветоваться в одном вопросе, – ответил, успокоенный словами легата, Кар.

– Я слушаю тебя, Кассий, – приготовился выслушать Кара Тит.

– Так-как мне, по заданию консула, нужно будет пройти по территории Сицилии, я бы хотел узнать, не отправляется ли какой-нибудь вооружённый обоз в сторону реки Сальсы, у меня всего лишь декан и десяток принципсов!

– Отправился, уже отправился! Кассий Кар, если не ошибаюсь? – в разговор вступил трибун Сервилий Котта. – Я наслышан о тебе, приимпеларий! Не далее, как вчера мне о тебе много хорошего сказал грек Афрасий. Поэтому, я тоже рад буду тебе помочь, но услуга за услугу! Я снаряжу тебе две повозки тяговыми лошадьми, приспособленными как раз к условиям Сицилии, но ты должен будешь догнать на них обоз, отправленный к Эрбессу, и вместе с ним прибыть в Эрбесс. Обозом командует Теренций Мул, он хороший центурион, но твой опыт несравненно больший, и поэтому мне будет намного спокойней за обоз, при котором будет столь доблестный воин!

– Ну, вот, Кассий, все твои вопросы решены, – заметил Бабрука, – можешь отправляться. Что-то ещё?

– Нет, я получил всё, что хотел, – кратко ответил Кар.

– Повозки будут снаряжены возле декуманских ворот лагеря! Тебе из них будет удобней попасть на тракт, Кассий, – уточнил Котта.

Кассий вышел из палатки легатов.

Глава 7

Дорога. Она петляет вокруг разных, раскиданных природой преград в виде горных кряжей, огромных осыпей камней различной величины, речных излучин, петляющих меж скал. Дорога сильно отличается от республиканских дорог, проложенных в Италии, ещё в древности этрусками, к основным, прилегающим крупным городам и союзным государствам. Эта же дорога протоптана только ногами и повозками. Руки, мостящие дороги камнем, к ней ещё не прикасались и такой технологии, здесь, не знают. Дорога спускается с горного плато, с гордо возвышающейся и дымящейся Этны...

Издали видно, как по дороге, словно червь, спускается обоз, растянувшийся на пять стадий. В голове «червя» угадывается римское войсковое соединение, находящееся в полной боевой готовности, построенное в походную колонну. Численность соединения чуть более манипула. Сзади него, по краям обоза, вроссыпь, шагают римские велиты, узнаваемые по волчьим шкурам с верхней частью голов зверя, надетым на головы воинов вместе с частью шкуры, вместо шлемов. Велиты прикрывают обоз с боков. Но, заглядывая дальше, в хвост обоза, можно угадать ещё один манипул, прикрывающий обоз с тыла.

– ... Ну, наконец, мы миновали этот кряж, так пахнувший серой, извергаемой горном бога Вулкана, который находится в недрах Этны! – говорит декан центуриону Теренцию Мулу. – Идешь и всё время ждешь, что бог ударит своим молотом по горну, и из жерла Этны вылетит очередная порция искр с его наковальни, от которых и спастись негде! Но хвала Вулкану, он бережёт римские жизни! – заканчивает декан.

– Рано облегченно вздыхаешь! – отвечает центурион. – Если до нас не долетят брызги его горна, то сера и пепел, догнав нас, превратят нас в мертвецов, с не меньшей быстротой, Овидий!

– Клянусь водами Ахеронта! Ну, можешь ты, успокоить человека, Теренций! Я лучше простою в открытом сражении против сотен горящих галльских стрел, чем услышу гром его горна! – замечает Овидий. – Прошлый обоз прошёл удачно, но вот позапрошлый накрыло горячей серой, всё сгорело – и люди, и кони!

– Не плачь, Овидий, мы-то ещё живы! – кричит центурион. – Пройдись-ка лучше по обозу! Да подтяни его, уж больно растянулись... Давай, пошёл!.. – подгоняет декана Мул, видя, с какой неохотой тот спрыгивает с повозки.

По обозу пошла переключка, и издали кажется, что «червь» будто передёргивается и начинает сокращаться в длину...

...К вечеру ландшафт меняется. Обоз выходит на низменные склоны... Благоухания растительности наполняют вечерний воздух, и все дневные тревоги остаются позади. Теренций Мул выезжает вперёд для того, чтобы найти пригодное для ночлега место. Оно должно быть открытым и хорошо просматриваемым. Он долго ходит по окрестностям, наконец, такое место находится – это небольшая возвышенность с развалинами какого-то старинного поселения, окружённая лесными массивами. Теренций приказывает закатить повозки в центр возвышенности, а манипулы расположить вокруг. В ближайший лес отправляются велиты на заготовку дров, на ночь. Через час уже горят костры, и воины готовят себе походный ужин. Потихоньку состав обоза располагается ко сну, костры всё слабее и слабее вздрагивают языками пламени, и постепенно угли рассыпаются пеплом... Ночь...

Только дозорные несут свою нелёгкую караульную службу, вслушиваясь в ночную тишину. Лес, расположенный вокруг стоянки, почти нем. Лишь одинокий волчий вой разносится по округе. Или крик ночной совы, извещающий, что её охота удалась, пререзает ночной воздух и спящий лес.

– ... В этих местах, наверно, полно оборотней, – говорит один из дозорных своим товарищам по наряду, ведя давно начатый разговор. – Я слышал одну из легенд, что когда-то в этих местах было скопище тёмных сил, которые слетались сюда, чтобы расправиться с одинокими путниками или даже небольшими отрядами, как наш! Но потом, по просьбе жрецов Сиракуз, зажгли на вершине Этны факел, который осветил все логова тёмных сил, и они, разбегаясь под лучами этого необыкновенного света, стали превращаться в волков, а некоторые и вовсе сгорели. Но в полнолуние их тянет в эти места, и они пьют, и не могут насытиться человеческой кровью бедолаг, попадающих им на дороге! – закончил рассказ дозорный.

– Да уж. Лучше встретиться с врагом в сражении, чем сгинуть вот так от когтей оборотней... – замечает другой дозорный, из того же наряда.

– А ещё я слышал, что в верховьях реки Сальсы живут старые боги, которые правили здесь людьми ещё до прихода Юпитера и его пантеона, – продолжает нагонять жуть первый дозорный. – Говорят, даже карфагеняне бояться заходить туда! А ведь их защищает великий Молох, этот ужасный бог, который так любит человеческие жертвы! В небе над Сальсой часто видят летающие колесницы, только чьи они? Старых богов или наших? Жители Эрбесса справляют ритуалы и тем богам, и другим, считая, что они этим отведут несчастья от города. Но, всё равно, на город обрушиваются частые моры, от которых гибнут и горожане, и наши солдаты, стоящие там гарнизоном! Старые боги Сицилии несут смерть, мстя всем за то, что их забыли...

В это время где-то завыл волк...

– Вот видишь, они всё ближе и ближе, – насторожился ещё один из дозорных, – подкрадываются к нам!

– Они вышли на охоту, почуяв нас! Клянусь темнотой Плутона, зря мы остановились здесь на ночлег! Скорее всего, эти развалины принадлежат какому-то проклятому сицилийскому племени, – решает первый дозорный.

– Вот, вот... слышишь? Топот ног... Вот опять... Клянусь Эскулапом! Нам не выжить... Их может быть сотни, а может и тысячи! – вторит ему третий.

– Кого? Дурак! Где ты видел сотни оборотней! – пытается вдохнуть отвагу в присутствующих второй дозорный. – Я ничего не слышу... ничего... Хотя, если верить легендам, чтобы убить всех нас, хватит и десятка оборотней!..

Тут со стороны леса слышится тихий скрип, похожий на скрип при качании детской люльки. Скрип повторяется с определённой периодичностью, но вдруг затихает... По лесу проходит перекличка испуганных птиц...

– Проклятье! Похоже, мертвецы здешнего селения встали из могил.

Все трое замолкают от этого замечания... Темнота ночи скрывает их позеленевшие от страха лица. Глаза их блуждают по сторонам, все понимают, что если сейчас кто-либо из них бросится бежать, все тут же пустятся за ним...

В это время со стороны дороги, из леса, слышится одиночное ржание лошади. Ему, вторит фыркание самцов-жеребцов с холма, где расположился обоз. Затем, отчётливо, слышен топот ног и скрип телег...

– Фу! Ну и дураки же вы! Напустили ужаса, даже мне, ветерану, стало не по себе!? Недаром ведь говорят: у страха глаза велики! Но нужно ещё добавить – уши тоже не маленькие! А ну-ка спросим, кого это там несёт ночью? Пусть хоть это и враги, но живые, и поэтому знаешь, куда им воткнуть меч, – совсем взял себя в руки второй дозорный, декан Овидий, ибо это был он.

– Эй, стойте, кто такие? И куда держите путь в столь глухую пору? – кричит он.

– Вот это новость! Кого я слышу, это голос моего товарища Овидия, рыбака из Остии? – слышен ему ответ.

– Массилий? Это ты? Дружище! Как занесло вас в такую пору в такое же зловещее место? – радостно отвечает Овидий и поворачивается, замечая, что его наряд, уже приободрённый и улыбающийся, рад такой встрече, разметавшей ночные страхи, как дым.

– Мы двое суток спешим за вами, пытаюсь догнать! Но наши лошади, – из темноты уже проявлялись очертания двух повозок и дюжины солдат, – стали метаться и упрямитесь из-за близости дыхания Этны...

Вот уже совсем рядом на свет факелов дозора вышли римские принципы с молодым центурионом во главе. За ними воины вели под уздцы небольших лошадей, впряжённых в две повозки, колесо одной из которых, видимо, издавало скрип в одном и том же месте оборота колеса, так похожий на скрип детской люльки.

Овидий смеётся:

– Как приятно встретить друзей в месте, где только что, кое-кто ждал встречи с тысячами оборотней и мертвецов! – Он радостно смеётся и обнимается с Массилием.

Глава 8

Корабли собираются, ориентируясь на высокий мол мыса Тарента. Ветер, по понятиям мореходов, дует самый благоприятный. Паруса дышат ровно и галеры плавно покачиваются на волнах. Нубиец Тоган командует рулевыми, отдавая короткие, но ясные только им по смыслу, команды. Здесь закончилась власть римского Нептуна и вступает в свою силу и власть греческий Посейдон, который сегодня в добром расположении духа.

– Карталон, – обращается к Барке нубиец, – а теперь можно добавить по гикселю, если мы всё ещё спешим куда-то?

– Нет, друг мой, теперь мы уже не спешим. Зайдём в залив Тарента, оставим там флот, а сами сплаваем на прогулку в рыбацкое селение, что близ Тарента, – разъяснил Карталон.

На палубу вышла Сибилла в доспехах греческой жрицы Афины, которые были ей очень к лицу. Кожевенные доспехи ярко подчёркивали её прекрасную фигуру. К красоте её тела прибавлялась красота её лица, так что вся команда, позабыв на время о своих обязанностях, остолбенела, на время, от такой красоты! Ибо привыкла видеть Сибиллу в строгом испанском наряде – в длинном платье, не показывающем ничего лишнего...

– Ну, что уставились, обалдуи? Что, вспомнили своих красоток, оставленных в Гадесе и Акраганте, да ещё мало ли где? Подберите слюни, пройдохи, это соцветие не для вашего букета. Клянусь, божеством Исталабионга, подобной красоты я сам не видел давно! Ну, может, только девушки моего племени, которые живут далеко отсюда, могут сравниться или даже превзойти эту диву по красоте! Но их охраняют десять богов... – Тоган обвел взглядом, своих матросов, – Хотя какое вам дело, кто их охраняет! Ну-ка, за работу! Бездельники! – так нубиец Тоган «пробуждал» команду, замершую, от созерцания красоты Сибиллы.

Сибилла подошла к Карталону.

– Ну что, я готова к твоим урокам, Карталон! Давай, принимайся за обучение.

При взгляде на Сибиллу, Карталон подумал: «О боги! Зачем вы создали свет, если такая красота подвергается в нём опасности?»

– Ну, хорошо! – вслух, согласился он. – Для начала ты должна научиться обращаться с мечом. – Он подошёл к лузе возле мачты, в которой стояло с десятков мечей разной величины и формы, и начал выбирать меч. – Испанский для тебя слишком тяжёлый! Галльский слишком длинный... – Вот! – он выбрал римский меч пехоты, – По длине руки и весу лезвия очень подходит... Осторожно! Очень острый... – предупреждает он Сибиллу, которая потянулась к лезвию. – Это колющее оружие! Успех латинян в бою и их громкие победы состоят в том, что они первыми применили в тесном ближнем бою колющую тактику. И теперь, не расстраивая своих рядов, они наносят колющие удары из-за своих огромных щитов скутумов, в то время как другие народы стараются делать рубящие удары. А чтобы нанести такой удар, нужно пространство, чтобы не задеть своего же соседа! Да ещё, при замахе приходится на мгновение открываться, чем и пользуются «сыны Марса». Находясь под прикрытием своего щита, римский воин, будь то гастат или принцип, делает колющий удар в открывшееся место на теле противника! Траектория колющего удара намного меньше, короче, чем рубящего, и поэтому колющий удар достигает своей цели намного быстрее! Не каждый рубящий удар смертелен, зато колющий удар глубиной всего с пол ладони уже задевает какой-нибудь жизненно важный орган и ранение уже очень тяжёлое! Но этим мечом можно не только колоть, но и, при желании, рубить, поэтому он имеет двустороннее лезвие в отличие от греческого меча, – начал свои уроки Карталон, взяв руку, в которой Сибилла держала меч, своей ладонью. – Для того чтобы ты могла обращаться с мечом, тебе нужно научиться правильно дышать. Твой вдох должен быть ровным и спокойным. Человек, подвергаясь опасности, получает всплеск различных эмоций, из которых не все ему помогают, но, многие из них, очень вредят! Сердце человека стучит учащённо, и дыхание

сбивается со своего ритма в такт сердцу. Так вот, Сибилла! Ты должна научиться контролировать свои эмоции и не сбивать дыхания! На одном вдохе ты должна делать несколько приёмов по отражению ударов врага или атаки противника самой...

Так Карталон начал своё обучение Сибиллы искусству владения мечом и час за часом, с небольшими перерывами, она твёрдо выполняла его упражнения, став предметом восхищения всего корабля, состоящего из отчаянных воинов, которых Карталон, брат Гамилькара, нанимал по всему известному тогда свету. Эти воины с безудержной радостью и восхищением, от твёрдости её характера, смотрели, как Сибилла привыкает к мечу...

Тем временем солнце стало клониться к закату, и флот вошёл в большую бухту на ночлег. Пока пентеры и гептеры становились на якоря, на мелководье, одна гептера выскользнула из бухты и отправилась в Тарент.

Тарент. Основан в VIII веке до нашей эры спартанцами. Огромный город Великой Греции, имеющий мощные фортификационные укрепления, как с моря, так и с суши. Крепостные стены с древних времён строились против местных племён, но впоследствии пригодились и против своих соседних греческих полисов, с которыми город конкурировал во влиянии на территории Великой Греции. На возвышение в Латиуме города Ромула, бывшим некогда небольшим городом Этрурии, тогда никто не обращал внимания. Существуют легенды, что Рим основан переселенцами легендарной Трои... Но, это лишь слухи, неизвестно кем пущенные, но... в общем не искажающие общей картины. Ведь, действительно, Рим был небольшим городом Этрурии и читался своим названием наоборот. И только «вскормлённые волчицей» (на самом же деле козой) братья решили перестроить и расширить город, к тому времени, почему-то (ответа нет до сих пор) почти опустевшей Этрурии. Только вели они себя как настоящие волки. Каждый набрал свою стаю приверженцев и споры – «кто главнее?» – приобрёл, между братьями, догматический мотив их взаимоотношений. Развязка была близка. Как-то, распахав вокруг Рима землю, братья опять заспорили – в какую сторону Рим будет расти. «В сторону Тибра!» – говорили приверженцы Ромула. «В сторону Латиума!» – возражали им сторонники Рема. Город рос быстрее в сторону Латиума, потому что прирастал сельскими жителями, которые, распахивая поля вокруг города, хотели жить под защитой крепостных стен. Это очень бесило Ромула и его стаю приверженцев. И тогда он решил провести между, отделив свою половину перспективной застройки Рима от половины Рема. При этом он сказал, что теперь никто из приверженцев Рема, включая его самого, не зайдёт за эту между! Рема это очень возмутило, и он стал спорить с братом, что может заходить за между так же, как и Ромул вправе заходить к нему, на его сторону. Ромул не соглашался. Размолвка была очень горячей. Тогда Рем взял и перешагнул проведённую между со словами: «Вот так мы будем ходить к вам! А вы...», – но договорить не успел. Один из приверженцев Ромула бросил в него дротик, пронзивший Рема насквозь...

Так (по слухам) было совершено братоубийство из-за дележа власти и зависти, перенесённое, позднее, в Библию под другими именами братьев. Ромул похоронил брата с почестями, а поле захоронения назвали Марсовым полем. Говорят, также, что Ромул снял с брата какой-то медальон и носил его на шее...

С тех пор Рим стал расти очень быстро. И вскоре превратился в один из крупнейших в Латиуме. Соседние города-государства сначала стали сами нападать на Рим, ввиду его усиления, за счёт той политики, кою провозгласили братья (в город зазывали всех переселенцев, со всего света) Ромул отвечал им своими походами и расширил владения до границ Латиума. Позже, Ромул, пользующийся полной властью в городе, вдруг, решил ограничить себя в своих полномочиях, проведя ряд реформ. Он провозгласил Сенат Республики, но расширил и храм Двуликого Януса, оставив на прежнем месте святилище, символизирующее Войну и Мир. Следующим его шагом, было намерение расширить Сенат, введя в него новых членов, не принадлежащих к олигархической герусии зажиточных патрициев, к этому моменту, уже

необыкновенно усилившейся. Но внезапная смерть Ромула ввергла Рим в оцепенение... Сенат провозгласил Ромула богом Квирином и построил ему храм, в котором должен был исполняться культ нового бога. А Рим, после этого, оказался на несколько веков под властью царей Этрурии, так-как и числился в их пределах влияния...

Тарент в это время был крупным и могущественным центром греческой цивилизации в Италии. Вернее, одним из её центров. Он вёл самостоятельные войны с Сиракузами и другими городами-полисами греческого мира. Город выбирал себе диктатора, который осуществлял политику полиса. Когда же, случилась война с Римом, Тарент обратился за помощью к Пирру, царю Эпира. Пирр откликнулся быстро, переправившись на берега Италии, вместе со слонами, которых привёз из Египта. Царь нанёс римским войскам несколько серьёзных поражений. Но лишённый подкреплений, и будучи обманутым, тем же Тарентом, также, как и другими городами-полисами, поддержавшими его вызов в Италию, лишь с одной целью – отражения агрессии Рима чужими руками и не более того, царь был вынужден покинуть берега Италии. Пирр отплыл сначала в Сицилию и, провоевав там несколько лет с Карфагеном, тогдашним союзником Рима, вернулся обратно в Эпир... Рим, после этого, не спеша поглощал греческие города. Пришло время и Тарента, когда диктатор города, подкупленный Римом, сдал его без боя. Ночью люди Милона, диктатора Тарента, перебили стражу и открыли ворота римлянам... Так греки, из-за своей жадности и приверженности к разобщённой полисной культуре, потеряли свою независимость. Рим, правда, отнёсся к побеждённым, снисходительно и гуманно. Давая им права на самоуправление, но навсегда размещая в них свои гарнизоны и вводя свою ценовую политику...

...Гептера Карталона не стала заходить в бухту Тарента, а проскользнула мимо, в рыбацкое селение, расположенное в нескольких десятках стадиев от города. Там гептера встала у берега и от галеры отплыла лодка, с Карталоном Баркой на борту. Лодка причалила к берегу недалеко от стоящих в большом количестве рыбацких лодок, чтобы не возбуждать подозрений.

Карталон соскользнул на берег, переодевшись простым рыбаком, и направился напрямик на постоянный двор, где останавливаются богатые торговцы, скупающие рыбу у рыбацких артелей. Несмотря на вечер, постоянный двор выглядел очень оживлённым. В свете факелов шёл рыбный торг. Рыба – скоропортящийся продукт, и торговцы, скупая уловы вечером, уже к утру доставляли на рынки Тарента свежую рыбу. В харчевне же и вовсе не было места. Рыбаки и торговцы обмывали свои дневные сделки, обильно поливая их вином. Карталон, войдя в зал, начал искать кого-то глазами. Взгляд его скользил от столов к рядам столов, пока не остановился на одной точке. Там сидело несколько торговцев, все оживлённо беседовали. Торговцы были, примерно, одинаково одеты, но у одного на плаще была пришита серебряная оборочка, выделяющая его от всех. К нему и направился Карталон, огибая длинные столы. Подойдя к сидевшим за столом, Карталон спросил:

– Почём, почтеннейшие торговцы, нынче атлантическая сельдь?

Торговцы начали называть каждый свою цену, но в то же время оговаривали, что сами должны поглядеть на улов. Когда же они узнали, что сельдь уже засолена, они тут же потеряли интерес к предложению, потому как покупка солёной рыбы была дороже, чем покупка сырого улова. Интерес к предложению потух у всех, кроме человека в плаще с оборочкой из серебра. Этот торговец заявил, что готов посмотреть товар. Торговцы удивились столь неоправданно легкомысленному, принятому уважаемым торговцем, решению, но, решив, что это каприз слишком удачливого купца, тут же забыли об этом, под влиянием выпитого вина. Карталон и торговец вышли во двор.

– Здравствуй, Карталон! Наслышан о ваших подвигах с Гамилькар! Только, в Риме думают, что на море и на суше их гоняет Гамилькар. О старшем брате они не знают и думают, что ты всё ещё в Гадесе!

– О том, что я в Сицилии, знает только флот. На суше армия о моем приезде не знает! Ну, а ты, Дидон, потомок славной царицы, что сообщишь? – спросил Карталон.

– Новости плохие для нашего города, Карталон, – отвечал Дидон, – она у них! Но есть ещё, похуже этой! Тайные знания кем-то выданы им! Они выкупили её у Птолемея, который не обладал знаниями Александра. Значит, их кто-то наставил, просветил, направил на этот путь! Изначально одна была у Рема, он, тогда, ни о чём не догадывался. Кто ему в младенчестве дал её, он не помнил. Но, будучи человеком спокойного склада характера с яркой харизмой и обладая ею, он не чувствовал взаимодействия её со своей психикой! Первое время. Что произошло дальше, мы можем только догадываться... Когда же она попала в руки Ромула, тут произошёл какой-то сдвиг. Соединяясь с его характером лидера, она, видимо, пробудилась сильнее!.. Ромул в конце о чём-то стал догадываться и, превратившись в деспота, решил всё-таки ограничить себя во власти. Но та, тёмная сторона, уже пробудилась. Я подозреваю, что орден, созданный Ромулом, решил устранить его самого, дабы не ограничивать себя во власти и самим Ромулом, и Сенатом. А сейчас эти круги завладели и второй частью – частью из Александрии! Из гробницы Александра. Жрецы Карнака давно тянули к нему руки, но... Птолемей не соглашался... Наш совет Священной Касты, тоже, всё время жаждал завладеть ею. Дважды вёл войны с Египтом. Но мы противодействовали им во всём, мешая превратить наш город в очаг зла, которое расползлось бы из Карфагена! Тайное знание тщательно скрывалось в веках, но всякий раз почему-то всплывало где-то? Так было с ассирийским царём Ашшурнасирапалом II, который искал их уже в Тире, а после в переименованном, отсоединённом от метрополии, Вавилоне. Он покорил все ближайшие государства, но не нашёл их. Ассирия просуществовала триста лет, но была стёрта со страниц истории, другими народами... Александр нашёл её в Карию случайно, кто-то открыл ему занавес тайны. Тогда, он, приняв яд лицемерия и своего возвышения до бога, подкреплённый знанием жрецов и уже управляемый ими, снова обратил меч против Тира, зная от Каст, что именно там, они хранились когда-то... Захватив город, он ничего не нашёл и не узнал, и поэтому в ярости разрушил нашу прародину, которая долгое время спасала весь мир от великих потрясений. Волна времени и событий унесла и его самого, после его бесславного похода к границам метрополии! Он не мог знать, что вторая часть хранится в городе Ромула, а если бы узнал, то Запад узнал бы гнев его грозных фаланг! Но он двинулся туда, куда Касты ему не советовали идти. Вернулся он иным... и тут же был устранён теми, кто слишком многое ему открыли... Хотя. Часть их задания... он выполнил... И вот теперь часть, которая впитала в себя энергию Ашшурбанипала, Ашшурнасирапала II, Александра, а до него ещё Навуходоносора, находится в Риме. И они соединены наполовину! Мощь их теперь неизмерима! А орден, получивший их, будет использовать их себе во благо. Надо отдать должное персам. Царь Кир, когда взял Сарды, был проинформирован об этой части диска, но не пожелал взять её и оставил на месте. Так же последующие цари, помня завет Кира, не пытались завладеть ею и не искали других частей. Но не все цари такие благоразумные, как персидские. Те подчинялись традициям Благочестия... Наша Священная Каста знает, что вы, Баркиды, являетесь хранителями четвёртой части диска, который поручила вам моя прародительница, великая царица Дидонна. Каста, как и римский орден Двуликого Януса, готова на всё, чтобы завладеть им. Ваша часть самая важная, без неё, даже если собрать все три вместе и добиться огромной власти и могущества, не устоять под напором времени и народов. Шумеры так и погибли! Три тысячи лет они жили в благоденствии с полным диском Астарты, подаренным им богами, а народы, жившие рядом и которыми правили шумеры, внезапно возвысившись над ними, после обработки ядом Ану, были убойным скотом. Но произошло землетрясение и башня, где хранился диск, рухнула и рассыпалась! Вместе с башней рассыпался на части и диск. Три фрагмента, нашли и соединили: власть, могущество, богатство. Четвёртый же бесследно исчез! Ещё триста лет всё шло, как всегда, но вдруг соседние народы проснулись, из убойного скота превратившись в людей с самосознанием, и стёрли

цивилизацию шумеров, превратив их города в пустыни. Я не знаю, как эта четвёртая часть оказалась в Тире, и почему моя прародительница выбрала ваш род в качестве хранителей?! Какими критериями достоинств она руководствовалась? Но всё это время род Баркидов стойко хранит тайну главной части диска Астарты. Шесть веков ваш род владеет этой частью диска и ведёт себя достойней многих богов. Среди вас я не знал ни одного властолюбца или деспота! Вы отважные мореходы и воители, и ни разу у вас не возникло желания захватить вторую часть диска, находящуюся в Карфагене! Но теперь всё изменилось. Расклад сил изменился в сторону одного города. Величие, власть и могущество теперь в Риме, у ордена, который кому и каким целям служит, никто не знает! Они теперь постараются, во что бы то ни стало завладеть третьей частью Астарты – олицетворяющей богатство, частью Молоха! Именно, поэтому, они замыслили экспедицию в Карфаген. А у Карфагена со дня основания города (за восемь веков), даже стены не достроены. Совет суфжетов сейчас взялся закончить строительство, но вряд ли успеет к высадке Регула. Только вы, Баркиды, можете отсрочить высадку римской армии в Тунессе – частотой сражений на суше и на море! Поэтому, мы и вызвали тебя из Гадеса, Карталон. Будь защитником своего города, как были ими твои предки! И храните с Гамилькаром свою часть диска, дабы не был он собран в одно целое для установления всемирной гегемонии на века!

– Что делать мне в ближайшее время? – спросил Карталон.

– Тебе с Гамилькаром понадобится армия побольше, чем имеется у вас сейчас. Поэтому, отправляйся на Самос, там царь Акрон каждые пять лет устраивает состязания разного воинства. Собери наёмников по собственному выбору. Тебе на корабль уже доставили золото для этих целей! И будь осторожен, Карталон, ищейки нашей Священной Касты будут крутиться около тебя. Ведь мы им дали ложную информацию о том, что вся четвёртая часть хранится у тебя. Мы пошли на это, чтобы обезопасить Гамилькара. С наёмными убийцами Касты можешь действовать решительно! И вот ещё, – Дидон снял со своего пальца один из перстней, – это оберег царицы Дидоны. Пусть он хранит тебя, славный Карталон!

И он надел на палец Барки перстень.

– Ну, всё, мне пора. Я думаю, мы ещё увидимся! – с этими словами Дидон обнял Карталона и зашёл на одну из лодок, которая тут же отплыла. Дидон помахал Барке рукой. Карталон ответил тем же. Лодка растаяла в ночной мгле...

Карталон постоял в раздумье ещё несколько минут и пошёл по берегу, к оставленной им лодке с двумя гребцами на борту...

...Карталон сидел на носу лодки, пока она бесшумно скользила вдоль берега по спокойному ночному морю. «Так, значит, сила Рима будет только прибывать, и здесь уже ничего не поделаешь! – размышлял Карталон. – Видно, старые боги Шумера утвердились в своём желании воссоздать свою империю и обратили свой взор на Рим, не дождавшись возвышения Карфагена. Оказывается, они забросили в Рим одну из частей ещё со дня его основания. Рем не оправдал их надежд и тогда на сцене появился Ромул, честолюбивый и агрессивный... Часть Астарты – так называемая часть Барета, олицетворяющая Величие и Власть, – соединилась с энергией Ромула и вступила с ней во взаимосвязь. Рим быстро набирал влияние. Захватывал и подчинял себе соседние города-государства, но Ромул тоже почувствовал какие-то изменения в себе. И его убрали!.. Тайная мистерия, основанная им же, переросла в орден, целью которого стала охота за всеми частями Астарты. Сенат находится в неведении. Да и неизвестно, как он поведёт себя, узнав правду? Хотя и в Риме есть партии, которым совершенно чужда война и власть над другими народами. Если их мировоззрение не победит, то Рим будет возвышаться до тех пор, пока не рухнет, погрязший в алчности и развращённый падением нравов. Для этого нужно совсем немного. Просто не дать им добраться до части, хранителями которой являемся мы, Баркиды! – Карталон прервал свои размышления, увидев в ночной мгле проясняющийся остов своей галеры. Лодка причалила к гептере. Карталон взобрался на её борт.

– Тоган, – позвал он.

Появившийся нубиец, в темноте казавшийся чёрным исполином, вопросительно посмотрел на Карталона.

– Буди гребцов, выходим в залив к кораблям, а утром выходим в море! – отдал приказ Карталон.

– В какую сторону поплывём, Карталон? – спросил Тоган, но вспомнил другую новость. – Да, ещё! Ночью к кораблю пристала лодка и привезла вот это.

Тоган подошёл к двум бочкам, стоящим у кормы.

– Ты знаешь, что в ней? – он вопросительно постучал по одной из бочек.

– Тоган, там находится запечатанное зло, которое с помощью нескольких десятков заклинаний, подобных твоим, какими ты пользуешься в шторм, поместили в эти бочки. Это зло веками является проклятием человечества! И если ты или кто-нибудь из команды случайно откроет одну из них, то зло вырвется наружу и погубит всех на корабле! – При этих словах Тоган с округлёнными глазами, ставшими заметными даже в ночи, отдернул руку от бочек. – Так что смотри за их целостностью, Тоган! И передай всей команде! – Карталон повернулся к нему спиной.

– Зачем, ты взял на корабль эту нечисть? Тебе не хватает тех забот, которыми мы живём уже много лет? Клянусь, злыми духами Исталабионга! Только греческого зла не хватало нам на корабле! – Тоган что-то запричитал на своём языке.

– Вот-вот, – Карталон повернулся с совершенно серьёзным лицом, – наложи свои заклятия на эти бочки, чтобы усмирить нечисть на дне этих сосудов. – И он пошёл в рубку, расположенную под кормой.

А Тоган начал что-то говорить на своём, понятном только ему языке, пританцовывая и прихлопывая, при этом, между бочек...

Карталон вошёл в командирскую будку и раздул лампу. В углу на застеленном спальном месте лежала Сибилла. Карталон тихо подошёл к ней. Сибилла спала, намаявшись дневными упражнениями с мечом. Карталон сел рядом. Он смотрел на её лицо, на тонкий нос, на полные губы, высокий лоб. Её дыхание было ровным и спокойным.

«... Как она прекрасна! – думал Карталон. – Почему, мы, раньше, не решались разделять опасности? Я противился этому, думая, что ей будет невозможно выдержать лишения военной и мореходной жизни. Возвёл преграды, которые она так легко снесла своей решимостью – быть вместе! Боги создали мужчин более сильными и мужественными, но не обделили женщин мужской решимостью, и женщины иной раз разрушают стоящие между ними преграды решительнее мужчин». Он взял в руки прядь её волос, и прикоснулся губами к её лбу... Сибилла открыла глаза, долго смотрела на него, а потом прошептала:

– Барка, мы опять куда-то торопимся? – и, улыбнувшись, притянула его к себе...

Глава 9

Две недели обоз, к которому пристал со своей миссией Кассий Кар, пробирается по лесным дорогам Сицилии. Дороги Сицилии оказались в таком состоянии, что в некоторых местах повозки приходилось перетаскивать на себе до более или менее проезжего места. Таким образом, обоз минул треть пути.

– Кто бы подумал, что путь будет таким трудным, Кассий? – обращается к Кару центурион Теренций Мул. – Теперь, мне понятно, почему склады в Эрбессе не пополняются в должном порядке.

– Да, Теренций, мне кажется, что Республике придётся вложить довольно много средств в прокладывание дорог и постов на них по этрусскому типу.

– Ты хочешь сказать, что дороги мы научились строить, копируя дороги этрусков? – Теренций недоверчиво посмотрел на Кассия.

– Да, и не только дороги, – отвечал Кассий, – но и акведуки, портики храмов, а также способы выкладки мостов – всё взято от этрусков!

– Вот удивительно! Я-то думал, что всему нас научили хитроумные греки, – заключил Теренций.

– Греки научили нас искусству постройки торговых рядов, храмов и амфитеатров, а также одеонов. Они же научили нас словесности и философии. И не только нас, а весь просвещённый мир! Грекам же, как не странно, эти знания, принесла месть Борейского народа – дарийцев, за разорение Трои... – Кассий посмотрел вокруг. – Теренций, а ты не заметил, что последние два дня мы всё реже встречаем местных сицилийских вождей? И народ, который мы встречаем, выглядит не совсем дружелюбно?

– Нет, я как-то не обращал на это внимания! Здешняя нищета так бросается в глаза, что иной раз не хочется её замечать! – Теренций показал на горизонт. – Вон виден какой-то дым! Наверно, опять два каких-то племени воюют друг с другом из-за какой-нибудь пустяковой причины! Небось, не поделили апельсиновую рощу! Ты не заметил, Кассий, что ассимиляция народов здесь достигла таких размахов, что здешний народ не знает своей национальной принадлежности! Все перемешались – греки, финикийцы, местные секваны.

Кассий не отвечал. Он думал о чём-то своём.

– Теренций, – обратился он к центуриону, – разреши мне взять одного из скакунов твоего обоза. Я совершу разведку в том направлении дымов. Разузнаю, что там стряслось.

– Хорошо, Кассий, заодно проверишь наш дозор, ушедший вперёд! – с радостью согласился Теренций. Он не любил лошадей и верховую езду. – А я пока подтяну обоз...

И Теренций начал передавать по цепочке обоза команду подтянуться.

Кассий сел на италийского жеребца и поскакал в направлении увиденного дыма. Жеребец был молодой, резвый, и сразу пустился в галоп, так что Кассию даже приходилось сдерживать его непомерную прыть. Это было очень красивое зрелище – молодой центурион, слившийся с резвым молодым жеребцом в быстрой скачке! Теренций понаблюдал за удаляющимся всадником и вернулся к обозным обязанностям.

Кассий, проскакав открытое место очень быстро, придержал коня у края леса, выбирая путь, по которому он будет двигаться. Заметив довольно широкую межу меж зарослей, в которой как раз хорошо двигаться конному, он повернул коня к ней...

Пробираясь уже в течение получаса по лесу, Кассий выехал на берег какой-то мелкой речки, бежавшей через лесную чащу. Кассий спешился, чтобы напоить коня... Вдруг, он услышал голоса. Он повернулся на приближающийся звук, и инстинктивное чувство, заставило его перебраться на другой берег вместе с конём и затаиться в зарослях...

Голоса приближались... На место, где только что стоял Кассий, вышли люди. Их было четверо. Судя по одежде, это были местные зажиточные вожди. Одеты они были красочно: красивые пояса на цветных мантиях, разукрашенных различным орнаментом. Говорили они на местном, неизвестном Кассию сицилийском диалекте, при этом сильно жестикулируя. Кассий довольно долго вслушивался в их разговор, но так ничего и не разобрал. Наконец, ему надоело прятаться в зарослях, и он тронул коня, чтобы выйти, но тут же остановился... На берег речки вышли ещё двое! Причём, один из вышедших показался ему очень знакомым! Его внешность заставила Кассия застыть на месте... Дня два назад, проезжая через какое-то сицилийское селение и пополняя в нём запасы воды, Кассий отчётливо запомнил этого человека, одетого в хламиду бродячего нищего. Что-то тогда в нём смутило Кассия, и он вспомнил... У него были другие руки! Руки, не похожие на руки нищих – высохшие и дряблые. Эти руки были сильные, с пальцами, совершенно чистыми от грязи, хоть он и постарался вымазать их чём-то, всё равно они сильно разнились... И теперь, снова он!

«Раз он здесь, значит, двигался за нами! Зачем? – лихорадочно соображал Кассий. – И чтобы идти с нами с одной скоростью, ему нужна была повозка! Хорош нищий! Имеет своё имущество».

Тем временем, двое подошли к четвёрке стоявших до того сицилийцев и стали говорить с ними вполголоса. Но язык Кассий разобрал сразу. Говорили на греческом диалекте. В детстве Кассия в хозяйстве отца был раб-грек. Очень просвещённый! Он учил мальчишку – Кассия всему, что знал сам. А знал он немало!..

Кассий, привязав коня, решил по береговым зарослям подкрасться поближе, чтобы слышать, о чём там говорят. Тихо двигаясь, стараясь не сломать какую-либо ветку под ногами, он приблизился на расстояние, с которого можно было хоть что-то разобрать, и стал вслушиваться в разговор...

– ... Одна когорта. И прикрытие – манипул велитов. Всего семьсот пятьдесят человек. Я рассмотрел пятьдесят повозок с оливковым маслом, мукой, зерном и просом. Несколько повозок с серебром – жалование магистратов Эрбесса. Хватит вам грабить мелких торговцев да мелкие обозы, где и взять нечего! Соединившись вместе, у вас будет около двух тысяч воинов. Да нас пятьсот. Всего две с половиной тысячи воинов. Решайтесь, коллеги! Такого удобного случая может долго ещё не представиться...

И группа разбойников, а это были они, стала удаляться по берегу, исчезая в зарослях... Больше Кассий ничего не разобрал. Подождав некоторое время и удостоверившись в их уходе, Кассий вышел из зарослей, перебрался с конём на другой берег и погнал жеребца крупной рысью по направлению к голове обоза...

Проехав три с половиной стадии, Кар свернул вправо, в надежде найти ушедший в авангард дозор. Погарцевав на видном месте и дав коню заржать несколько раз, он увидел, как из зарослей появились несколько велитов и принципов с трубачом и инструментом, похожую на современную валторну. Кассий подъехал к ним.

– Ничего подозрительного не заметили? – спросил Кар.

– Нет, центурион, – отрапортовал старший дозора.

– Разделитесь, половина пусть несёт дозор на той стороне дороги! Обо всём подозрительном докладывать немедленно, – отдав распоряжения, Кассий двинулся рысью к обозу.

«... Днём они нападать не будут, – размышлял он, – здесь нужно выбрать место нападения! А точнее – засады! Значит, ночью! – решил Кассий. – Если, только, всё-таки решатся напасть... – мелькнуло сомнение в сознании Кассия».

Но воинский долг говорил ему, что надо быть начеку.

Доехав до Теренция Мула, который задумавшись сидел на повозке, Кар обронил:

– Сегодня ночью нужно удвоить число караульных.

До Теренция не сразу дошёл смысл сказанного. Он был мыслями далеко, где-то в родных краях, на берегах италийского Неаполя, среди цветущих садов и прекрасных женщин...

– Что ты сказал, Кассий? – Теренций стал пробуждаться от своих грёз. – Почему? Что-то случилось?

– Пока ничего! – коротко ответил Кар и вполголоса рассказал Теренцию о встрече в лесу. – Никому, пока, ничего не говори, кроме деканов, чтобы не вызывать преждевременно страха. Но в манипулах нужно привести в порядок оружие. Вечером надо хорошо покормить людей и более тщательно выбрать место стоянки. – Кассий посмотрел на Теренция требовательным взглядом.

– Кассий, у тебя гораздо больше опыта, чем у меня. Принимай командование на себя. Я подчинюсь тебе, как более опытному и разумному центуриону! – подытожил Мул.

– Дай указания деканам, чтобы каждый проконтролировал свой десяток на предмет чистки и заточки оружия и доспехов. Я поеду к своим и дам тоже необходимые распоряжения. – Кассий тронул коня...

...Массилий, сидя на повозке, разговаривал с Овидием о перипетиях службы у различных легатов.

– Вот наш теперешний, Тит Бабрука. Вот это легат! Чтоб его солдат был голоден? Да никогда такого не было! Заботится обо всём. Военные трибуны при нём, как летающие бабочки! А почему? А потому что знает – сражение выигрывает не легат и не трибуны, а рядовой солдат римской пехоты! А до него был легатом Марк Варрон, из патрициев. Видел только себя и старших офицеров! О солдатах никакой заботы... Вон, смотри, скачет наш Кассий! – показал рукой Массилий. – Торопится! Видно, что-то предвидится. Я уж его выучил, – и Массилий стал поправлять на себе доспехи.

В этот момент трубач сыграл сбор деканов всех манипул. Овидий соскочил с повозки.

– Да, твой Кассий что-то накаркал! Вот и сбор сыграли. – И отправился в голову обоза.

Кар подъехал к декану:

– Массилий, немедленно привести оружие в порядок. Возможно, в ближайшее время будет дело.

– Пуннийцы? – удивился Массилий. – Откуда им здесь взяться, они на той стороне Сальсы? Но всё сделаем, Кассий, как приказал! – утвердительно отреагировал Массилий.

– Да, и спать сегодня, наверно, придётся в доспехах, – уточнил Кар.

Вечером вдвоём с Теренцием они тщательно подбирали место для стоянки. Кассий предложил выбрать берег, где река большим разливом изгибалась в виде полуокружности. Кассий приказал все повозки поставить поперёк изгиба, а людей завести внутрь, к берегам реки. Получилось, что река прикрыла тыл обоза, а нападение, если и могло произойти, то только с одной стороны – со стороны леса.

– Ночью будет прохладно от реки, надо потерпеть! Будем жечь костры! – распорядился Кар.

Усилили дозоры, отправив в них опытных деканов. Массилий тоже попал в дозор вместе с Овидием.

Глава 10

...Ночь выдалась звёздной. В небе висел молодой месяц, освещая верхушки деревьев блеклым светом. Туман с реки прикрыл лагерь, так что дозорным не было видно, что происходит в лагере. Те же неудобства испытывали и разбойники, если они всё же решились на нападение.

Массилий обходил посты и вслушивался в ночную тишину. Подойдя к одному из постов, где три солдата ёжились от холода, исходящего от реки, он попытался их приободрить.

– Ничего, надо потерпеть, ребята! – вдохновлял солдат Массилий. – Солдатская служба не всегда сахар! Но закалка характера происходит постепенно, день за днём. Вы пока молоды и неопытны. Вот послушайте с моё и полюбите службу всей душой!

– Нас набирали на войну с пуннийцами, – сказал один из принципов, – после победы распустят по домам!

– Когда меня забирали на войну с Самнием, мне тоже обещали, что после победы легион распустят. Но после первой войны с Самнием началась война с Умбрией, потом опять с Самнием. Там-то я и встретился с таким же молодым, как вы, Кассием Каром, который тоже мечтал о родне, о своей девушке Клодии. Но с тех пор минуло уже шесть лет, он теперь старший центурион – приимпеларий и давно забыл о родных местах, только отсылает семье своё годовое жалованье. Наша Республика живёт войной и грезит войной. Поэтому, нам, солдатам, остаётся только одно – грезить миром! – закончил Массилий.

Впереди послышался шорох. Из темноты появился ещё один дозорный, который уходил вперёд, к лесу. Он явно спешил, двигаясь со скоростью, с которой не мог быть обнаружен.

– Ну что, Марий? – спросил Массилий.

– Идут, – отвечает он, – топот многих сотен ног, конное фыркание, лязг металла.

– Труби к оружию, – без промедления командует Массилий.

Трубач поднимает с травы свою валторну и зычно трубит сигнал.

– А теперь все в лагерь, сейчас согреемся! – замечает с огоньком в глазах спокойный Массилий.

...Кассий, отдав необходимые распоряжения, прилёг у одного из костров отдохнуть. Он проспал часа три, когда трубный сигнал к оружию разбудил его. Кар, привычный к походной жизни, тут же без лишних эмоций занялся подготовкой к боевому столкновению с противником.

– Строиться по манипулам вдоль составленных повозок, глубина строя шесть рядов! Приготовить тяжёлые дроты!

В этот момент появился Массилий, приведший все ушедшие вперёд дозоры. С другой стороны, в лагерь, также спеша, вёл дозоры декан Овидий.

– Что там, Массилий? – спросил Кассий подошедшего с докладом декана.

– Дозорный Марий, который ходил к лесу, слышал топот конных и пеших воинов.

– Хорошо. – Кассий продолжил свои команды: – велитов рассредоточить сзади, по длине линии всех манипул! Как только враг перейдёт зажжённый валежник, велиты сразу начинают работать! Что у тебя, Овидий?

– Слева, вон в том отдельно стоящем лесочке, – Овидий показал рукой в том направлении, – скопилось большое количество пехоты. Конных я там не видел и не слышал их топота! – доложил Овидий.

– Хорошо! Значит, слева конной атаки не предвидится. Перенесите ежи направо, поставьте поплотнее вдоль берега реки! Они, скорее всего, попытаются конными силами

по мелководью обойти наши позиции, чтобы выйти нам в тыл и фланг! Пусть для них там будут сюрпризы! – объяснил он свои указания Теренцию Мулу.

– Слышен топот от леса, – передали из передних рядов пехоты.

– Хорошо, зажигайте валежник! – скомандовал Кар.

Несколько велитов, пробежав вперёд между повозками, начали зажигать валежник, заранее приготовленный вчера по приказу Кара. Валежник выложили в двадцати пяти локтях вдоль всех расставленных повозок – растянутой линией. По замыслу Кассия противник должен был перепрыгивать через зажжённый валежник, разбивая свои ряды. Ещё предполагалось, что он станет очень видимым вследствие освещения полосы земли, прилегающей к горящему валежнику. Римские велиты же, прекрасно видя противника, начинали бы работать по ним своими дротами...

– Принципы, – обратился Кар, – свои дроты кидаем, когда противник полезет через повозки. До этого работают только велиты! – уточнил Кассий.

Топот усиливался. Валежник между тем запылал во всю силу, освещая и отгоняя ночной мрак...

И вот из сумрака, на освещённое пламенем пространство, выбежало пёстрое воинство. Экипировка их была различной. Здесь были воины, одетые в римские доспехи, и в доспехи греческих гоплитов. Также были замечены люди с экипировкой пуннийцев. В общем, на них были доспехи тех народов, кого они грабили и убивали раньше.

Ободряя друг друга криками, враг, появившийся из тьмы, остановился перед полыхающим валежником. Под действием света противник не видел, что происходит впереди, зато сам был как на ладони. Расчёт Кассия оказался верным. Противник остановился и стал ждать, когда пламя немного утихнет, чтобы перепрыгнуть его без возгораний одежды. Также, возможно, мятежники ждали своих командиров, шедших позади, и их решения, по преодолению внезапно возникшего препятствия...

Велиты между тем, прекрасно видя своего противника, заработали своими дротами, используя всё своё умение! На пёстрое воинство посыпался дождь дротов, выкашивая их ряды. Противник сгрудился так тесно, что почти каждый дрот находил свою цель. Принципы в это время стояли, опустившись на левое колено, чтобы сзади стоящие велиты имели хороший обзор, для своих бросков.

Разбойники, неся немалые потери, решили в некоторых местах перепрыгнуть пламя, но судя по услышанным крикам и воплям, исход их был неудачен. Боевой запал противника был явно сбит этой хитростью, применённой римлянами. Но вот протрубили сигнал, и где-то сзади послышался топот конных всадников и ржание лошадей. Подошла конница. Кое в каких местах, пламя горящего валежника стало затухать и «садится», и разбойникам был дан приказ к атаке. Противник, перепрыгивая места с низким пламенем, устремился к лагерю, но упёрся в расставленные поперёк изгиба русла реки повозки. Ярость охватила ряды разбойников, они надеялись ворваться в лагерь, а перед ними опять выросла преграда! По одному они не решались перебираться через повозки и останавливались, ожидая товарищей по оружию. А велиты, пользуясь этой заминкой, точно и прицельно расстреливали их своими лёгкими дротами.

Но вот в некоторых местах перед повозками скопилось достаточное для штурма линии количество разбойников, преодолевших пламя. И они с остервенением полезли через возведённую римлянами преграду. Вот тут вступил в силу настоящий римский пехотный бой. Принципы, вставшие с колена, по боевой экипировке имеющие два средних и один тяжёлый дроты, по рядно, пускали их в набегающего противника. Сила и меткость попадания римских дротов были следствием натренированности этой пехоты. Принципы пускали дроты, начиная с первого ряда, где стояли ветераны и деканы. Первый ряд, выделив для себя цели, бросал свои дроты по сигналу центуриона, стоящего всегда в центре первой шеренги. Бросив, первая шеренга опускалась на левое колено, давая возможность работать второй шеренге, и так далее.

Те из разбойников, которые оказались самыми быстрыми и ловкими, влезая на повозки, были убиты почти в упор натренированными бросками принципов. Задние ряды принципов прикрывались сверху, от метательных камней и копий, тяжёлыми римскими щитами и практически были неуязвимы. В рядах разбойников стало заметно замешательство...

Между тем, конница разбойников, заходя во фланг римлянам по мелководью реки, стала выбираться на откосный берег. Всадники заставляли лошадей прыжками забираться на откос! Но, напоролась во мраке, на расставленные и приготовленные римлянами «ежи». Раня ноги, лошади стали громко ржать и метаться по откосу, что приводило их к ещё к большим увечьям! Лошади захрипели и перестали слушаться наездников. Полный разгром конницы довершили специально оставленные здесь двадцать пять велитов и дозорных, вернувшихся в лагерь. Они обрушили на мечущуюся конницу ливень дротов... Некоторые лошади повернули назад в реку, поплыв в панике на другой берег, а другие, сбросив седоков, устремились в том направлении, откуда пришли. Седоки, какие остались целы, бросились за ними...

Кассий, видя замешательство врага, приказал трубить сигнал к атаке. Сигнал прозвучал. Принципы, разом выкинув оставшиеся дроты, обнажили мечи и бросились на врага... Первое столкновение показало неразбериху, царившую в рядах противника, и сразу стал понятен исход столкновения. Принципы, двигаясь ровными рядами, истребляли обезумевшего и мечущегося противника. Возникающие кое-где очаги сопротивления быстро подавлялись... И вот вся масса противника пустилась бежать, бросая оружие. Сзади сопротивляющихся рядов разбойников раздавались какие-то крики, исходящие, видимо, от командиров, но это было бессмысленно. Паника и страх за свою собственную жизнь овладели этой армией, если её можно было назвать сейчас армией. Она рассыпалась на отдельные личности, которые думали только о своём спасении. Римская пехота собирала жатву, истребляя обезумевшего противника. Кар, заметив, что преследование завело пехоту слишком далеко, приказал трубить сбор. Римляне, возвращаясь, подбирали своих раненых, добывая живых ещё врагов, в плен никого не брали. Таков печальный итог любого боя.

К Кассию подошёл декан Овидий:

– Центурион, – обратился он, – с того левого леска пехота так и не вышла!

Кар задумался: «Значит, они повторят попытку, только сделают это в месте, где мы не будем ждать их или будем совсем не готовыми к их нападению! Надо что-то изменить в нашем движении».

Выставив дозоры, римляне легли отдыхать...

Утром, наспех позавтракав, римляне подсчитали убитых врагов, сняв с них доспехи и собрав оружие. Убитых врагов оказалось более семисот. Римляне потеряли только двадцать четыре пехотинца. Погрузив оружие на повозки, обоз продолжил путь. Кассий обходил обоз, когда узнал в одной из упряжек ту пегую лошадку, которая вызвала у него такой приступ смеха в ту холодную ночь в дозоре, когда они встретили арканитов! Кассий подошёл к ней, потрепал за гриву.

– Вот и свиделись ещё раз! – прошептал он. Лошади и вправду оказались очень выносливыми и неприхотливыми.

Обоз продолжил свой путь. Боевой дух римской пехоты значительно повысился после ночной атаки. Воины с удовольствием вспоминали ночное дело и все хвалили Кара за его боевую выучку и смекалку. Враги ни в этот, ни в последующий день о себе ничего не заявили...

Глава 11

Выйдя из рубки, Карталон увидел приближение рассвета. На востоке за горизонтом небо серело, но мрак ещё не отступил. Галера плыла уже по заливу, шумно разбрызгивая вёслами искрящуюся в свете луны и звёзд воду. Тоган стоял на носу корабля и отдавал команды гребцам. Корабль выходил в морской залив...

Карталон взошёл на башню лучников. Он всматривался в залив. Кораблей пока видно не было... За последние два месяца эскадра Баркидов сделала шесть налётов на конвой и два на дежурившие в проливе эскадры врага. Потеряв шесть своих кораблей, флот Карталона протаранил и утопил двадцать восемь римских галер, не считая потопленных транспортных судов Рима. Римляне были в смятении. Ведь и на суше они подвергались постоянным нападениям Гамилькара! «Как он может так быстро передвигаться?» – ломали головы они. Тем не менее, уведя флот, Карталон оставлял Сицилию без прикрытия со стороны Сиракуз. «На Самос весь флот вести нет смысла, – думал Карталон, – мне хватит и десяти галер, остальные надо вернуть к Акраганту». Впереди, на фоне сереющего моря, показались верхушки мачт флота Баркидов.

– Правь к галере Диархона, Тоган! – дал направление Карталон. Он спустился с башни лучников и встал на носу корабля.

Корабль приближался к пёстрой гептере, на которой матросы меняли натяжные канаты гафелей. Встав практически на нос корабля, Карталон с лёгкостью перескочил на другую галеру, как только борта поравнялись. Он пошёл на корму, где толпились матросы.

– Диархон, – позвал он.

От группы людей отделился человек высокого роста, жилистого, сухого телосложения. Волосы, подвязанные платком на сицилийский лад, развевались на ветру. Человеку было на вид чуть более двадцати лет. В нём чувствовалась огромная энергия и подвижность.

– Слушаю, Карталон, – Диархон кивком головы поприветствовал Карталона.

– Тебе нужно будет отвести флот обратно к Акраганту! Во избежание встречи с римскими флотами в проливы не заходите. К берегу приближайтесь только в случае неистовых штормов! Тогда римляне, очень боящиеся своего Нептуна, который топит их эскадры уже несколько раз, прячутся в бухтах и не выходят из них! Если у Акраганта стоит римская эскадра, в бой не ввязывайтесь, а идите к Гераклею, на встречу с Гамильконом! С ним отгонишь римлян от Акраганта. Вот это, – Карталон протянул письмо, – передашь лично Гамилькару! Если вдруг будете протаранены – уничтожь!

– Что намерен делать ты? – спросил Диархон.

– Мы отправляемся в Грецию за волонтерами! Удачи тебе, Диархон! Ты славный мореход! Помню, как взял тебя на корабль совсем юнцом!

– Да, и обучил меня всему! Тебе тоже удачи, Карталон. Буду следовать твоим советам неукоснительно! Надеюсь на скорую встречу! – закончил Диархон.

– Ну, мой молодой друг, в путь! – И Карталон перепрыгнул на борт своей галеры. – Храни вас великая Танит!

Галера Барки дала задний ход. Не спеша начали разворот. Вслед за ней начали разворот десять галер из Гадеса, которые всегда неотступно следовали за Карталоном во всех его плаваньях. С гептеры Карталона прозвучал трубный сигнал об отбытии флотилии.

Корабли выходили из залива в открытое море. Дул попутный ветер со стороны Адриатики.

– Спустить гафеля, брамсея! – прозвучала команда Тогана. Паруса с шумом опустились с рей, хлопая и надуваясь массой воздуха. Корабли начинали свой разбег в морских просторах Посейдона.

...Двое суток флотилия Карталона неслась по волнам Адриатики, держа путь к Апполонии. Ветер подгонял галеры, с которыми соревновались в скорости стаи дельфинов, сопровождающие флотилию Барки от самого Тарента. Дельфины неслись и куражились своей игрой в волнах по обеим сторонам плывущих кораблей. Изредка на поверхность всплывал кит, играя с волнами своими огромными плавниками. Кит, переворачиваясь с боку на бок, всасывал огромное количество воды, пропуская её через себя и отсеивая для своего питания планктон, а после с шумом устраивал водяной фонтан.

На кораблях шли каждодневные морские хлопоты, мореходы чинили, меняли и смазывали водоотталкивающим воском канаты, оснастки парусов. Только члены корабельной команды оттачивали своё мастерство владением оружия – ежедневно и неукоснительно. Потому что от их умения, часто, зависела судьба команды. Поэтому, эти люди вставали в позиции и сражались друг с другом деревянными мечами пока не валялись с ног от усталости.

На гептере Карталона проводились точно такие же занятия. Но, кроме этого, проводилось обучение Сибиллы владению мечом. И когда она вставала в позицию, почти все находившееся рядом мореходы превращались в зрителей и радовались, хлопая каждому её успеху.

– Ты должна научиться атаковать на разных уровнях высоты, от атаки в голову до перехода атаки в пах и ниже! А потом снова в голову! И запомни, Сибилла, ты должна почувствовать себя гибким стеблем, чтобы успевать реагировать и уходить с линии атаки противника простым уклоном корпуса, в то же время, двигаясь в направлении бока противника, где он меньше всего защищён! – объяснял Карталон.

Сибилла и все присутствующие в этот момент воины впитывали каждое слово Карталона, потому как не каждому давал свои уроки Барка! И Сибилла твёрдо заучивала все уклоны и уходы в сторону, которые ей преподавал Карталон. За эту твёрдость её стали уважать даже очень бывалые воины. Они говорили, что из неё выйдет славный мечник.

– Сибилла, научись пользоваться чужой силой! Ты прекрасная женщина и в тебе нет силы мужчины, но она тебе и не нужна, ты можешь заставить любого мужчину с огромным тесаком рубить воздух, пока он не выдохнется! Когда забьются усталостью его мышцы, – продолжал обучение Карталон, – и скорость его пойдёт на убыль, тогда ты должна провести всего одну атаку, которая решит исход схватки.

Так изо дня в день проходили занятия, которые так любили смотреть мореходы со всех галер, что даже расписали очередь на посещение галеры Карталона. На исходе четвёртого дня пути, на горизонте, появилась полоса берега. Корабли круто взяли вправо, поменяв курс движения параллельно берегу. Они шли вдоль берегов Греции с заходом в Коринф и Спарту. Ну и, конечно же, в Афины! В этих городах Карталон намерен был встретиться с номархами наёмников, коими изобиловала Греция в те времена. Карталон часто смотрел на бочонки у кормы, вокруг которых каждый вечер Тоган исполнял свой замысловатый танец.

На третий день пути вдоль берегов Греции, которые прошли в том же режиме, что и предыдущие, стал очевиден едва заметный, постепенный поворот берега влево – это начинался пролив Пелопоннеса, тянувшийся очень глубоко в материковую Грецию слева и справа от полуострова Пелопоннес. За день до этого почти стих ветер. Галеры шли на вёслах. Из залива то и дело выходили караваны торговых кораблей, которые, завидев флотилию Карталона, прижимались к берегу, думая, что это пираты. Но, не видя никаких враждебных действий по отношению к себе, ложились на прежний курс. Некоторые, даже, набирались смелости и подплывали к грозным гептерам, предлагая свои товары. Нередко торг заканчивался положительно и торговцы, выгодно, продавали оливковое масло и солонину, а также греческие сорта вин, которые славились своей терпкостью и выдержкой. Сибилле были очень интересны эти дни! Ведь у себя в Гадесе она привыкла видеть корабли торговцев только у пристани, в порту. Здесь же, на море, всё происходило более красочней и живописней. Корабли с разноцветными парусами и вымпелами, различной конструкции и вместимостью – всё это для её глаз было

в диковинку и она целыми днями не уходила с палубы, чтобы не пропустить что-либо интересное для её глаз.

– А что это за корабли с косыми бело-зелёными полосами на парусах и кому они принадлежат? – спрашивала Сибилла, стоя рядом с Карталоном, показывая на небольшую флотилию, состоящую из восьми кораблей.

– Это морской патруль здешних вод, базирующийся на острове Тритон. В его составе очень быстрые корабли гемиолы-перехватчики, они стерегут пролив от проникновения пиратских флотилий. А вон те, видишь, длинные галеры, – Карталон указал на показавшиеся из-за острова галеры, – это торговцы из далёкого Египта! Смотри, у них на парусах вышит знак фараона! Восходящее солнце – символизирующее благодать и мудрость правления фараона.

– А что они везут в Грецию, какие товары?

– В основном рис и пшеницу, чего в Египте изобилие, а в Греции всегда недостаточно. А также, везут знаменитый египетский шёлк, который так ценит весь просвещённый мир!

– А что увозят обратно? – спросила Сибилла.

– Обратно везут серебро, которого нет в Египте и которого так много в Греции, а также медь, дёготь и мёд. Хочешь, мы сейчас подплывём, и ты увидишь все товары Египта воочию?

– Очень хочу! – зыграло женское любопытство Сибиллы.

– Хорошо! Тоган, правь к каравану из Египта!

И флотилия повернула, сближаясь с кораблями Египта.

Так, с очень большим интересом и пользой для кругозора Сибиллы, проходило плавание по проливу. Несколько раз были замечены пиратские суда, которые, завидев грозные гептеры, старались тут же «унести ноги» и ретировались в изгибах бухт пролива.

В один из дней плаванья, когда утром шёл дождь и корабли ввиду плохой видимости двигались с особенной осторожностью, Карталон увидел греческий флот, состоящий из боевых трирем и тригонарем. Флот стоял в проливе, будто ожидая кого-то.

Гептера Карталона встала и подняла вымпел Баркидов, что означало всем галерам флотилии встать в боевой порядок, а стрелкам баллист и онагров занять свои боевые места и приготовиться к сражению. Гептеры одна за другой вставали в ряд по правую и левую стороны от гептеры Карталона. Гребцы галер замерли, готовые пустить корабли и разогнать их до скорости сметающего тарана...

Карталон ждал, что предпримет флот греков. Хотя войны между ними не было, не все греки относились к Карфагену нейтрально. Города, имеющие связи с Римской республикой, старались не иметь связей с Карфагеном, по договорённости с латинянами, поэтому, было вполне возможно ждать от них враждебных действий. Судя по вымпелам, греческий флот принадлежал городу-полису Тернону. Это был полис, как раз, имевший большие связи с Римской республикой. Греки стояли в нерешительности. Они как будто просчитывали исход столкновения, если таковое состоится... Наконец, с центральной тригонаремы был спущен вымпел и она не спеша поплыла к флотилии Барки. Карталон также приспустил свой вымпел и поплыл навстречу. Это был знак, принятый в ту пору, о без враждебной намеренности переговоров. Корабли медленно сближались.

– Займите боевые места, – приказал Карталон лучникам. – Абордажная команда пусть встанет под прикрытие!

Корабли поравнялись бортами. На носу тригонаремы стоял человек в шлеме с очень высоким султаном. По бокам у него стояли два гоплита, прикрывая его своими щитами.

– Куда следует прославленный флот Баркидов в водах мирной Греции и с какими намерениями? – крикнул человек с тригонаремы.

– Флот Баркидов следует в Коринф, – отвечал Карталон. – С Коринфом у нас торговый союз, и я не помню, чтобы в этом договоре упоминалась бы вероятность того, чтобы какой-либо греческий флот вставал на торговом пути с поднятыми боевыми вымпелами!

– Мы надзираем и охраняем права наших торговцев, следующих этим путём, – был дан заносчивый ответ.

– Охранять торговые пути можно и ближе к берегам! Мы оставили свой флот в пятьдесят галер при входе в пролив, выполняя условия торговых соглашений. Если же флот Тирона получил какие-то особые права, дающие ему большие возможности на военное присутствие в проливе, пусть предъявит их! Мне интересно, кем они подписаны! Если же действия вашего флота связаны с чьей-то заносчивой манией своего превосходства, то, клянусь трезубцем Посейдона, первый десяток ваших трирем не успеет разогнаться, когда получат пробоины палуб и бортов от наших тяжёлых онагров и лягут на дно этого пролива! Судьбу остальных мы решим в сражении! – громогласно заявил Карталон, твёрдость его голоса не оставляла сомнений, что так и будет.

– Не горячись, уважаемый Барка, к сожалению, не знаю, как тебя зовут!

– Ты тоже не представился! – Карталон парировал слова грека. – Меня зовут Карталон Барка и хотелось бы услышать твоё имя!

– Я Аристомед, флотоводец Тернона! Вчера подлые критяне разграбили наш караван торговцев. Мы их ищем всю ночь! Но они, клянусь сном Калипсо, как в воду канули! Не видел ли уважаемый Карталон Барка флотилию из двенадцати кораблей?

– Нет! Такую флотилию не видел, уважаемый Аристомед. Но видел несколько подозрительных флотилий с меньшей численностью кораблей. Думаю, они разделились и прячутся в бесчисленных бухтах пролива. Здесь, ты их не дождёшься! Если хочешь их перехватить, следуй к острову Тритон. Сторожевые гемиолы тритонцев курсируют у входа в пролив, уж они-то точно знают, где можно спрятать флот с награбленной добычей!

– Ну, что же, спасибо за информацию, уважаемый Карталон. Пусть твоему флоту всё время сопутствует удача. Мы отплываем сейчас же! Критяне ответят за свои подлости!

– В добрый путь, уважаемый Аристомед! Я рад, что оказался полезным тебе! – ответил Карталон.

С корабля Аристодема прозвучала трубная череда сигналов и флот Тернона начал сворачиваться в походный порядок.

Как только тригонарема отплыла в сторону, корабли флотилии Баркидов стали, начиная с краёв, перестраиваться в клин. Два флота разминулись.

На корме корабля Аристодема, отплывшей от галеры Карталона, происходило совещание.

– Нужно разделиться, как предложил Барка. – При слове «Барка» один из стоящих в стороне людей обернулся. – Ты, Пелей, возьми двадцать триер и просматривай бухту за бухтой, следуя к острову Тритон! Я же поплыву к острову, чтоб закрыть им выход в море!

– Хорошо, Аристомед, так и сделаю! – ответил Пелей.

Аристомед стоял у борта и о чём-то думал.

– А с кем ты вёл переговоры, Аристомед? – раздался вопрос из-за его спины. Позади флотоводца стоял светловолосый человек в пурпурном хитоне. Правая рука, вернее кисть, была забинтована.

– Это был Карталон Барка, славный мореход Карфагена и Гадеса! О нём говорят все более или менее значимые моряки, известные до Геракловых столпов. Говорят, лет шесть назад он проплыл до далёкой земли на севере и обогнул её! Привёз тогда массу всяких товаров и украшений, которые дошли даже до наших рынков. Он выменивал их у диких племён, живущих там и не знающих о пантеоне богов! А ещё раньше он пытался обогнуть Африку и доплыл, говорят, до середины всего света. Но только страшная жара и нехватка пресной воды заставили его повернуть назад. Половину нынешних команд он привёз из того плаванья и путешествия – это чёрные нубийцы, огромного роста и питающиеся, говорят, даже сейчас человечиною, – ответил Аристомед, глядя в зелёные глаза вопрошающего. – А ещё говорят, что с ним плавала какая-то

старая жрица – колдунья Молоха, которая ушла из храма! Она обладала какими-то тайными странными знаниями. – При слове «знаниями» было видно, как вопрошающий Аристодема человек насторожился. – Говорят, она могла вызвать морскую бурю и штиль по собственной воле! Вообще, о нём ходит много слухов! Говорят, он сильный мечник и мало кто может устоять против него! – При этих словах человек с зелёными глазами взялся за перевязанную руку. – Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть этот слух. Но то, что у него громоподобный голос и горящий огонь в глазах, говорящий, что человек этот очень решительного характера, это я сейчас могу подтвердить с полной убеждённостью! – закончил Аристодем и отвернулся, вновь о чём-то размышляя...

Человек, задавший вопрос, тоже погрузился в размышления... Потом, будто бы разговаривая с кем-то, вслух сказал:

– Так значит, у него есть брат!

– Что-что? – переспросил его Аристодем, оторванный от рассматривания береговых изрезков суши.

– Ничего, стратег, – сказал человек, – мне нужно срочно отбыть в Кротон!

– Ну что же, советник, нам по пути до выхода из пролива, а там ваша гемиола вправе плыть куда захочет, – задумчиво произнёс Аристодем...

...После того как два флота отплыли друг от друга на приличное расстояние, Карталон приказал сняться стрелкам с боевого дежурства и заняться обыденными морскими хлопотами.

– Когда мы доплывём до Коринфа? – спросила Карталона Сибилла, которая только вышла из каюты и проспала утреннюю встречу с флотом Тернона.

– Я думаю, завтра утром, – ответил Карталон, – если любезный Посейдон не наполнит нам паруса воздухом, тогда мы ещё ночью войдём в порт Коринфа.

– Что-нибудь интересное я пропустила?

– Нет! Проспала только утренний дождь, который смягчил влажностью воздух! – улыбнулся Карталон.

– Ну что, Карталон, не размяться ли нам мечами? – предложила она.

– Нет! Палуба слишком скользкая после дождя. Но, сегодня, займёмся освоением нового вида оружия для тебя – умением обращаться с метательными ножами! Эй, Скализ, – обратился Карталон к одному из воинов, – принеси-ка из трюма круглый щит для метания ножей!

– С удовольствием, – ответил улыбающийся Скализ, галл по происхождению, – где укрепить?

– Чтобы никого не задеть, лучше укрепить на корме! Возле входа в мою рубку.

С этого дня началось обучение Сибиллы броскам метательных ножей.

Глава 12

Атиллий Регул сидел в адмиральской каюте и смотрел на карту Сицилии. Последние дни прошли в ожидании каких-либо вестей из Акраганта. Но вестей не было! Вчера началось извержение Этны и все вестовые вернулись в лагерь из-за смрадного дыхания горна Вулкана. На небе висела пелена, закрывшая солнце и луну. Ночи стали мрачными. В лагере заговорили о неблагоприятных приметах. Всё это раздражало консула и угнетало его самолюбие.

– Консул, к тебе квестор Бибул и командир конвоя из Реггия, Клавдий Курион, – доложил, стоя на пороге, дежурный ликтор.

– Что они ещё хотят от меня? Мало, они мне наговорили две недели назад, по приходу конвоя Куриона? Эти прохвосты выиграли войну в Самнии и теперь задирают свой нос перед моими заслугами! Ну, пусть войдут! – раздражённо говорит он, не поднимая головы от карты.

– Привет тебе, Марк Атиллий, – входят Септемий и Клавдий, поднимая правые руки, согнутые в локте, в знак приветствия.

– Привет вам, граждане Республики! – отвечает Атиллий, наконец, отрываясь от карты, поднимая в приветствии руку.

– Всё изучаешь карту Сицилии, а где же карта Тунесса?! – то ли удивляется, то ли спрашивает Бибул. – Завтра мы отправляемся в Реггий, а я дальше, напрямик в Рим! Что мне отвечать Сенату о твоём бездействии?

– Об нашем бездействии, Септемий. Нашем! Ты мой квестор, не забывай об этом, Септемий! Вместо двенадцати конвоев ты привёл всего семь! Где остальные? Или ты думаешь, в Сенате об этом не знают? – Консула взрывает ирония квестора.

– Об этом моя обязанность известить Сенат в первую очередь! – При этих словах у Марка Атиллия отвисает нижняя челюсть. Септемий необычайно хладнокровен, это окончательно выводит консула из себя.

– Вы с Катуллом, – продолжает Септемий, – так и не прикрыли море и пролив находится под постоянными атаками Барки. Я попрошу, Марк, чтобы вам отрядили ещё кораблей, этих вам явно не хватает! Ты, консул, и Катулл сорвали график поставок провианта для твоей армии, и это станет известно Сенату!

– А Манлий? Септемий, Манлий? Где второй консул? По плану он должен быть здесь уже два месяца назад! Что же Сенат не разносит его? – сорвался на крик Регул. – Манлий застрял под Лилибеем, где Гамилькар нанёс ему два поражения! Да, поражения незначительные. Но это поражения! Почему Сенат до сих пор не отозвал консула Вульсона сюда, как и предполагалось ранее? Два флота, две армии! Вместе бьём по флоту Гамилькона и вместе отплываем в Африку! Вместо того чтобы действовать по плану, Сенат приказал Манлию провести операцию в Лилибее и план не был выполнен в оговорённые сроки! Что же Сенат не ставит это себе в вину? – справедливо удивлялся Регул.

– Об этом мне ничего неизвестно, Марк! Но я даю тебе слово, что спрошу об этом Сенат, – Бибул спокойно посмотрел на Регула. – Кстати, что известно от Катулла по его перехвату Гамилькара после его отхода от Теренских мелей?

– Да ничего! Его там не нашли. – Голос Регула вновь приобрёл надменный оттенок. – И вообще, флотом Гамилькара сейчас командует не Гамилькар! А умение его руководить морскими операциями посильнее, чем у Гамилькара!

– Кто же это тогда, если не Гамилькар? – Септемий недоумённо смотрел на Регула. – Мы сами видели его главную гептеру с атрибутами рода Баркидов!

– Не знаю! Но я знаю, где Гамилькар сейчас и жду известий о его безвременной кончине! – вырвалось у Атиллия, но он тут же прикусил язык от досады.

– Ты что-то скрываешь от Сената, Марк? – Септемий вопросительно посмотрел на Регула.

– Нет. Просто стало известно, что Гамилькар планирует снять осаду с Акраганта и я отправил с этим известием одного центуриона, чтобы Кавдик приготовился к встрече! – по ходу беседы придумал Регул.

– Письмо уже доставлено? – допытывался Септемий.

«Вот змея! – думал Регул. – Так и обвивает тебя вопросами!»

– Нет, только жду известий! – Марк снова посмотрел на карту, пытаясь уйти от темы.

– А кто повёз письмо? Ты сказал, какой-то центурион? – продолжал выпытывать квестор.

– Какая разница, какой центурион?! – раздражённо переспросил Регул. – Он уехал уже две недели назад!

– В городе Ромула меня спросят, кому доверяют такие письма?! И что я им отвечу? – Септемий вопросительно посмотрел на Атиллия. – Это при том, что Сенат почему-то об этом не извещён?!

– Хорошо! Я отправил к Кавдику центуриона Кассия Кара! А Сенат хотел известить после получения мной известий, что письмо доставлено.

– Кассия Кара?! – переспросил Бибул. – Это другое дело! Кассий дельный центурион, я теперь спокоен за доставку письма. Сколько ты послал человек с ним?

– Десяток принципов с деканом! – ответил Регул.

– Ты отправил с таким ценным письмом десяток принципов? Ты в своём уме, Марк? – Бибул не мог скрыть своего негодования. – Я знаю о тысячах сицилийских разбойников, которые грабят и убивают на всех дорогах этого острова! Если их можно назвать дорогами! А ты послал Кассия Кара с таким ничтожным отрядом?

– Да, послал! Я, консул, ты забываешься, Септемий! У меня не было для охраны Кассия Кара свободного легиона! Ты уж извини! – язвительно произнёс Атиллий. – И что ты так печёшься о жизни этого центуриона? Он, как мне рассказал трибун Сервилий Котта, пришёл с расспросами об отправляющихся попутных обозах, и Сервилий снабдил его двумя такими повозками, чтобы он догнал один из таких обозов, отправленных к Эрбессу, – закончил Регул.

– Узнаю смекалку Кассия!!! – Септемий посмотрел на Клавдия Куриона, всё это время стоящего молча. – Регул! – вновь, обратился к консулу Септемий, – Кассий делает за тебя твою работу, ибо ты должен был упростить доставку депеши!

– Клянусь хромотой бога Вулкана, кто для тебя этот центурион? – Марк Атиллий недоумённо смотрел на Бибула.

– Кассий Кар вытащил Септемию из-под убитой лошади и оборонял его до прихода помощи в сражении с Амвросием! – пояснил Курион.

«А, вот оно что! Прохвоста спас Кар! Ну, что же, тогда Кара ждёт хороший приём у Кавдика, ибо Кавдик Бибула ненавидит больше, чем я! Мир праху его!» – со злорадством подумал Атиллий.

– Ну, дело сделано! Теперь спорить не о чем! Кассий уже в дороге! – примирительно подал голос консул. – Я хочу попросить тебя, Септемий, ничего не говорить Сенату о письме! Как только я получу известия, то сразу пошлю достойному Клавдию Куриону весть. А твой друг, – консул специально сделал акцент на слове «друг», – тут же известит тебя. Ну, а ты Сенат!

Бибул немного подумав, согласился:

– Ну, хорошо, мы повременим извещать об этом Сенат.

– Вот и ладно! Пусть наше соглашение хоть в этом вопросе станет началом нашего взаимопонимания! – закончил разговор Регул.

«Вам, прохвостам, незачем знать о настоящей цели наших планов», – в то же время думал Марк Атиллий.

... Септемий и Клавдий покинули ставку консула. Через короткое время они оба стояли на корме отплывающего конвоя к Реггию.

– Как ты думаешь, Септемий, – обратился к другу Клавдий Курион, – экспедиция в Африку будет успешной? Ведь наши войска ещё ни разу не вступали на берег чёрного континента и совершенно не приучены к пескам и жаре.

– Клавдий, с такой армией, почти в сто тысяч римлян, она не может быть не успешной. Другое дело цели этой экспедиции! В войне с Пирром нашим союзником был Карфаген. Этот город оказал нам неоценимые услуги по передаче нам своих знаний в борьбе с гигантами-слонами, которые воздействовали на храбрость наших солдат, деморализуя их. В войне с греческими городами-полисами они помогали нам материальными средствами. И тем неожиданней, для них, было выступление в Сенате некоторых членов в защиту разбойников, сынов Мамерта. Это выступление поставило нас на грань войны с Сиракузами и нашим союзником Карфагеном! Мне, например, не совсем ясна подоплёка всего этого! Клянусь покровительницей трёх дорог Тривией, – с горечью произнёс Бибул, – мы не ведаем, какими дорогами поведёт нас выбранный нами путь! Сколько жертв нам придётся принести во имя этого выбора? Не знаю почему, но самый ярый сторонник этой войны верховный жрец Понтифик храма Януса Катон! И Регул, как мне кажется, тоже что-то не договаривает! Я знаю точно, что он напрямую связан с храмом Двуликого Януса, что он в постоянной связи и переписке с Катоном! Несколько быстроходных гемииол доставляют почту в Рим. Но суть переписки остаётся в тайне!

– Я тоже почувствовал неискренность консула в разговоре с тобой. Человек этот, несомненно, подвержен неуёмным страстям! Но что это патриот Рима, нет никаких сомнений! Потому что все его мысли вращаются только о военном успехе города Ромула! – заметил Курион.

– Марк Атиллий Регул солдат до мозга костей, – пояснил Септемий, – но будучи эгоистичным властолюбцем, он иногда заходит за рамки благоразумия! Поэтому, Сенат назначил в противовес ему избранного народом консула Луция Манлия Вульсона командующим другой консульской армией. Вместе, они должны осуществлять замыслы экспедиции! Во всяком случае, помыслы Марка, какими бы безумными они ни были, будут погашены чётким, трезвым расчётом Манлия. Вульсон человек совсем другого склада характера. Он очень осторожный, недоверчивый. Любит к мечу Марса подвешивать рассудительность Минервы. – Бибул замолчал на некоторое время, погружившись в размышления. – И всё же присутствие какой-то третьей силы, стороны, которая, также, имеет свою заинтересованность в исходе экспедиции, не покидает меня. Жаль, я не могу увидеться и поговорить с Кассием Каром! Беседа с ним многое бы прояснила, – закончил Септемий.

ГЛАВА 13

Обоз центуриона Теренция Мула продолжал двигаться по холмистой, заросшей лесами местности. Высылая вперёд несколько разведчиков, оба центуриона, Кассий и Теренций, собирали информацию и прокладывали маршрут обоза.

– Они готовят нам засаду. Только где? – говорил Кар.

– Ты думаешь, они повторят ночную атаку? – спросил Теренций.

– Нет, ночных шорохов они теперь будут бояться сами! – заметил Кассий. – Они совершат нападение только в светлое время суток, чтобы разглядеть все наши хитрости, если такие окажутся. И самое главное, для того, чтобы хорошо просматривалось их численное превосходство, которое будет для них самым основным фактором храбрости.

– Что же нам делать? Не можем же мы идти в постоянной боевой готовности! Это сильно тормозит нашу скорость передвижения, а у нас конкретные сроки прибытия в Эрбесс, – забеспокоился Теренций.

– И мне, поверь, Теренций, разгуливать, любуясь красотами Сицилии, совсем нет времени. У меня своё задание, которое я должен выполнить. И поэтому стоит подумать, что нам предпринять! – умирил беспокойство Теренция Мула Кассий, погружаясь в размышления.

Видя, что Кассий задумался, Теренций не стал мешать ему и, прыгнув с повозки, пошёл с ежедневным обходом по обозу, беспокоясь о сохранности вверенного ему имущества, за которое он нёс ответственность. Кассий продолжал размышлять...

«Если они планируют нападение днём, – думал Кассий, – где им лучше всего его предпринять? Это должно быть какое-то труднопроходимое место. Лесное ущелье, гористая местность, переправа крупной реки. Вот места, где мы можем быть уязвимы! То, что за нами постоянно следят, это бесспорно. Среди этих бесчисленных селений Сицилии невозможно рассмотреть их соглядатаев. Значит...»

Кассий оторвался от размышлений, у него в голове возник план...

– Массилий, – позвал он.

– Да, центурион, – со следующей впереди повозки прыгнул декан.

– Ты как-то говорил, что Овидий несколько раз следовал по этому маршруту с обозами?

Позови его! – распорядился Кассий.

– Может и проводника Октия? – предложил Массилий.

– И его тоже!

Через четверть часа все сидели в повозке Кассия.

– Скажите мне, есть ли на нашем пути какие-то труднопроходимые места? – задал вопрос Кассий.

– Есть! – в один голос сказали и Овидий, и Октий.

– И что же это за место?

– Это переправа через одну из петель Сальсы, – ответил Октий, – нам придётся переходить её в довольно широком, но спокойном месте! Но сразу за переправой следует крутой подъём в гору, а на вершине и справа, и слева глухие леса.

– А обойти её никак нельзя? – спросил Кассий.

– Можно. Но переходить там очень тяжело, большое течение! Река там ревет от возмущения! Повозки может опрокинуть, да и дно там каменистое! Для повозок непроходимое.

– Обход далеко? – спросил Кассий.

– Да нет, мили две, – ответил проводник Октий.

– Хорошо! – подытожил Кассий Кар. План в его голове созрел полностью. – Когда мы подойдём к широкой переправе?

– Если тронемся засветло, то в рассвет будем на месте!

– Отлично! Овидий, располагаемся на ночлег у сицилийского селения! Массилий, возьми манипул и пополнишь запас воды! – распорядился Кар.

Обоз расположился на ночлег в селении пастухов, где люди жили тем, что продавали мясо и шерсть, молоко и сыр проходившим мимо них торговцам и военным отрядам. Надо заметить, что в то время, в отличие от последующих веков, воюющие стороны не разоряли селения крестьян, не участвующих в войне. Запасы продовольствия пополнялись покупкой или обменом товаров.

Глубокой ночью из лагеря, соблюдая тишину, в лес ушёл манипул принципов и центурия велитов. Возглавил отряд Кассий Кар, вместе с ним повёл отряд проводник Октий.

...Раннее утро... Река, делая несколько изгибов, разливается широкой петлёй возле крутых каменных скал и войдя в широкий горный каньон, а далее, окружённая по обоим берегам крутыми скалами, убыстряет бег. С высоты птичьего полета, кажется, что она разрезает своим холодным лезвием грубый камень и, демонстрируя первозданную силу природы, гордо шумит и пенится, пробегая, по отполированным её быстрым течением, огромным камням, лежащим на дне.

В один из краёв широкой петли упирается дорога. В ту её часть, где вода широким разливом умеряет свой бег, поддавшись восторгу от необычайной ширины пространства своего разбега. Именно, в этом месте дорога пронзает реку, восходит на крутой подъём другого берега, к вершине холма между лесом. По дороге движется римская военная колонна, за ней двигается длинный обоз, который постепенно, достигая берега, останавливается... На берегу люди явно совещаются... И вот группа воинов переходит вброд на ту сторону. Они явно пробуют дорогу. Следом переправляются несколько повозок. Благополучно переправившись, они выстраиваются в подъём, три повозки в ряд и достигнув верха подъёма, останавливаются. Следом переправляется пехота, в числе четырёх десятков. Она поднимается и останавливается у верхней точки подъёма, у трёх повозок...

Слева от дороги, уходящей круто в гору, поднимаются отвесные скалы высотой в шестнадцать локтей. Справа каменистая гряда, по которой невозможно движение ни конному, ни пешему. Только поднявшись на вершину, дорога уходит между двумя прилегающими холмами с лесом, куда-то в сторону заката солнца...

Переправив двенадцать повозок, римляне переправляют лёгкую пехоту – велитов, которая, выстроившись в три ряда, поднимается в гору. Следом переправляется остальная, тяжёлая пехота. Выстроившись «черепашей», с шестью повозками по бокам, римляне начинают подъём... Остальной обоз стоит на месте, на извилистом берегу... Но вот подъём закончен. Повозки разворачиваются, левые вправо, правые влево, оставляя «черепашу» пехоты в середине. Велиты к этому времени подошли к холмам... В этот момент раздаётся протяжный вой трубы не римской тембральности... Из обоих краёв леса, прилегающих к подъёму дороги, начинают выбегать нестройные толпы людей с каким-то яростным боевым кличем. Они очень торопятся вступить в схватку и, поэтому, бегут в беспорядке. Велиты этим пользуются, запустив в них ливень метательных копий, а сами в этот момент поворачиваются и бегут к тяжёлой пехоте. Тем временем звучит римский сигнал «к оружию» и «черепаша» рассыпается и перестраивается в пяти рядную линию с центурионом и знаменосцем в центре. Прислуга повозок, оставшаяся на том берегу, в спешке переправляется через реку...

Велиты несколько раз останавливаются, разворачиваются и повторяют разовый ливень метательных копий, который сбивает бегущих впереди неприятелей и косит набегающих. Велиты пробегают сквозь ряды своей тяжёлой пехоты и останавливаются за их спинами. Ряды принципов смыкаются и принципы держат наготове свои тяжёлые дроты. Звучит команда центуриона, и определённый звук римской валторны подаёт сигнал, принципы обрушивают дождь своих убийственных дротов, на бегущих сицилийцев... Передние ряды римской пехоты успе-

вают бросить дроты ещё раз, прежде чем набежавшие враги заставляют их обнажить мечи. Слышен металлический звон, крики...

Теперь, заметно преимущество нападавших численностью и напором. Они бегут под гору, большой массой и римляне с трудом сдерживают их напор. Разгорается яростная битва. Римский строй подаётся несколько назад, но добежавшая к этому времени прислуга обозов выравнивает ситуацию. Бой разгорается с новой силой... Сицилийцы, подбадривая друг друга, насаждают на римский строй, в ярости мстя за прошлое поражение. Их лёгкая пехота, стоящая сзади, почти не участвует в сражении, так как плотность и ширина их беспорядочной армии слишком разбросаны. И копьеметатели боятся поразить своих, стоя в бездействии... Римские велиты же, наоборот, поражают середину и задние ряды с натренированной лёгкостью. Но напор врага слишком велик, линия римлян медленно подаётся назад... Велиты, израсходовав свой запас копий, обнажают мечи и встраиваются в ряды пехоты...

...Предсмертное хрипение людей, стоны, крики ярости, жуткие возгласы, всё это пугает стоящих в повозках лошадей. Они инстинктивно рвут упряжь, дыбятся, их ржание сливается с общим шумом битвы...

Вдруг, раздаются звуки римской валторны, которая трубит сигнал атаки в тылу сицилийцев. Трубач сражающегося манипула трубит ответный сигнал, ободряя свои ряды... От холма быстрым передвижением, ровными рядами спускается развёрнутый манипул принципов, который ведёт Кассий. Перед рядами принципов центурия велитов обратила в бегство лёгкую пехоту разбойников и обрушила дождь метательных копий на тыл противника. В армии врага смятение, из только что почти одерживающего победу войска, она становится растерянной, её колебание очень заметно...

Задние ряды разбойников разворачиваются лицом к набегающим принципам. Кассий кричит боевой клич римлян, взятый ими со времени борьбы с Пирром, имитирующий крик свирепого слона: «Барра!» Клич подхватывает вся римская пехота. Возглас римлян, раздающийся и спереди, и сзади, деморализует разбойников. Идёт избиение противника...

Кассий видит впереди себя хорошо экипированного воина, который, отдавая короткие команды, сплачивает вокруг себя воинов в греческих доспехах. Этот отряд пытается пробиться из окружения. Воин с умением владеет оружием и повергает одного римского воина за другим. На шлеме воина искусно сделанная из сверкающей бронзы пасть волка. Кассий пробивается к нему... Десяток принципов Массилия окружает Кассия, прикрывая его с боков. «Волк», как бы почуяв приближение Кара, поворачивается... Лицо его почти полностью сокрыто выдвинутыми вперёд нащёчниками шлема. Увидев центуриона, он с яростью бросается на него. В его руке тяжёлый испанский меч, прорубающий любые доспехи и шлем. Кар знал, что биться таким мечом может только искусный воин. Воин делает замах и обрушивает на Кассия ужасающей силы удар, который центурион отражает щитом, одновременно делая колющий выброс правой руки с мечом в область шеи, где проходит мощная артерия, следующая от сердца к голове. Меч скользит по поднятому, круглому щиту «волка». Тогда Кассий, припадая на колено, атакует противника в левое колено. Ему удаётся зацепить мечом плоть «волка». Сицилиец отдёргивает окровавленную ногу, одновременно делая косою рубящий удар в надежде, что Кассий после укола будет подниматься и попадёт под рассекающий воздух меч. Противники замирают на секунду, обдумывая свой следующий ход, но тут верх берёт римская тактика... Справа от Кассия становится Массилий, слева другой ветеран. Строй наполняется римской пехотой. «Волк» кричит что-то. Его окружают его воины, которые тоже стремятся закончить построение, но не успевают. Римская пехота атакует... Против Кассия действуют два сицилийца, которые копьями стараются пронзить защиту центуриона. Отбив копьё одного, он атакует другого свистящим, рубящим ударом в руку, держащую копьё. Удар достигает цели!.. В это время, Массилий пронзает другого в пах. Кассий оглядывается по сторонам. Ряды врагов тают...

Уже после боя, обходя павших воинов, Кассий, нашёл убитого «волка», заколотого в спину...

Переправившись через Сальсу, обоз продолжил путь. До Эрбесса оставалось совсем немного.

Глава 14

Акрагант. Древний город, расположенный на южном побережье Сицилии. Город основали финикийцы. Но за свою историю он не раз попадал под влияние греческих городов-полисов, которые воевали друг с другом, оспаривая первенство. Удобная бухта и обширный тихий залив сделали город очень привлекательным для морской торговли, и город стал быстро расти. Влияние различных культур отразилось на архитектуре города так же, как и в Карфагене – в черте города основывались и строились храмы различных пантеонов богов, коим поклонялся тот или иной народ, живущий в городе. Поклонение различным богам в то время никого не удивляло и не угнетало. Поэтому, его жители селились, как и в Карфагене, стараясь расселиться кварталами по национальному признаку. Человеческое сообщество в то время было намного гуманнее и доброжелательнее к своему соседству, чем это выразилось в гораздо позднее века, когда с появлением единобожия ярые клирики одного и ортодоксы пророка другого выжигали целые страны и города, прикрываясь словом Божиим и изречениями из Корана. Но это произошло позже... После своего возвышения, Акрагант даже сам воевал с Сиракузами за сферы влияния в Сицилии. Так продолжалось многие века, пока город не попал в союз с основателями и, по сути, стал его протекторатом. Карфагеняне обнесли Акрагант гигантскими стенами, сделав его неприступной цитаделью в южной Сицилии. Два с половиной столетия велась война Карфагена с Сиракузами, которая поддерживалась Коринфом и Спартой (они были на стороне второй). Война шла с переменным успехом, но границы влияния двух городов-соперников оставалась почти неизменной – по течению реки Сальсы. Река текла почти от северного побережья Сицилии до южного, разделяя пополам остров, и впадала своим устьем во внутреннее море, почти у Акраганта, оставляя его в зоне влияния Карфагена.

С приходом на остров третьего заинтересованного лица – Римской республики – ситуация изменилась. Баланс сил был нарушен, и хитроумные греки переметнулись в союзники Римской республики, надеясь чужими руками ослабить и задуть их старинного противника. Всемирная история на их примере показала, что предательство карается первым, ибо греческие города-государства утратили свою независимость намного раньше, чем борющийся и наводивший ужас на Рим Карфаген.

Осада Акраганта Римской республикой велась уже четвёртый месяц. Город отразил два штурма, истребив более десяти тысяч римлян. Больше римляне штурмовать Акрагант не решились, но держали его в блокаде. Блокада, правда, не приносила никакого успеха, так как подвоз всего необходимого осуществлялся с моря.

В Акраганте существовали пантеоны сирийского и греческого поклонения. Храмы занимали самые возвышенные, красивые места, но город рос и расселялся уже за крепостной стеной, и храмы шагнули за ним, занимая возвышенности и прибрежные молы. Из городской пристани к храмам ходили специальные небольшие суда – биремы, перевозившие людей к храмам во время празднеств, ритуалов, а также жертвенный скот для церемониальных нужд. Одним из таких храмов был храм греческой богини Артемиды, стоящий в десяти стадиях от города на высоком прибрежном моле. Так-как Артемида была почитаема многими народами, храм оставался как бы вне войны и продолжал выполнять богослужения во все религиозные празднества. Храм был очень красив. Свод храма стоял на колоннаде из двенадцати колонн в длину и шести в ширину. Артемида считалась покровительницей материнства и поэтому храм посещало много молодых женщин. За колоннадой стояли её статуи, изваянные из мрамора в различных её обликах. К храму подходили две дороги с материка. Третьей дорогой считался водный путь от города, мраморные ступени храма спускались к самому морю и омывались морским прибором.

Конец весны знаменует начало охотничьего сезона, покровительницей которого тоже являлась Артемида. В это время ей предназначалось множество ритуалов и жертвоприношений. Храм почти каждый день был наполнен людьми, ищущими покровительства богини. Жрицы и послушницы храма жили в постройках самого храма и редко покидали его пределы. Верховные жрицы храма могли покидать храм для публичного общения с другими религиозными сообществами.

Одной из таких жриц была Кларисса, уроженка Коринфа, попавшая в храм после переселения её семьи в Акрагант. Будучи очень красивой девушкой с хорошим воспитанием, она была замечена одной из верховных жриц, которая впоследствии и привела Клариссу к таинствам и мистериям служения Артемиде. Так Кларисса посвятила себя служению таинствам и ритуалам богини.

Но однажды она увидела в храме Гамилькара Барку. Они встретились глазами и бесшабашный Эрос пустил стрелы в сердца обоих... Это была безумная любовь, готовая снести все преграды на своём пути. И если бы храм стерёг великий Аргус, Гамилькар несомненно поверг бы его в прах. Они встречались сначала тайно. Кларисса до поздней ночи засиживалась у мраморных ступеней колоннады портика храма, ожидая своего возлюбленного. Гамилькар же пересекал половину Сицилии для встречи с любимой, невзирая на опасности, изобилующие в его жизни. Узнав обо всём, верховные жрицы сначала воспротивились их встречам, но, поняв безнадежность своих запретов, решили перевести Клариссу в разряд верховных жриц и сами скрепили их семейный союз по греческому обычаю на алтаре. Теперь, Гамилькар мог встречаться с женой вне храма в Акраганте или увезти её на время, согласованное с храмом, в какое-либо место. Главное требование было, чтобы к началу великих мистерий во славу Артемиды верховная жрица Кларисса была в храме при исполнении таинств.

Так прошло пять лет, Кларисса подарила Гамилькару двух дочерей и сына. Но и сейчас Кларисса ждала ребёнка, находясь под покровительством своей богини. И если беременность ещё не была заметна визуально, то стук второго сердца под своим она угадывала точно, без сомнений. Гамилькар безраздельно доверял и был полностью уверен в своей жене, позволяя ей присутствовать при всех ритуалах и празднествах в честь Артемиды. За это время, их любовь несколько не ослабла, а только усилилась. Кларисса из яркого весеннего цветка за эти годы превратилась в благоухающую, ослепительной красоты розу. Когда Гамилькар находился рядом с ней, он был подвержен какому-то необычному чувству, заставляющему его забыть все перипетии военной жизни. Словно он находился под гипнозом счастья и гармонии. Таков был супружеский союз Гамилькара и Клариссы и судьба пока не могла поставить подножку их обоюдному счастью.

В один из майских дней, когда в алтарях храма Артемиды начали благоухать различными благовониями зажжённые жрецами курильни, а аромат этих курилен, расхлывшийся по окрестностям, возвещал о начале празднеств и мистерий в честь богини, от пристани Акраганта отплыла двухъярусная вёсельная бирема. Она вышла из пристани города и направилась по заливу к храму Артемиды. На биреме стояла женщина необычайной красоты и притяжения. Одета она была в мантию верховной жрицы Артемиды, волосы её были подобраны на греческий лад и подвязаны кружевной лентой. Рядом с ней находилась прелестная девушка, которая с испугом в глазах говорила о чём-то со жрицей:

– Говорю вам, госпожа, их было не менее десяти. Я таких ещё не видела! Чёрные плащи и повязки на лицах. Они зашли в храм, когда уже стемнело, и что-то выискивали, обходя алтари. На вопрос верховной жрицы Апафии «Что вам нужно?» один из них изрёк что-то подобное: «Слуги Двуликого не отчитываются Артемиде». Проверив все углы храма, они скрылись так же тихо, как и вошли.

– Когда это было, прелестная Иола? – спросила госпожа.

– Неделю назад, когда вы отплыли на корабле! – уточнила Иола.

– Ну не стоит так беспокоиться, Иола! Римские воины и раньше к нам заходили. Храм открыт для всех, кто ищет покровительства богини Артемиды!

– Госпожа Кларисса, они не искали покровительства Артемиды, мне показалось, они искали какого-то человека, – высказала свою догадку Иола.

– Может быть. Может, один из них мог зайти к нам? Или им показалось, что он вошёл к нам? И они зашли, чтобы разыскать его. Всё равно тебе не следует так беспокоиться, – успокаивала Иолу Кларисса. – Перестань волноваться, у тебя сегодня первое служение, ты должна быть совершенно спокойной! Оставь все свои страхи здесь, на корабле! И поднимись на портик уже совершенно готовой к непростому ритуалу!

Корабль медленно пристал к пристани храма. Женщин встретила прислуга храма и все торжественной церемонией проследовали по мраморным ступеням в храм. Помещения храма благоухали ароматами благовоний, исходящих из курилен храма. Всё было готово к мистериям в честь богини – покровительницы рожениц, защитницы целомудрия и покровительницы охотников.

Таинства начались. Собравшийся народ состоял из окрестных простых охотников, знатных горожан Акраганта, которые прибыли сюда морем. Также здесь находилось очень много беременных женщин из ближних селений и городов, молодых девушек, да и вообще разного люда, который пришёл полюбоваться красочными действиями богослужений. Артемида, будучи дочерью Зевса и Лето, олицетворялась с образом богини, дарящей тепло, веселье, счастье.

...Таинства продолжались от полудня и до позднего вечера, когда солнце уже стало клониться к горизонту. Пришедший народ потихоньку начал покидать храм. Тех, кто приплыл из Акраганта, увозили морем посредством тех же кораблей. Остальные расходились по окрестностям, полные впечатлений от увиденного действия мистерий. В храме оставалась одна прислуга. Жрицы убрали ритуальный инвентарь, прислуга омывала пол в большом зале. За такими хлопотами наступил вечер. Сгустились сумерки.

Кларисса и Иола вышли из храма под колоннаду портика и ведущим к пристани мраморным ступеням. Они с упоением вдыхали свежий воздух, проветривая лёгкие от благовоний, которыми дышали весь день, и от вдыхания оных к концу праздничных служений стала немного болеть и кружиться голова. Вдыхая аромат вечернего, свежего моря, они смотрели на залив.

– Когда же он придёт, госпожа Кларисса? – спросила Иола.

– Должен приплыть за нами после захода солнца, по окончании ритуалов. Так было договорено, – отвечала Кларисса и продолжила: – Ну вот, состоялось и твоё дебютное служение, девочка. Поздравляю! Ты вела себя прекрасно во время церемоний. Мне немного грустно, Иола... Когда-то и я вот так начинала, всё было впервые и в диковинку! – Кларисса о чём-то задумалась...

– Полноте печалиться, жрица Кларисса! У вас такие славные дети! И этот ребёночек, ещё не родившийся, будет такой же прекрасный! – Иола обняла Клариссу, прижалась к ней щекой.

– Ой! Госпожа Кларисса, вы оставили свою мантию у алтаря! – вдруг заметила Иола. – Я сейчас быстро за ней схожу!

И Иола, повернувшись, заторопилась наверх, по мраморным ступеням в храм.

Поднявшись к храму и пройдя к колоннаде, Иола услышала голоса, раздающиеся в большом зале храма. Один голос принадлежал верховной жрице Апафии, другой она слышала впервые. Вернее, если его можно было назвать голосом – что-то шипящее звучало в нём:

– И всё же, где верховная жрица Кларисса? Если вы её прячете, то зря! Мы найдём её, а храм сожжём! – угроза была не пустой, в руках некоторых «гостей» были зажжённые факелы.

– Артемида позаботится о судьбе храма! – гордо отвечала Апафия. – А Кларисса отплыла с кораблями в Акрагант!

– Нет, старая сирена, врешь! – зашипел голос. – Наш соглядатай смотрел на тех, кто садился на корабль! Её там не было!

Иола подошла к внутренней базилике и увидела тех людей, о которых говорила Клариссе утром.

«Так, значит, они искали её! – подумала Иола – Что это за люди?!»

Иола подошла ещё ближе, к внутренней колонне, встав за неё, прислушалась...

– ... Мы слуги войны и нам незачем задумываться над тем, что подумает Артемида о наших действиях! – продолжал шипеть голос. – Если потребуется, мы будем разрушать храм за храмом, наш долг повиноваться только клятве, данной Дзуликому Янусу!

– Для меня не существует такого бога, – спокойно возразила Апафия. – А вот ваша Тривия? Как она отреагирует на твои слова адепт?

– А вот так! – в бешенстве заорал адепт.

И Иола увидела, как один из людей, стоящих вокруг жрицы, обнажил меч и ударил им плашмя по голове Апафии. Удар был очень сильным, и жрица рухнула на пол, заливая кровью свою мантию. Иола испустила крик и выбежала из укрытия. Она увидела в большом зале храма около десятка людей в одинаковых черных одеяниях. Все они повернулись на её крик, когда выбежавшая девушка бросилась к лежащей на полу Апафии.

– А это что за голубка выпорхнула из базилики?! – с сарказмом в голосе произнёс арканит, указав на неё мечом.

– Что тут происходит? – раздался громкий голос Клариссы. Она вошла в зал со стороны выхода к пристани.

В этот момент все арканиты посмотрели на вошедшую... Им сразу стало ясно, что объект их поисков перед ними!

Иола с ужасом смотрела на приближающуюся Клариссу, которая спокойно шла через весь зал к лежащей на полу Апафии.

Вдруг, у главного входа послышался топот копыт нескольких лошадей. Вслед за ним послышались быстрые, взбегающие вверх по ступеням шаги, звонко раздающиеся в вечернем, спокойном, звенящем тишиной воздухе. Мгновением позже, со стороны центральной колоннады в ритуальный зал ворвался молодой римский центурион. Вбежав, он огляделся по сторонам:

– Вот как! А я не знал, что Римская республика воюет с храмами! – громко произнёс он, увидев лежащую жрицу с окровавленной головой и двух красивых женщин, склонившихся над ней. Центурион продолжал: – И главное, я поражён иным! Такое число столь великих воинов, коими вы мните себя, уважаемые арканиты, уж никак не думал застать сражающимся с женщинами! Чем же они вас так напугали, доблестные адепты, уж не гребешками ли из своих волос?!

– Ты? Жив? – прошипел голос. – Ну что же, это ненадолго! Этот храм станет твоей могилой!

– Да! Для вас это, должно быть, большая неожиданность! – улыбнулся центурион, эта улыбка словно осветила сумрачный, зловещий зал храма. – Как, впрочем, и для проконсула!

В этот момент в храм вбежал декан римской пехоты, Массилий, в полном вооружении, он встал рядом с приимпеларием.

– Прикрой мне спину! – произнёс Кассий Кар, ибо это был он. – И сохраняй силы!

Он обнажил свой меч и вытащил свой жезл центуриона, держа его в левой руке. На жезле были видны свежие зарубки. Это не ускользнуло и от глаз адептов. Они расходились по сторонам, держа в каждой руке по узкому отточенному мечу.

– Охраняйте женщин, – прошипел голос, – ну, братья, за дело!

И двое арканитов напали на Кассия. Послышался звон рубящегося железа. Арканиты танцевали вокруг Кассия какой-то замысловатый танец. Мечи в их руках выписывали невероятные дуги и удары сыпались на Кара бесконечным градом. Как он изворачивался и отражал

все эти удары, было непостижимо, но через две минуты непрерывных атак арканиты остановились, чтоб перевести дух. Взгляды противников встретились. Кар был совершенно свеж. В его взгляде не читалось ни малейшего колебания или сомнения в боевом настрое его духа. Арканиты поняли, что имеют дело с серьёзным противником. Это подтвердилось, когда один из адептов, взяв край своего плаща, которым хотел вытереть со лба пот, обнаружил, что плащ с правой стороны в крови! В горячке боя он не заметил, как меч Кассия коснулся его снизу-вверх, поднимая самнитскую броню.

Кассий, увидев свой успех, приободрился и решил напасть сам. Он увеличил скорость атак и быстроту движений, и схватка приобрела новую динамичность... Кассий отражал жезлом удары здорового, невредимого адепта и наседа на раненого, решив покончить сначала с ним. После минуты непрерывных атак Кассия раненый противник завалился на бок, получив ещё одно серьёзное ранение, в бедро...

– Плохая примета для брата-близнеца, – изрёк Кар, поворачиваясь к пока ещё невредимому адепту. Глаза арканита загорелись неистовой зелёной злобой, и он бросился на Кассия, с невероятной быстротой нанося удары мечами. Удары следовали за ударами, Кассий пятился, пока не упёрся спиной в спину Массилия. Декан оборонялся против двух адептов, пытавшихся зайти за спину Кара. В одну из минут этой неистовой атаки Кассий взглянул в глаза арканиту и вдруг понял, что тот собирается сделать в сложившейся ситуации. Арканит правой рукой атаковал Кассия, а левой, как бы отводя её для удара, собирался пронзить бок Массилия. Тогда Кассий ударом ноги в грудь адепта опрокинул его, заставив пролететь того по гладкому мраморному полу несколько шагов... Этого мгновения Кассиюхватило, чтобы воспользоваться ситуацией в свою пользу. Он резко развернулся и вонзил свой меч в шею одного из противников, атаковавших Массилия. Адепт, роняя мечи, схватился за горло и рухнул на пол. Кровь, пенясь, побежала по мрамору...

«Совсем неплохо!» – подумал Кар. Он опять развернулся к опрокинутому им адепту. Краем глаза Кассий увидел женщин, следящих за схваткой с ужасом в глазах. Он даже заметил, как самая молоденькая из них, вскрикивала от испуга, когда ей казалось, что центурион не успевает отразить предназначенный ему удар. «Какая она прелестная, – пролетела в голове Кассия мысль, – у неё светлые волосы! Видно, потомок светлого народа!..»

– Ко мне! – прохрипел поднявшийся адепт. И двое арканитов из четырёх, стоящих вокруг женщин, двинулись к нему, обнажив мечи.

– Да, за последнее время поубавилась численность вашего ордена! Видно, трёхликая Тривия имеет своё мнение на предназначение «доблестных» воинов Двуликого Януса! Двух битых я видел по дороге в Мессину. Жалкое зрелище, я вам скажу! Им так надавали под зад, что они не смогли сесть на лошадей! – сыпал островами Кар, надеясь побольше выиграть времени, чтобы отдышаться. – Ещё двоих, забрали в свои объятия лесные нимфы в священной роще близ Акраганта! И вот теперь, здесь, двое из вас поплатились за неуважение к Артемиде. Может, вам пора поменять своё мировоззрение насчёт избранности Великого Двуликого?

– Шути, шути! – прошипел голос. – Недолго тебе осталось!

И схватка разгорелась с новой силой. Атаки продолжались некоторое время без пауз. Кассий выдерживал этот бешеный темп благодаря своей природной одарённости – реакции и скорости. Сердце его бешено колотилось, едва не выпрыгивая из груди. Он успевал и обороняться, и наносить неожиданные для адептов выпады. И тогда противники сменили тактику. Один из адептов бросался в атаку, другой в это время переводил дух, готовый броситься на Кассия и прийти на помощь своему напарнику в любой момент, как только это потребует ситуация...

...Через непродолжительное время, один из адептов получил ранение от Массилия в левое плечо. Но и сам Массилий был ранен в правую руку. Но он держался, прикрывая спину Кассия. Сам Кар был задет в поясницу. Меч адепта отскочил от железных накладок, прикры-

вающих пояс центуриона, но его острие пробило две из них и сделало обширный, глубокий порез. Кровь бежала по правой ноге Кара и он понимал, что от потери крови, вскоре, ослабеет. Жезл, которым он так хорошо отражал мечи атакующих, был перерублен и укоротился почти на треть...

«Да, если я умру, то умру на глазах самой красивой девушки на свете!», – утешал себя Кассий, очередной раз, встретившись глазами со светловолосой, молоденькой жрицей, которая сидела бледная, как мраморное изваяние.

Кларисса и Иола наблюдали за происходящим, как заворожённые. Сначала они не понимали смысла всего происходящего. То, что римляне решили отыскать Клариссу, жену воюющего против них Гамилькара, – это стало ясно сразу! Но зачем римлянам биться с римлянами? Это им было непонятно совсем. Молодой центурион, ворвавшийся в храм и говоривший какие-то непонятные речи про Республику и орден, заставлял испытывать к себе какую-то симпатию, которая, за короткое время схватки, переросла в страх за его жизнь. Сражался он прекрасно! Несомненно, это был один из самых отважных сынов своей Республики! Рисковать своей жизнью за символичность республиканских ценностей и жизни трёх незнакомых женщин? Такого они от римлянина не ожидали! И когда в схватке Иола видела опасность, угрожающую Кару, она уже искренне вскрикивала в испуге за его жизнь. Но в сражении участвовал и ещё один римлянин. Этот молчаливый товарищ первого римлянина сражался, как его железная тень, постоянно прикрывая его спину. Но когда ранили и Кассия, и Массилия, лица Клариссы и Иолы побледнели...

...Кассий почувствовал, как упал Массилий. Молча, без стопа, как настоящий римлянин. Кассий ушёл в сторону, уводя за собой противников. Старый друг Массилий, ещё пытался встать, но кровь, видневшаяся под ним, говорила сама за себя... Кассий стал кружить вокруг колоннады храма, отбивая атаки адептов, которые следовали за ним поочерёдно. Адепты, поняв, что дело близится к финалу, не торопились. Никому из них уже не хотелось рисковать. Этот центурион оказался железным воином. Кто бы мог подумать?! Он один поверг двух их товарищей в сражении с численно превосходящим противником. А то, что он способен ещё на одну, последнюю атаку, ни у кого не вызывало сомнения! И погибать, когда победа уже совсем близка, никому не хотелось. Они просто изматывали его, ожидая его полного бессилия от большой потери крови, потому как задели его ещё раз, в правое плечо.

Кассий отбил очередную атаку, рука его отяжелела, он видел глазами постоянно одного арканита, потому что кружил в колоннаде.

«-... Но что это? Почему он не меняется? – вдруг, мысленно, заметил Кар. – Или они меня не берут уже в расчёт?..» Мысли Кассия путались... Но арканит, фехтовавший против него, вдруг, начал озираться назад, явно выражая на своём лице какую-то озабоченность – его товарищей рядом не было! Арканит пытался форсировать атаку, но Кассий, почувствовав «что-то» в изменившейся ситуации, собрался с силами и начал теснить адепта из колоннады обратно в зал. Фехтуя на пределе сил и своих возможностей, в этом состоянии, Кассий загнал противника в глухую защиту, чтобы успеть оглядеться... В зале шло сражение!.. Двое, непонятно откуда взявшихся воинов, сошлись с оставшимися адептами. Каждый фехтовал с парой адептов! Кар заметил в глазах храмовиков застывший ужас.

Кассий, оглядев зал, заметил также, что одна из жриц, та, что постарше, склонилась над Массилием... Чувствуя, что теряет последние силы, Кассий провёл одну из своих любимых атак. Атака была трёхуровневая, с выходом за правый бок противника. Кассий вложил в эту атаку остатки последних сил... И она ему удалась! Четвёртым ударом, поворачивая корпус в круговом вращении с вытянутой правой рукой и свистящим в ней мечом, он перерубил адепту правую ногу в подколенном суставе. Арканит рухнул на мрамор, выронив мечи. Кассий выпрямился... У него перед глазами всё плыло... Он хотел повернуться к сражающимся, но свод храма обрушился на него...

Глава 15

Вечер. Весеннее солнце наполовину скрылось за горизонтом, топя в морской солёной воде свои золотистые лучи. Но море, проглатывая эту энергию и свет, само начинает серебриться и светиться... Чайки прекратили свою вечернюю переключку и стали искать ночлег в крутых прибрежных скалах заливов и бухт. Только ночные хищники просыпаются в эту пору, выходят на охоту, подстерегая свою жертву во мраке ночи...

По заливу, рассекая волны своим острым носом, прорезая морскую гладь, бежит мощная боевая галера с белым парусом. Галера направляется не в сторону городской пристани Акраганта, а уходит влево, к мысу с высоким молом, где, сквозь сковывающий видимость вечерний сумрак, виднеются колоннада и свод портика храма. Храм построен на самом вершине мола и хорошо виден со всех сторон, включая морские просторы. В дневное время – это очень красочное зрелище. В ночное, если смотреть со стороны моря, он сливается с тёмной полосой берега и только зажжённые алтари пристани, расположенные у входа в храм, освещают часть колоннады и свод портика крыши.

– Когда вы отделились от него, Диархон? – На корме гептеры беседуют два человека.

– Чуть более месяца, Гамилькар! Он поплыл на Самос, но обещал зайти в Коринф! – ответил молодой Диархон.

– Да, письмо, что ты мне передал, очень важное!.. – заметил, пребывая в паузине своих раздумий, Гамилькар, но, переменяя тему, спросил: – Как прошло плаванье?

– Море штормило, мы шли вдаль от берегов, как и указал Карталон. Два раза видели верхушки мачт римских конвоев, но в бой не вступили. А за Теренскими мелями видели флот самого Катуллы! Да, это внушительная сила! Они нас тоже хорошо рассмотрели, но преследовать не решились. С некоторых пор они боятся выходить из заливов, когда их Нептун устраивает пляски в своих чертогах!

– Ну что же, ты выполнил своё задание с честью, – похвалил Гамилькар молодого морехода, – не зря Карталон выделяет тебя из всех мореходов! Хотя, и на суше, ты воин выше всех похвал!

– Всему, что я умею, я обязан Карталону!

– Да, Карталон и меня многому обучил. – Гамилькар повернулся в сторону мола. – Почему они, до сих пор, не зажгли на пристани храма огни? Странно, – забеспокоился он.

– После стольких проведённых ритуалов, они могли просто забыть про них. Вся округа была там сегодня!

– Всё возможно. Чтобы не напороться на мели, поплывём на лодке! – решил Гамилькар. – Убрав парус, пойдём осторожно, на вёслах!

Через три стадия гептера остановилась. От неё отделилась лодка и поплыла в сторону пристани храма Артемиды.

Поднявшись на пристань, Гамилькар огляделся и прислушался. Лицо его, очень красивое, с правильными чертами, имело мужественное выражение. Люди, когда-либо беседовавшие с ним, замечали, что глаза его почти не моргают во время беседы. Поэтому, складывалось впечатление, что он видит собеседника насквозь. Военная жизнь, которую он вёл уже восемь лет, со времени Нуммидийской войны, с самой молодости, сделали его фигуру атлетичной и гибкой. Всем остальным его наградили, как говорили в Карфагене, страшный Бааль. Гамилькар имел несомненный военный талант. К этому времени он не проиграл ни одного сражения – ни на море, ни на суше! Там, где находился Гамилькар, карфагениям всегда сопутствовала удача.

Вслед за Гамилькаром на пристань поднялся Диархон. Диархон был выше Гамилькара почти на голову, но атлетически сильно проигрывал Барке.

– Ты слышишь? – Гамилькар сделал знак прислушаться.

– Как будто девушка вскрикнула?! – На лице Диархона играло удивление.

– Вот-вот! – Гамилькар бросился к храму. За ним проследовал Диархон.

Ворвавшись в большой ритуальный зал, они на секунду застыли, чтобы сориентироваться.

В зале лежала женщина в мантии верховной жрицы. Над ней стояла на коленях Кларисса. Рядом плакала Иола. В глубине зала, за колоннадой, был слышен звон мечей. Рядом с Клариссой и Иолой, а также у колоннады стояли адепты ордена Двумликого Януса. Гамилькар обнажил меч. То же сделал и Диархон. Мгновение, и они атаковали арканитов, охранявших женщин. Арканиты, сначала опешившие от удивления, быстро пришли в себя и, обнажив мечи, приготовились защищаться.

...Гамилькар теснил своего противника к середине зала, когда от колоннады на помощь своим товарищам отделились ещё два адепта. Они разделились, один напал на Гамилькара, другой на Диархона. Тот, который пришёл на помощь сопернику Диархона, был уже ранен в плечо... Гамилькар сражался с двумя невредимыми арканитами. В зале неподвижно лежала ещё пара адептов. Они лежали в лужах крови и у Гамилькара не было сомнений в их смерти. Оставался вопрос, кто отправил их в столь долгое путешествие к перевозчику Харону? Дальше, у колоннады лежал римский принцепс, прикрывшись щитом. Кровь была и под ним. Гамилькар наседавал на адептов, заставляя их только защищаться... Внезапно, из-за колонн выскочил ещё один арканит. За ним следом, фехтуя, появился истекающий кровью римский центурион, одетый в пурпурный хитон и доспехи приимпелария, с многочисленными знаками отличий на перевязи и ремне-поясе. На ремне были знаки незнакомого Гамилькару легиона.

«Неужели, это его рук дело? – подумал Гамилькар, косясь на лежащих арканитов. – Но зря, он так расходует энергию! Слабость может накрыть его совсем внезапно!» Проведя одну из атак, Гамилькар нагнулся и поднял с пола меч одного из поверженных Каром адептов. Развернувшись, он внезапно обрушился на одного из своих оппонентов серией быстрых и точных ударов, при этом успевая отражать удары другого. Адепт решил не отсиживаться в обороне, а самому контратаковать... Звон мечей наполнил зал, противники с усердием старались убить друг друга... Адепт, поняв, что ошибся в своих оценках противника, решаясь на атаку, что бой, ввиду своего численного превосходства нужно «сушить», а не активизировать. Действовать нужно в поочерёдном ключе своих атак вместе со своим партнёром, изматывая противника. И поэтому, он, отступив на два шага от контакта, подал команду своему партнёру:

– В дубле! – надеясь, в этот момент, на переменную атаку своего партнёра. Но, отступив на два шага, он разорвал тем самым контакт соприкосновения с мечами Гамилькара. Это резко переменяло ситуацию. Гамилькар стремительно повернулся влево, в сторону, вступающего в схватку, другого адепта, и провёл быструю, как молния, сокрушительную атаку, используя против него уже два меча. Адепт совершенно не ожидал этого! Быстрая смена направления атаки застала его врасплох, и меч Гамилькара воткнулся в пах адепта...

– Дубля не получилось. – Барка повернулся к адепту, неудачно решившего взять паузу. Арканит застыл, обдумывая план действий...

У Гамилькара появилось время оглядеться. Кларисса к этому времени уже склонилась над римским принцепсом. «Что она делает?!» – пронеслось у него в голове. Взгляд его упал на Диархона. Тот гнал своего противника к противоположной колоннаде. Второй из противников молодого морехода уже не фехтовал! Он лежал на боку, ослабленный потерей крови. В этот момент он увидел молодого центуриона, лежащего на спине. Рядом с ним, захлёбываясь в крике, ещё живой адепт держался за отрубленную ногу, пытаясь краем своего плаща пережать рану... «Не успеет!» – решил Гамилькар, видя своим опытным взглядом с какой скоростью и сколько уже вытекло крови. Гамилькар повернулся и пошёл молча прямо на арканита. Суровый взгляд Гамилькара говорил тому, что надеяться не на что.

– Неподходящий день выбрал Двуликий для убийства моей жены! – только произнёс он. Адепт, наблюдавший за ним всю схватку, только сейчас понял, что в Барке так удивило его. Его противник ни разу не моргнул!

– Янус не собирался убивать твою жену! Он собирался выманить у тебя за неё часть Астарты! – прошипел голос.

– Ваш великий магистр, примерно, то же самое говорил мне, но бросил в меня клинок – это было год назад, на плато Геиркте! Он ещё жив? А что касается части Астарты, то вы её никогда не получите! Хватит вам и тех двух, которыми вы уже обладаете! – При этих словах глаза адепта блеснули вспыхнувшим изумлением. – Так же, как вы, её не получит и Священная Каста, стремящаяся обладать ею не меньше вашего! Амулет не получит никто, наш род выбран для хранения Астарты и она будет оставаться у нас! Так завещала великая царица Рода Дидона!

– Ваш род истребят! Великие боги Шумера Ану уже проснулись и имели беседу с Двуликим! То, что предначертано, нельзя изменить! Рим будет новой столицей мира!

– Да, будет! Но недолго. Без нашей Астарты, даже если у него появится третья часть, по-твоему же предначертанию, его сметут вновь зародившиеся народы! Так было и с твоим Шумером!

– Шумер правил бы миром вечность, как он правил им шесть тысячелетий, если бы не случайность...

– Случайность? Сама Гея разрушила башню Молоха! Это были самые тёмные шесть тысяч лет на Гее! Годы правления богов не нашего мира! Богов – узурпаторов! Этому не будет возврата! Даже сейчас в Карфагене Священная Каста исполняет древний ритуал Молоха, принося в жертвы человеческие жизни! А вы хотите пустить в свой город – это древнее зло? Это тёмные создания! Что же станет с вашей Республикой, в которой столько зёрен здорового развития, по пришествии этой силы? Но силой нельзя навести всемирный порядок, как бы этого ни хотелось! Применение силы само собой подразумевает подавление чьей-то воли. Воля – одна из черт, заложенных в человеке богами, природой, но которая работает только вкупе с разумом! Есть разум – есть воля. Есть воля – появляется совесть. Раз боги затуманивают разум человека, чтобы сковать его волю, значит не они его творцы! Иначе, зачем создавать человека по своему подобию, а после туманить ему разум и сковывать волю... Да и боги ли они?! Поэтому Гея и освободила своих детей! Освободила от кабалы богов! Повторить всё заново? Будь то Карфаген или Рим? В этом нет смысла! Поэтому, часть Астарты, скрепляющая все остальные, символизирующая счастье и спокойствие, а на самом деле подавляющая разум и волю, больше никому не доступна! Она сокрыта от всех! И у меня её нет! Только один человек знает, где она сейчас, но он очень далеко! – закончил говорить Гамилькар.

– Мы разыщем всех, кто хоть что-то знает о ней! И она будет воссоединена обратно! – прошипел адепт.

– Ты ничего не понял, слуга Двуликого! – произнёс Гамилькар. – Видно, бог ваш меняет не только голос и глаза, но и затуманивает разум! Но на мои волю и разум, он не имеет никакого влияния! Защищайся!

Гамилькар атаковал арканита, и через короткий промежуток схватки у того появилась кровь на запястье левой руки. Барка усилил давление и арканит стал пятиться к двери, он несколько раз пытался контратаковать, но было видно, что он очень устал. В это время Диархон поразил своего противника в голову и тот покатился по ступеням алтаря, гремя мечами. Это было словно сигналом для оставшегося адепта. Он, вдруг, резко отбежал от Гамилькара на полтора десятка локтей, обернулся и кинул в Барку оба меча, а сам бросился из храма. Гамилькар еле увернулся от летящей свистящей стали и, пробежав несколько метров вслед адепту, бросил вдогонку ему свой меч. Арканит был уже в дверях, когда свистящая сталь догнала его и пронзила спину меж лопаток...

Глава 16

Сибилла шла по огромному периметру торговой части Коринфа. Здесь шёл торг за привезённый со всего известного тогда света разноликий, разношёрстый, разнопахнувший товар. Были здесь торговцы из Фракии, Кари, Месопотамии, Египта, Долматии, Понта и многих других уголков мира... Продавали почти всё! От простых ожерелий до изящных украшений, различный скот, шелка, оружие... И, если даже покупка была очень удачной, но не на чем было увезти купленный товар, тут же продавали различную упряжь, вьючный скот и даже огромные торговые корабли. Сибилла, конечно же, бывала у себя, в родном Гадесе, на рыночных площадях и в порту, но такого изобилия товара не видела никогда! Отдельно стояли рынки рабов. Греки были той нацией, которая использовала труд рабов максимально, оставляя для себя только ремесленные работы, искусство и зодчество... Именно, этим и объясняется их (греков) отход от традиций метрополии. Коя отдалилась от полисной системы, почувствовав в ней перекос в сторону возвеличивания собственного эго. И дальнейший ход культуры ярко продемонстрировал это – путь к возвеличиванию собственного этноса, несмотря на хорошую развитость логоса, пафоса и этоса, ведёт к взрывоподобному росту собственного эгоса и к стремительной деградации и народности, как таковой, и всей «общественной системы» (в данном случае «полисной»). В нашей современности, на тех же Балканах, народа, который описан в трудах Гомера, Эсхила, Аристофана не существует! Народ, который в данное время называет себя греками, говоря языком стоиков, утерял, утратил весь свой Этнос и эпитафически дегенерировал кровосмешением, потеряв и растворив в «демосе» нить своего Рода, а с ним, так «провозглашаемую» свободу и гордыню... Тогда же, во времени путешествия нашей героини, количество греческих философских учений поражало Сибиллу! Каждый философ имел свою школу и своих учеников – последователей, которые дорабатывали теории учителей, после их смерти. Ученики несли эти знания во весь просвещённый мир того времени, и, что удивительно, все эти теории космологии мирно и уважительно уживались друг с другом, даже, в пределах одного города! Например, ученики знаменитой академии Платона устраивали всевозможные дискуссии и диспуты со своими противниками о строении мироздания. Одни утверждали, что началом всему послужил огонь, именно он создал Вселенную, другие утверждали, что основа всему вода. Третьи брались доказать всем, что мир состоит из определённого вещества – эфира! От такого количества информации, свалившейся на голову девушки из далёкого Гадеса, где ничего не было слышно ни про Аристотеля, ни про Платона, и, тем более, про Гераклита и Анаксагора, Сибилле становилось не по себе! Она чувствовала себя неуютно от того, что такую часть своей жизни прожила в испанском городе, где люди большей частью живут своими традициями, передавая из уст в уста знания и легенды своего народа и местности, относясь ко всему привезённому издали без особого доверия и интереса. Но, надо сказать, к чести Сибиллы, она разносторонне интересовалась всем, не оставляя ничего нового без внимания, и Карталону приходилось ей много рассказывать, но ещё больше водить! Водить по тем местам, где он и сам мог с большим интересом послушать какого-нибудь философа. Они посетили многие одеоны, где разыгрывались самые интересные трагедии того времени, такие как: «Птицы», «Арханяне» Аристофана, а также Эсхила. Сибилла впервые в жизни увидела театральное представление! Действия трагедий так повлияло и растрогало её женское воображение, что её волнение за героев читалось на лице. Она только не могла понять, почему женские роли в трагедиях исполняет хор или мужчина в маске...

Карталон встретился с советом старейшин Коринфа. О чём там шёл разговор Сибилла не знала, но к дате выхода флотилии из порта Коринфа в порт явилось около семисот воинов, которых разделили по кораблям, а вечером того же дня флотилия вышла из порта и направилась к выходу из пролива...

Обратный путь до острова Тритон прошёл намного быстрее. Карталон спешил куда-то, гептеры не останавливались ни по какому поводу. Галеры подошли к началу пролива, когда от одного из островов отделилась быстрая трирема и направилась к ним. Флотилия легла в дрейф, ожидая трирему.

Трирема подошла к главной гептере Карталона, на триреме стоял человек в синем плаще.

– Мне нужно поговорить с Карталоном Баркой! – закричал он. – Я Менандр, начальник дозора тритонцев, – представился человек.

– Я приветствую тебя, Менандр! – Карталон подошёл к борту.

– Я должен передать тебе, славный Карталон, слова Аристодема, флотоводца Тернона! Он проплыл здесь два дня назад и передал тебе, что тебя стережёт римский флот, приведённый из Кротона! Флот стоит за северным мысом пролива! Поэтому, он посоветовал тебе прижаться к берегу и выйти из пролива по южному мысу в утренний туман!

– Спасибо за предупреждение, Менандр! И передай мои слова благодарности благородному Аристодему! – прокричал Карталон.

– Что будем делать? – спросил Тоган.

– Надо узнать, нет ли заслона у южного мыса. И если есть, то какой? – обдумывал план Карталон. – Пошли гептеру Акриссия к мысу, пусть близко не подплывает! Но спрашивает у кораблей, идущих в пролив, что они видели за мысом?..

Поздним вечером галера Акриссия вернулась. Из собранных сведений стало известно, что Южный мыс охраняет эскадра в двадцать кораблей, Северный – в сорок.

– Римляне думают, что мы поплывём обратно к Сицилии и, поэтому, прикрыли Северный мыс сильнее! – объяснил Акриссий.

– Ну что же, завтра, после полуночи, в тумане, ударим по заслону! – Карталон собрал всех командиров у себя на гептере. – Посмотрим на новых воинов в бою! А, сейчас, всем отдыхать!

В полных сумерках гептеры вышли из пролива, построившись клином. Пройдя расстояние около шести стадий, Карталон повернул влево, и флотилия стала выстраиваться в боевой порядок...

– Зайдём с моря. Стрелки, по местам! Тяжёлые онагры и баллисты, всем приготовиться!

Не проплыли гептеры и десяти стадий, как, сквозь туман, стала угадываться, проглядывая через плывущие над морем слои тумана, первая в заслоне римская квинтирема. На квинтиреме заметили гептеры и трубы сыграли сигнал к сражению. Только сквозь туман было непонятно – с какой стороны ждать атаки карфагенян. Римляне, услышав сигнал, но, не видя противника, стали инстинктивно поворачивать носы кораблей к выходу из пролива, так-как оттуда ждали неприятеля... Тем временем тяжёлые онагры пробили в борту квинтиремы несколько пробоин, но она, всё же успела развернуться носом к атакующим. Следующие галеры римлян, соригенировавшись по ней и уже понимая направление атаки флота Барки, перехитрившего их, вновь начали разворот для встречи врага. Карталон знал, что если они успеют выстроиться, то без труда сожмут его с флангов таранными ударами. Поэтому, он повернул флот вправо и поплыл с максимальной скоростью к левому флангу римлян. К тому времени передовая квинтирема уже черпала бортом воду и люди, пытаясь спастись, хватались за носовую часть корабля...

Представив своим командирам, накануне, всю картину предстоящего боя, Карталон быстро и неуклонно исполнял её. Из тумана гептеры вышли в строгом порядке и сразу же заработали онагры и баллисты. Римляне стреляли тоже, но меткостью попаданий они похвастаться не могли и, поэтому, чтобы увеличить меткость своих попаданий, попытались сократить расстояние, подплыв поближе... Вот этого и ждал Карталон! Звук трубы с борта главной гептеры возвестил об атаке несущихся с фланга из тумана гептер! В этом и заключался план Барки. Шесть гептер проплыли дальше за фланг римского строя и развернулись для атаки. Остальные шесть вместе с флагманом затеяли артиллерийскую дуэль, перестрелку, в которой тяжёлые онагры и баллисты Карталона всегда одерживали верх.

...Римляне заметили атакующие корабли слишком поздно. И гептеры, словно хищники, нашли свои жертвы. Треск ломаемых бортов возвестил о просчёте римлян! Три квинтиремы стали клониться к воде... В это время гептеры Карталона продолжали расстреливать римские галеры, которые в растерянности металась в двух направлениях. Римляне трубили сигналы, прося помощи. Но для остальной части эскадры было непонятно где основная атака Барки. Передовая квинтирема, которую расстрелял флот Баркидов, уже лежала на дне пролива, а подстроившиеся к ней фронтом римские галеры с усилием пытались разглядеть в тумане флот Карфагена... который исчез?! Раздававшиеся с левого фланга призывы о помощи ещё больше усугубили неразбериху. И многие корабли, просто потеряв всякий строй, пытались уйти влево, мешая и заслоняя путь другим.

...У двух квинтирем, стоящих к фронту Карталона, меткими выстрелами из баллист были обломаны почти треть всех вёсел. Карталон протрубил абордаж. Две гептеры отделились от фронтальной линии и пошли на сближение с ними. Подплыв ближе, с башен гептер заработали лучники, а с носа баллисты запустили приготовленные для таких случаев тяжёлые гарпуны. Запущенные гарпуны застряли своими зазубринами в передних частях квинтирем, а гептеры дали задний ход, уводя квинтиремы в туман. Римские воины, видя, что им грозит плен, прыгали в воду...

Посчитав, что вероятность погони минимальна, Карталон дал сигнал к прекращению сражения. Гептеры стали выходить из боя, уводя в качестве трофея две боевые квинтиремы. Римляне, потеряв в результате обстрела очень много вёсел, были неспособны организовать погоню. Да и моральный дух их – не позволил трогаться с места...

Карталон вышел из сражения почти без потерь – у одной из гептер ядром сломало мачту и ещё у двух – реи.

– Зайдём в какую-нибудь бухту! Нужно отремонтировать гептеру Лодина! – Тоган вопросительно посмотрел на Карталона.

– Зайдём, но только ночью. Весь день будем плыть. Тоган, приготовь канаты для буксировки повреждённых галер! Спустить гафеля! Держаться в ста стадиях от берега! – Карталон привычно отдавал распоряжения, но, внезапно повернувшись, увидел Сибиллу. Она весь бой провела на башне, недалеко от него. Но в бою, увлечённый действиями врага и своими действиями, он не заметил её.

– ... Скажи, это всегда так страшно? Один из римских зажигательных снарядов пролетел совсем рядом с нашей мачтой! – она подошла и прижалась к его груди. – Два ядра сбили трёх человек с галеры!

– Нет, Сибилла! То, что было сегодня, это совсем не страшно. Бывает намного страшней и опасней! Но ты уже бывала не в одном сражении на нашем борту! И ведёшь себя очень достойно, наравне с мужчинами! – Он поцеловал её волосы. – Скажи мне, откуда у дочери крупного вождя, землевладельца и заводчика маститых лошадей такой интерес ко всему неизвестному, так сильно проявленному тобой в Коринфе?

– Ну, про лошадей я знаю всё! Про морское дело... – Здесь, Сибилла задумалась, но потом продолжила: – Я тоже, теперь, имею представление! Но я не представляла себе, что мир, действительно, настолько велик и обширен! Что представления о нём везде разные! И мне хочется хоть чуточку в этом разобраться! Я не думала, что в Греции столько различных учёных-философов. Что вера в богов там имеет свои границы! Что человеческий разум способен проникать за рамки, установленные нам богами или навязанными учениями?! Греция на этот счёт оставила во мне частичку своего света познания законов природы, и я постараюсь, чтобы этот свет не померк во мне, как не померкнет свет моей любви к тебе, Карталон! Я так благодарна тебе за это путешествие!

– Ну что же, тогда в Афинах тебе будет ещё интересней. Но знай! Свобода греков, базируется на рабстве. Ну, а в Афинах тебе есть кого послушать. Ведь там, на горе Академ, названной так в честь одного из мифических героев Эллады, расположена знаменитая академия Платона!

– Мы поплывём в Афины?

– Не сразу, сначала посетим порт Спарты! Там у меня встреча.

– В Спарте тоже есть учёные? – интересовалась испанка.

– Не совсем учёные, скорее воины! Они очень религиозны. Отражение мира они видят только в наконечниках своих копий. Тебе будет интересно познакомиться с тамошней культурой.

Наконец, вечером, удобная бухта была обнаружена, и флотилия зашла в неё отремонтировать повреждённые галеры. Также, были укомплектованы командами, две взятые в бою галеры противника. Карталон с интересом рассматривал обустройство римского корабля, подмечая все недостатки и достоинства. Римляне строили свои корабли, копируя их с карфагенских, но добавляли в них свои доработки и упрощения. Гребцам захваченных кораблей и не покинувшим их, состоящим в основном из союзников Рима, Карталон пообещал, что по окончании плавания, высадит их на южном побережье Италии.

Плавание продолжилось и на третий день, после прорыва из пролива, галеры входили в порт Спарты...

Глава 17

Спарта. Когда-то грозный оплот великой греческой коалиции, но растерявшая свою былую мощь в бесчисленных войнах со своими же греческими городами-полисами. Совсем недавно Спарта была в формальном подчинении у Македонии. Но и Македония не устояла под напором времени и греческие города, провозгласив Ахейский союз, отделились от протектората Македонии. Но даже потеря своего могущества и сократившаяся численность спартиатов до восьми тысяч, позволили Спарте отразить штурм города неукротимым Пирром. В этой войне Пирр нашёл свою погибель и один из оставшихся в живых его сыновей увёз тело в Эпир...

Спарта, теперь, находилась в пределах и границах Лаконии, убавив свою непомерную гордыню. С древних времён город не имел крепостных стен, полагаясь только на железную дисциплину своих непобедимых фаланг. И действительно, в границах Лаконии спартанцы были непобедимы, будто сам Арес стоял в рядах их фаланг. Уже исчезли могущественные Фивы благодаря гневу Александра Великого! И победители спартанских фаланг, Эпаминонд и Пелопид сложили свои головы, первый – в битве при Мантинее, второй – в борьбе с тиранией! А город воинской славы продолжал существовать без крепостных стен. И продолжал ставить в строй воинов, которые теперь, не находя места подвигу и славе в местности родной Лаконии, шли искать воинского счастья в рядах иноземных войск, предлагая себя в качестве волонтеров. Спарта каким-то образом превратилась в центр найма воинов, в которую стекались все греческие волонтеры, чтобы под началом спартиатов повыгоднее продать своё воинское умение... Таковой Спарта останется ещё долгие времена. Даже, в противостоянии, которое произойдёт через некоторое время, после описываемых событий – Цезаря и Помпея, во времена Гражданских войн, в битве при Фарсале, когда легионы Помпея рассеются или перейдут на сторону Цезаря, одни только спартанцы в количестве двух тысяч, как пример стойкости и долга, останутся в строю Помпея, и предпочтут умереть на месте, чем предаться бегству и измене... Это будет их последнее сражение и последнее упоминание об их существовании в последующей истории...

...А пока, мы вспоминали о былой славе города, корабль Карталона отправился к пирсу не самой Спарты, город не был портовым, а гавани соединённой с ней дорогой...

Поздним вечером, в одной из таверн, расположенных в южной части города, встретились два человека. Таверна была заполнена наполовину, когда в её двери вошли четыре незнакомца в красных плащах спартиатов. Они сразу направились к столу возле большего окна, которое смотрело на внутренний двор с фруктовым садом. За столом сидел очень загорелый человек в морском плаще. Рядом с ним сидел чёрный нубиец огромного роста и красивая темноволосая женщина.

Один из вошедших дал знак остальным ожидать его, а сам подошёл к столу.

– Здравствуй, Карталон! – сказал он, подойдя к столу. – Давно мы не виделись! Я стал старше на четыре зимы после нашей последней встречи.

– Здравствуй, Ксантип! Я бы не узнал тебя, если бы ты не подошёл первым. Действительно, прошло немало дней! Почему, ты оставил своих друзей в стороне? Стол довольно велик, здесь поместятся все. Зови друзей, сейчас должны принести жареных поросят и баранину, которых я заказал, зная твой аппетит.

– Спасибо. Мы действительно проголодались за сегодняшний день. Он был насыщен делами и заботами. Но я подумал, увидев тебя с такой красивой женщиной, что мои спутники своей грубой солдатской речью могут случайно ранить слух твоей спутницы!

– Дорогой Ксантип! Сибилла плавает на галере уже четыре месяца! И нет, к сожалению, такого ругательного слова, которого она бы уже не слышала! Это может подтвердить Тоган! – улыбнулся Карталон, посмотрев на нубийца. Глаза того выпучились от возмущения.

– Если я и ругаюсь, Барка, то только на своём языке! А вот твои матросы, стреляя из баллист, после каждого попадания и тем паче промаха, выкрикивают такие словосочетания, что не только Сибилле, но и Нию -Нептуну приходится долго соображать над смыслом сказанного! – отреагировал Тоган на обидные слова своего командира.

– Ну, а кто же не далее, как сегодня, погружая бочку в лодку, вспомнил всех греческих богов, которые, как мне кажется, не очень-то тебе нравятся?! – продолжал улыбаться Карталон.

– Да, это другое дело! В той бочке находится греческое зло! И если и ругаться на него, то только на греческом! Но везти эту бочку? На лодке? Сумасшествие! Я, сначала, думал, что ты хочешь утопить его в заливе! Но тогда, я подумал, почему ты взял один бочонок? И мои опасения подтвердились! Ты привёз зло в Спарту! Ксантип, оно стоит в запряжённой повозке, в которой мы приехали из порта!

– Какое ещё зло? – не понимая, о чём речь, вертел головой спартаец, глядя то на Барку, то на Тогана.

– Зло тарентских греков, которое они собрали и упрятали в эти бочки какими-то известными только им заклятиями! Потом они привезли его к нам на корабль, пока не было Карталона, а он решил доставить его к вам! В Грецию!

В этот момент к столу подошли спутники Ксанטיפпа. Это были рослые воины в красных хитонах и сандалиях

– Садитесь, друзья, – встав, пригласил их Карталон. Потом повернулся и продолжил расспрос Тогана: – Тогда почему, Тоган, ты на корабле клял их на своём языке, а в лодке на греческом?

– Потому что ты невнимательный и упёртый человек, Барка! – Тоган многозначительно поднял брови. – Ты помнишь мой амулет, висевший у меня на шее? – Тоган поднял указательный палец вверх.

– Да, да! Припоминаю! У тебя был такой! Но назвать его амулетом? Это был деревянный круг, размером разве что с небольшой щит! Ты носил его на своей шее, когда попал ко мне на корабль!

– Ваши народы ничего не понимают в колдовских амулетах. Чем больше амулет, тем он сильнее! Твой, Карталон, что висит у тебя на шее, ничего не значит. Он бессилён! Мой – это дело другое! Он вырезан из священного дерева Акуру!

– Куда ты его дел? – в голосе Карталона, внезапно засквозила озабоченность.

– Он на корабле! – утверждающе и спокойно ответил Тоган.

– Подожди! На каком корабле? – не уловил смысл сказанных слов Карталон. – На нашем его точно нет!

– Он на корабле. На нашем корабле! – продолжал утверждать Тоган.

– Тоган! Я на своём корабле знаю каждый деревянный гвоздь! Где, его забили и когда! Не увидать амулет величиною с маленький щит? Брось, Тоган?!

– Я же говорил, Барка. Ты очень упёртый! Но дерево, из которого он сделан, священно! Оно может принимать в себя свет и становится невидимым! Оно подвержено колдовству! Недаром молния обходит его стороной! Дом, укрытый веткой Акуру, обходят злые духи! – Тоган стал центром внимания всех присутствующих за столом, все слушали его молча.

– О каком невидимом щите ты мне говоришь! Ответь мне! Где щит? – Озабоченность Карталона нарастала.

Тоган многозначительно помолчал, потом сказал:

– Ты упёртый, вредный человек! К тому же никого не слушающий! И я, чтобы умерить твой темперамент, вставил свой амулет в киль нашего корабля! Помнишь, когда мы ремонти-

ровались в доках Каралиса? – торжественно объявил Тоган. – И, теперь, мои боги заботятся о нашем корабле, вразумляя тебя своими советами и действиями!..

– А я-то думаю, что это со мной? – необычайно серьёзно, задумавшись, вдруг произнёс Карталон. – Когда я спускаюсь с кормы или со смотровой башни и мне хочется перешагнуть две ступени, ноги почему-то двигаются через одну! – Это утверждение, произнесённое совершенно серьёзным голосом, явно заинтересовало всех слышащих его. Но особенно оно заинтересовало Тогана, который менялся в лице при произнесении его. – А иной раз, решив сократить путь, внезапно, начинаю сомневаться... и принимаю обратное... И не понимаю, что со мной...

Карталон, сдвинув брови, сосредоточенно о чём-то думал... и, вдруг, расхохотался... Все подхватили его смех, поняв розыгрыш Барки.

– Вот опять ты смеёшься, Карталон, – обиделся Тоган, – а, тем не менее, боги Талабионга стали защищать наш корабль, ибо в нём есть частичка дерева Акуру! И последний бой у пролива тому свидетельство! Ни одно из ядер, пущенных сынами волчицы, в нас не попало!

– Это точно! – подтвердил Карталон. – Но вот, что я думаю... Я понял! Вот поэтому ты, Тоган, ругал бочонки на корабле на своём языке, а на лодке на греческом! Потому как на корабле есть частичка твоей земли! – догадался, наконец, Карталон.

– Вот можешь, когда захочешь, быть догадливым! – довольно заулыбался Тоган. – Всё правильно! В лодке нет дерева Акуру, и я посылал ругательства бочонку со Злом, на родном ему греческом наречии!

Тоган довольно засмеялся и все опять подхватили этот смех... В это время, принесли яства и напитки. Все принялись за еду и беседа стала протекать в ином русле.

– А как Тоган оказался на корабле? Расскажите эту историю, – поинтересовалась Сибилла.

– Это история Тогана, пусть он сам её передаст, – заметил Карталон.

Все внимательно приготовились слушать историю Тогана, разбавляя её вином и едой...

– Это было более шести лет назад, – начал нубиец. – Злые боги горы Исталабионга, которые обитают на самом верху горы, задумали погубить всё живое вокруг горы! – голос Тогана перешёл на какой-то распевный тон. – Для этого они растопили льды вокруг горы и случился страшный разлив реки Икуту! Волны смывали селения людей, унося с собой всё, что попадалось в их объятия! Они уносили детей и стариков, топили женщин вместе с детьми, топили скот и всех животных... И вот все, кто ещё мог спастись, двинулись к самой горе. Но боги Исталабионга решили не пускать туда никого, окружив гору стаями бешеных от голода львов. Львы бросались на матерей с грудными детьми и рвали их... Воины кинулись в бой со львами и многие тогда пали. Выхода не было... Но вот люди увидели корабли. Один... Два... Шесть кораблей вошло в разгневанную реку. Благородные боги Талабионга отправили их к нам на помощь...

Люди с кораблей начали спасать мой народ. Многих перевезли в недоступные для воды места. Очень многих! – Тоган задумался и замолчал на время, о чём-то вспоминая. Все замерли, ожидая продолжения рассказа. Тоган продолжил: – Но самое главное, их предводитель Барка решил сразиться с озверевшими львами. Он и ещё десять добровольцев высадились на краю горы. Мы последовали за ними, зная, что им понадобится помощь... Закипел бой. Львы бросились на нас, ослеплённые яростью богов Исталабионга. Но самые страшные из них пали в той битве... Остальных Барка загнал зажжёнными факелами в связанные там же бамбуковые клетки и выпустил на другом берегу разгневанной реки. Боги Исталабионга, увидев, что у них ничего не вышло, скрылись от гнева вернувшихся богов Талабионга опять на вершину горы. – Тоган снова помолчал. – В благодарность я, Тонга, и ещё двести пятьдесят моих соплеменников решили десять лет отслужить Карталону Барке на его спасительных кораблях, взяв талисман Акуру!

– Тонга? Ты сказал Тонга? – Все молчали после услышанной истории. Одна только Сибилла обратила внимание на имя, произнесённое нубийцем.

– Да, госпожа Сибилла! Моё настоящее имя Тонга! Это Барка изменил мне его, сославшись на то, что с таким именем меня на галере никто слушать не будет! Но я думаю, он был неправ. А это для чего? – и Тоган поднял свой огромный кулак...

За столом раздался дружный хохот...

– Подождите. А что за бочка с заклятым злом, о котором вы так долго спорили? Зачем, нам в Спарте зло Тарента? – напомнил Ксантипп.

– Ну, не всё зло, а только одна бочка! – весело подмигнул Тогану Карталон, – другая пока стоит на корабле, под ежедневным присмотром Тогана! Пойдём, Ксантипп! Отойдём в сторону на минуту. – Карталон встал из-за стола. – Друзья, мы сейчас к вам присоединимся!

Выйдя из таверны, Карталон направился к повозке, где сидели два вооружённых воина. Ксантипп шёл следом.

– Как с набором? – Возле повозки Карталон повернулся к спартиату. – Гамилькар надеется на тебя!

– Набрали около восьми тысяч, – ответил Ксантипп. – Золото кончается. Нужно нанять для перевозки родосцев, а они просят немалые средства!

– В этом бочонке и есть страшное зло человечества – золото. Забирай, Ксантипп. Я думаю, что на обратном пути из Самоса вы будете уже на кораблях! – Карталон откинул сукно, накрывавшее бочонок.

– Да! Хитрости тебе не занимать, Карталон! – удивлённо и восторженно произнёс Ксантипп. – Будем ждать твоего возвращения из Самоса!

– Пойдём, друг! А то, как-то неловко перед другими за наше отлучение.

Они вернулись за дружеский стол и беседа продолжилась. Сибилла выспрашивала Тогана об обычаях его народа и его родины. И Тоган с удовольствием рассказывал ей о своей земле...

Глава 18

Септемий Бибул прибыл в Рим в самые ранние утренние часы, когда городская стража завершает свой обход кварталов, следя за установленными муниципиями порядком, гигиеной, чистотой стоков, законностью и сохранностью частного и публичного имущества. Утренняя заря только начала раздувать свет по улицам города Ромула. То тут, то там проезжали повозки вездесущих торговцев, которые торопились завезти в город самую свежую продукцию к началу нового дня. Проезжая возле храма Весты, Септемий повстречал дюжину весталок, отслуживших ночную службу в храме. Постепенно, по мере продвижения Септемия, улицы города стали заполняться различным людом.

Квестор решил заехать сначала в казначейство, где им был написан подробный отчёт по расходу выделенных средств на покупку различной амуниции и продовольствия для снабжения армии в Сицилии. После этого Септемий отправился в городские бани, где долго отмылся после трудной, пыльной дороги. Он долго лежал в теплом бассейне с закрытыми глазами, восстанавливаясь и наслаждаясь негой...

– Привет тебе, Септемий Бибул! А я слышал, что ты сейчас в Сицилии, – услышал он рядом с собой голос, сбросивший с него усталую дремоту долгой дороги, – и что же, я прихожу смыть с себя остатки своих ночных приключений, коими занялся после весёлой попойки у Павия Варрона, захожу в бассейн и вижу Септемия, задремавшего в бассейне!

Септемий открыл глаза и изобразил улыбку, на какую только способен человек, проскакавший весь Латиум.

– Гай Луций Скалион! Рад тебя видеть таким же весёлым и беззаботным, каким знал тебя всегда, несмотря на военное время!

Перед ним стоял человек в банной простыне, с кудрявыми, светлыми волосами, небольшой полнотой, с совершенно белыми руками и очень артистичным голосом.

– Ты же знаешь, я не добиваюсь военной карьеры и признания своей доблести! Я скромный римский гражданин, любящий, как и ты, свой город, но ещё ценящий все прелести этой жизни и не находящий повода к изменениям моих ценностей во имя славы оружия Рима! – говорил Скалион, погружаясь в тот же бассейн с горячей водой, в котором находился Бибул. – В Риме последнее время нет недостатка в талантливых полководцах, но вот с талантливыми политиками дело обстоит иначе! Ты слышал о кознях Меттелла?!

– Нет, я только прибыл в город, как ты сказал, из Сицилии! А в чём суть?

– Метелл заигрывает с плебсом, обещая увеличить раздачу хлеба, если его изберут в следующем году консулом. Муниципии выставили его уже кандидатом, хотя сроки ещё не подошли! Он утверждает, что захватит Сицилию с её благоприятными полями для засева пшеницей и накормит этим хлебом всю городскую голодрань!

– Насколько мне известно, мы контролируем половину тех пшеничных полей, о которых говорит Метелл. Но он не знает специфики ситуации в провинции. Сицилийцы очень мстительны и сожгут свои поля, как только узнают или им скажут, что квоты на закупку зерна снижаются, – подумав, рассудил Септемий. – Значит, если здесь раздавать хлеб бесплатно, а там пытаться не закупать его, а забрать – это чистой воды популизм!

– Да, но чернь этого не понимает и Метелл этим пользуется, – уточнил Скалион.

– Если, даже и забирать там хлеб без выкупа, это подорвёт внутренний рынок нашего римского земледельца! Кто у него будет покупать зерно, когда есть дешёвое сицилийское? – продолжал рассуждать Септемий. – Наших земледельцев ждёт разорение!

– Вот! Мне кажется, что вся эта затея с войной чистой воды афера по разорению земледельцев Латиума! Метелл представляет богатых патрициев, которые жаждут скупить земли разорившихся земледельцев Латиума! А Карфаген только повод!

– А что же Сенат?

– Сенат сам большей частью состоит из таких патрициев!

– Это верно! – согласился Бибул. – Что нового в политике?

– Большинству Сената непонятна причина задержки экспедиции в Африку! Также, не понятна причина, почему фракция Катона голосовала за отставку Манлия от командования за его задержку у Лилибея.

– Постой, но ведь именно она настояла на его отправке туда? Тут что-то нечисто! – Бибул задумался.

– Ну, а ты? Ты, так сказать, присутствующий при событиях! Что ты, думаешь обо всём этом? – Скалион посмотрел на Септемия с искренним интересом.

– Мне многое не ясно! Но в Риме есть какая-то скрытая от глаз заинтересованная сторона в этой войне! Сегодня я буду выступать по этому вопросу в Сенате! – закончил мысль Бибул.

– Очень хорошо! Конец весны, сенаторы ещё не успели разъехаться по своим виллам. Сенат будет почти в своём полном составе, Септемий! – с оптимизмом отреагировал на это Скалион.

– Какие светские новости города? – переменял тему Бибул.

– Новостей полно! Самая обсуждаемая – вдова проконсула Клавдия Пульхра была замечена с молодым любовником греческого происхождения из Капуи, который занимался у усопшего Пульхра архитектурной отделкой их дома. Зрелая матрона так увлеклась молодым греком, что, позабыв римские устои, устраивала в доме проконсула празднества в честь Ганимеда, оканчивающиеся обильными возлияниями вина и соитием всех участвовавших. Слухи об этих празднествах дошли до цензоров и те наложили на матрону штраф в десять тысяч сестерциев. Матрона не заплатила штраф и хотела судиться с цензорами по поводу вторжения тех в её частную жизнь, но почему-то передумала. Вторая новость – вхождение в родство Корнелиев и Пизонов через женитьбу Публия Пизона и Корнелии Стиллы. Об этом сейчас говорит весь Рим! Кстати, приглашение на празднество тебе, Септемий, тоже было послано! Новость третья...

Скалион ещё долго перечислял новости города с центром на Капитолийском холме, одновременно, предаваясь наслаждениям расслабления в горячем бассейне и вдыхая аромат благовоний, растворенных в воде...

...В Сенат Септемий прибыл в полдень. Бибул занял своё место, на котором он обычно сидел во время заседаний, и стал ждать своей очереди для доклада. Сенат сначала рассматривал хозяйственные вопросы государства и соседних провинций, а потом перешёл к вопросам войны, предоставив слово квестору армии Септемию Бибулу. Заслушав доклад Бибула, Сенат перешёл к прениям по этому вопросу.

– Скажи, Септемий, сколько у Баркидов флотов, если его, почти одновременно, замечают в разных местах? – спросил главенствующий в своей фракции Катон. Этот человек, одновременно, занимал место верховного понтифика и отвечал за казну Республики, религиозные ритуалы и жертвоприношения. – Катулл даёт нам сведения о ста, как минимум, галерах!

– Я не видел ста галер. Флот, который дважды атаковал мои конвои, насчитывал не более полусотни кораблей! Морской навык у них очень велик! Их командир ходит под вымпелами Баркидов. Хотя, совсем недавно стало известно, что это не Гамилькар, а кто-то иной.

– Да, мы знаем его имя! – многозначительно, с подчёркнутым высокомерием заметил Катон. Бибул вопросительно посмотрел на него.

– Я знаю, понтифик, что у вас есть тайная переписка с Регулом. Так, может, просветите Сенат и Республику о некоторых сторонах этой переписки? Или у вас есть тайны от Сената? – холодно отреагировал Септемий, глядя в глаза Катона.

Глаза Катона блеснули недобрый светом. Лицо сохранило видимое спокойствие, но сердце стало отстукивать тревожный ритм – «Откуда он знает о нашей переписке с Марком? – лихорадочно подумал Катон. – Или глупый Атилий в припадке своей избранности сболтнул что-то?»

Между тем в зале поднялся ропот. Некоторые сенаторы требовали огласить незаконную переписку консула с понтификом.

– В нашей переписке нет ничего такого, что можно было бы скрывать от Сената! – пытался оправдаться и уйти от ответа Катон. – Она носит частный характер и может быть оглашена только в системе судебного разбирательства! А так как консулы у нас на войне, самым любопытным из вас придётся подождать возвращения консулов! – язвительно выкрикнул он эту фразу той части Сената, которая требовала огласки переписки.

– Ну, тогда, может, просветите Сенат о тайном имени командующего флота Баркидов? И откуда пришла эта информация? – спокойно заметил Бибул.

– Его зовут Карталон Барка! Он старший брат Гамилькара и вернулся из какого-то путешествия! Мореходы говорят о нём как о незаурядной личности. В своё время у него возникли враждебные отношения с Советом суфкетов и он оставил Родину на какое-то время! Эту новость привёз наш советник, который находился с визитом в Аполлонии. Он встретился с ним, при входе в пролив Пелопоннеса. Из Кротона в спешке была выслана эскадра перехвата. Но, не зря, мореходы рассказывали, что с ним плавала старая колдунья жрица Молоха, которая научила его тайным знаниям! Он в тумане налетел на нашу эскадру, потопил шесть и захватил два наших корабля. Когда эскадра разобралась в ситуации, преследовать его было бесполезно.

– А почему бы нам самим не заслушать советника и о цели его миссии, и о схватке с Карталоном? – предложил Септемий.

Сенат поддержал его предложение.

– Советник сейчас вне Италии, но обещаю вам, после его прибытия он выступит с докладом в Сенате. – Катон сел на место.

По требованию председательствующего в зале стихло.

– Что ты, Септемий, думаешь о ситуации, сложившейся в Сицилии? – спросил он квестора армии.

– Я, как и все здесь присутствующие, за быстрейшую, ускоренную высадку войск в Африке. У Карфагена не закончено строительство крепостных стен! Нужно использовать это! Они их начали возводить, но на постройку уйдёт много времени и средств. Момент созрел. Надо отозвать консула Манлия из Лилибея и строго придерживаться разработанного плана кампании. И необходимо форсировать поставки провианта для обеих армий! Для этого, надо, двумя флотами закрыть проливы для безопасности движения конвоев! Далее, проконсулу Кавдику нужно активизировать осаду Акраганта. Это будет сковывать силы неприятеля, в частности, Гамилькара. Армии проконсула Кавдика нужно придать ещё один легион в качестве подкрепления...

– Постой, квестор, – перебил Бибула один из представителей рода Клавдиев, Луций Клавдий Нерон, – ты говоришь о помощи Кавдику в составе одного легиона? Но ты хоть отдаёшь себе в этом отчёт? Чтобы собрать его, нужно провести ещё один набор рекрутов в подвластных нам провинциях Италии! А таких резервов уже почти нет!

– Когда Сенат голосовал за объявление войны Карфагену, он не думал о людских резервах Республики! Теперь, когда мы понесли в этой войне такие потери, ты, Клавдий, наконец то, понял и задумался о людских резервах! Но я не говорил ни о каких наборах! Достаточно будет одного легиона из лагеря Регула! – парировал выпад Септемий.

– У Кавдика есть два легиона – «Латиум» и «Италика», и пятнадцать тысяч союзной пехоты Сиракуз. Этого вполне достаточно для блокады города, – констатировал Клавдий.

– Для блокады достаточно, – согласился Бибул, – а для штурма нет. Мы отвели от Акраганта легион «Волчица Ромула» для пополнения! Назад его не вернули! Он в лагере Марка Регула.

– Хорошо! Пусть консул Регул отправит к Кавдику один легион! Какой? Пусть решит сам! – заключил председательствующий. – Кто за поддержку доводов квестора Септемия Бибула, прошу голосовать!

Значительное большинство поддержало предложение Септемия Бибула.

– Квестор, через два дня вы получите от Сената письменные распоряжения, касающиеся сегодняшнего обсуждения! И можете отправляться к армии! – заключил председательствующий.

Сенат перешёл к решениям вопросов жалоб муниципий...

Септемий вышел из Сената и направился к форуму. Он спускался по парадной лестнице, обдумывая планы на завтрашний день, когда был окликнут кем-то:

– Септемий!

Бибул оглянулся и увидел человека, спешащего за ним вслед. На человеке была одета пурпурная тога, какие носят священные авгеры. На его ногах были лёгкие церемониальные сандалии.

– Септемий Бибул, меня послали известить тебя о беседе, на которую просит тебя прийти понтифик Марк Квинт Катон. Если ты принимаешь приглашение, то тебя будут ждать во время смены второй стражи у главных ворот храма Двуликого Януса!

– О чём будет беседа, уважаемый авгур? – поинтересовался Септемий.

– Квинт не дал мне на этот счёт никаких объяснений, но сказал, что тебе это будет очень интересно!

– Вот как! Хорошо! Я буду там в назначенное время! После второй стражи!

Человек наклоном головы попрощался и удалился.

«Ну вот! Катон проявил ко мне свой интерес, – подумал Бибул. – Интересно с чем это связано?»

Он вышел к форуму, всегда многолюдному. Здесь решались многочисленные вопросы римских граждан, от судебных разбирательств до торговых соглашений и сделок. К площади прилегали главные храмы римских богов и различные курии. Миновав площадь, Бибул решил посетить дом Пизонов и поздравить его с предстоящим свадебным торжеством, на котором он не сможет присутствовать ввиду возложенных на него Республикой обязанностей квестора. С этим намерением он отправился к Пизонам...

Глава 19

Септемий подошёл в назначенный час к храму Двуликого Януса, стоящему в одном архитектурном ансамбле с храмом Квирина. Подойдя к базилике храма, Септемий увидел двух служащих храма, которые пригласили его проследовать вглубь храмовых строений. Они начали спускаться в нижние ярусы строения. Сюда не имел права заходить без приглашения ни один римский гражданин. За долгие века существования храма подземные ходы переросли в лабиринт и пройти здесь без проводника было очень затруднительно. Септемий почувствовал какую-то тревогу, проходя по этим бесчисленным коридорам. Зачем, храму такой подземный лабиринт Септемию было непонятно. Где-то здесь, в этих тёмных подвалах, располагались чертоги ордена арканитов. История его создания скрыта веками. Тайная борьба с врагами велась здесь столетиями. В первое время орден был открыт для светских властей Рима, но со временем его быт оброс тайной. А действия адептов велись уже не от имени власти Рима, а от священных авгуров храма. По закону они должны были советоваться с Сенатом в выборе средств ведения тайных операций, но на деле Сенат вряд ли был осведомлён обо всех делах ордена.

Септемию провели через какой-то зал, где на боковых стенах были изваяния каких-то неведомых чудовищ с открытыми мерзкими пастьми. В пастьях чудовищ горел огонь, освещающий зал. В середине зала стояло изваяние Януса. Одна сторона изваяния была с человеческим обликом, другая в образе страшного монстра с горящими глазами. Изваяние было выполнено в полный рост и держало левую руку согнутой в локте с раскрытой кверху ладонью. Во второй руке был зажат кинжал. Подойдя ближе, Септемий содрогнулся – в раскрытой ладони лежало человеческое сердце, с ладони стекала тягучей жижей кровь. То, что это было человеческое сердце, Септемий не сомневался. От всего увиденного и от мрачной атмосферы подземелий ему стало не по себе. Пройдя зал, Бибул оказался в узком коридоре, заканчивающемся массивной дверью. Подойдя к двери, прислуживающий открыл её и знаком попросил зайти в неё Септемию. Септемий вошёл и дверь за ним закрылась. Он оказался в другой комнате с занавесью на стенах. Посреди комнаты стоял жертвенник с горящими алтарями по бокам. Перед жертвенником стояло несколько мраморных скамеек. Септемий подошёл к жертвеннику. Он был совершенно чист, видно, в нём давно не проводились обряды.

– Это, теперь, совещательная комната, мы не используем её больше для обрядов. – Из-за одной из занавесных ниш вышел Марк Катон. – Теперь, обряды проводятся в более далёких чертогах храма.

При этих словах Бибул подумал: «Значит, их чертоги проходят под всем Капитолием!»

– О чём мы будем беседовать, уважаемый понтифик? Если мы здесь, значит, есть темы, которые не касаются ушей Сената!

– Ты, Септемий, всегда был намного умнее целой дюжины сенаторов, считающихся очень мудрыми политиками этого города. Мы давно следим за твоими политическими шагами и рады твоим успехам.

Септемий насторожился при слове «мы».

– Да-да, мы – это люди, борющиеся за возвышение Рима над всеми городами-государствами мира.

– Вот как! А что, Республика не заботится о том же? Но мне непонятны тезисы возвышения. Что важнее, Рим или Республика? – Септемий говорил совершенно открыто и спокойно.

– Республика наше детище. Как мы можем отделять себя от неё?

При этих словах Катона, Семптемию, глядя ему в глаза, понял: «Он хотел мне сказать что-то большее, но моя реакция на его слова чем-то испугала его! Ну что ж, постараемся его успокоить». А Катон продолжал:

– Ещё Ромул задумал провести республиканские преобразования. Жаль! Боги решили забрать его в свои чертоги, а возвратили его обожествлённым Квирином!

– Но, почему, поклонения в обрядах и ритуальных процессиях Янусу намного больше, чем Квирину, являющемуся защитником города? – спросил Септемий.

– Потому что Квирин-Ромул сам поклонялся Двуликому Янусу. Янус отображает две стороны состояния государства – Войну и Мир! Близнецов было тоже двое – Ромул и Рем. – Катон явно заводился от своей речи, глаза его начали гореть неистовым пламенем убеждения. – Само время выбрало правильное решение! Кто будет править Римом?! Ромул, как более волевой и устремлённый, оказался правителем, захватившим часть диска, принадлежащего ранее Рему, и стал более могущественным и деятельным...

– Диска? Ты сказал диска? Какого диска? – Бибул выхватил из монолога Катона непонятный ему смысл.

Катон осёкся... Было видно, что он обдумывает свой ответ.

– Говоря «часть диска», я имел в виду весь круг города. Так вот, Ромул построил храм Двуликому Янусу после того, как имел откровения с ним...

– С кем? – не понял Септемий.

– С Янусом, Септемий, с Янусом-Послом! Если хочешь и ты будешь сегодня свидетелем разговора с богом.

– С кем? С Янусом? И где же будет происходить разговор? – Септемий был поражён происходящим и с недоумением смотрел на Катона.

– Здесь, Септемий, именно, здесь! Здесь, он явился первый раз Ромулу и стал являться в последующем!

– В каком же образе он возник перед Ромулом? Ведь храма тогда не было? – спросил Септемий, обводя комнату взглядом.

– Ромул говорил, что он предстал в образе восточного странника, но вещи, о которых поведал его рассказ, заставили Ромула поклоняться его учению! В этом месте, по повелению Ромула, был заложен храм и построен лабиринт.

Обведя всю комнату внимательным взглядом, Септемий остановил взгляд на Катоне.

– Скажи, Марк, по пути сюда я видел вырезанное человеческое сердце! Оно лежало на ладони у Януса. Это что, тайное жертвоприношение?

Во взгляде Септемия не угадывалось ни капли волнения или испуга. «Это очень смелый человек, – в мыслях решил Катон, – природа наградила его не только светлым умом, но и мужеством! Такие люди редки. Если он станет нашим приверженцем, это будет несомненный успех!»

– Это один из предателей ордена, не согласовавший свои действия с нами! – Катон придал своим словам наибольший замысловатый оттенок. – Двуликий карает слушников и врагов, где бы они ни были!

Септемий понял, что эти слова были сказаны как предостережение и ему. Катон между тем подошёл к одной из ширм и распахнул её. Глазам открылась тёмная пустая ниша.

– Сейчас, Септемий, ты увидишь то, что видели избранные отцы города. Круг посвящённых не так велик. У нас много приверженцев в Сенате и в Республике, но посвящение в тайну мы проводим далеко не каждому!

– Вы меня хотите сделать своим приверженцем и посвятить в какие-то тайны Двуликого Януса?! – Септемий взглянул на Катона. – А вдруг, я, не оправдаю ваших надежд? Тогда, моё сердце будет лежать на ладони Двуликого Януса?

– Нет. Ты будешь присутствовать при явлении бога. Дальше, тебе решать самому, быть с нами или против нас.

Категоричность сказанного насторожила Септемия. Катон между тем продолжал:

– У тебя будет время обдумать наше предложение! А теперь приступим, уже подходит время.

Катон несколько раз хлопнул в ладони, пригласив знаком Септемия присесть на одну из скамеек. В комнату вошли жрецы, одетые в пурпурные тоги. Они принесли несколько зажжённых ламп и благоухание наполнило комнату. Лампы они разместили треугольником внутри ниши. Пространственная пустота, которая начала заполняться пеленой благоухающего дыма, стала задымлена и непроглядна. Где-то за стенами зазвучало заунывное пение, в котором прослушивались женские и мужские голоса. От невероятного благоухания у Септемия начала кружиться голова. Мысли его стали путаться. Какое-то сладостное опьянение овладело всем его телом, хотелось закрыть глаза и погрузиться в нереальность мечтаний. Мыслительный процесс Септемия невероятно ускорился, начали всплывать картины из прошлого: женитьба на любимой девушке Квесте Тертеллии, её смерть и похороны, её и новорождённого младенца, война в Самнии, где он искал смерть, бросаясь в самую гущу врагов... Видения продолжались... Вдруг, стали возникать совсем незнакомые картины: невероятный шторм на море, разбивающий галеры как щепки... Волны, достигающие высоты колонн Капитолия. Море, вдруг, сменилось сушей и глазам предстали римские легионы, а корабли сменились видениями огромных слонов, топчущих римских солдат... Видения менялись очень быстро...

Пение стихло и послышалось контральто. Стоящие по бокам ниши авгуры припали на левое колено. Катон поднялся со скамьи и сделал два шага к нише. Глаза его сверкали светом отражённых ламп, на лице застыла маска отречённости и всепоглощающего поклонения!

Ниша полностью наполнилась дымом благовоний, излишки которого выходили по сторонам... Вдруг, из ниши послышался звук, сопоставимый с тяжёлым ударом бревна о каменную кладку. Контральто сразу осёкся и замолчал.

– Присутствует ли Верховный Понтифик? – Из ниши послышался голос, усиленный акустическим эффектом пустоты, но вполне человеческой, низкой тембральности.

– Я здесь, мой повелитель! – Катон склонил голову.

Септемий окончательно пришёл в себя от раздавшегося в пустоте голоса.

– Мои братья, находящиеся по ту сторону вашего времени, недовольны столь медленным процессом гегемонии Рима над всем миром!

– Мы делаем всё от нас зависящее, всё, что в наших силах, повелитель!

– Недостаточно. Рим должен собрать все четыре «составляющие» безграничной власти, и тогда все четыре стороны света покорятся ему! Построив же башню, в которой будут заключены все четыре символические реликвии, вы вновь постройте мост, связывающий ваш мир с нашим. Но этого мало. И мои братья смогут вновь войти в ваше измерение, помогать властвовать вашему городу над всем миром, только после следующих этапов борьбы. Вербуйте больше наших последователей. Гея, как мы её назвали, не вправе противиться вашей власти. И помни, Понтифик, – из дыма выступила еле различимая человеческая фигура, – ваш город не единственный в этом мире. – Фигура человека по пояс высунулась за пределы задымленной ниши, так что было хорошо различимо лицо божества. – Мои братья могут подумать о замене избранности вашего города!

Лицо вновь скрылось в пелену дыма.

– Мы дали вам всю информацию! Дали вам могущество и власть, создали тех, кто будет вам служить! О, это было нелегко! Их генетический код чрезвычайно зыбок и рвёт цепочку, едва к ней прикоснёшься. А как можно прикоснуться к Свету?.. ты даже не можешь представить, сколько наших, «облучились» Светом при этой работе!.. Но, всё же, нам удалось создать «нечто по образу и подобию»... и мы выпустили их в пояс, названный Гей. Закончите начатое и мы вернёмся вновь!

Голос замолчал. И вновь запело контральто. Как будто певшей открыли закрытый ранее ладонью рот.

Бибул сидел ни жив ни мёртв. Ничего подобного он в жизни не испытывал. Сам монолог в нём пробудил много вопросов. Присутствие третьей заинтересованной стороны в Республике давно угадывалось им. Но то, что он увидел и услышал, никогда им не предполагалось и поставило его в определённый тупик. Мурашки побежали у него по спине в момент, когда он увидел и рассмотрел лик бога.

Тем временем авгуры забрали ароматные лампы из ниши и глазам вновь открылось её пустота. Все покинули комнату, кроме Катона и Бибула.

Катон повернулся к Септемию, было видно его волнение:

– Ну, что скажешь, Септемий? Я понимаю, тебе не по себе! Но объяснить всего я тебе сейчас не могу. Ты должен сам определиться – с нами ты или нет! – Катон внимательно посмотрел на Септемия.

И увидев, как Септемий посмотрел на него, Понфитик ответил, на заданный взглядом вопрос:

– Я сам не думал, что он сегодня явится в этом облике.

Септемий сидел, в полной прострации, собираясь с мыслями.

– Хорошо, Понтифик, я обдумаю увиденное и сообщу вам о своём решении до отъезда из Рима.

– Вот и хорошо! – раздалось в ответ. – Я оставляю тебя, Септемий! Привратники проведут тебя.

Септемий обернулся. Катон исчез за одной из ширм.

Оставшись один, Бибул подошёл к открытой нише. С опаской он вошёл внутрь и осмотрел стены. Стены были выложены из круглого камня и не имели никаких трещин или изъянов, которые могли бы навести на мысль о потайной двери.

В этот момент раскрылась дверь, в которую вошёл Септемий, направляясь сюда. Привратники попросили его проследовать за ними. Септемий совершил обратное путешествие по подземельям храма в молчании и раздумьях.

Глава 20

Гамилькар обернулся, выбежавшая отовсюду прислуга храма разделилась на две группы. Одна перенесла Апафию в её жреческие покои, где принялись хлопотать над её раной. Другие пытались помочь Клариссе освободить Массилия от доспехов, чтобы добраться до его ран. Гамилькар поискал глазами Иолу. Она сидела на корточках возле лежащего центуриона. Гамилькар пошёл к нему и, присев, приподнял его голову, почувствовав слабый пульс Кассия.

– Диархон, перевези женщин на корабль. Я пока окажу помощь! – отдал он указания Диархону. Увидев немой вопрос на лице Иолы, он успокоил: – Они выживут, если им оказать вовремя помощь, так что поторапливайтесь! Не время рассуждать! – поторопил Гамилькар. – Диархон вернется за нами, поэтому, спешите!

Женщины смотрели на него вопросительно.

– Мы перевезём их на корабль и там вы мне всё расскажете! А сейчас в путь!

Гамилькар вновь склонился над Кассием. Центурион потерял очень много крови и ослаб совершенно, но молодое сердце боролось за жизнь. Гамилькар подумал о превратностях жизни, вынуждающую его оказывать помощь врагу. Но этот враг спас его жену, встав на пути слуг Двудикого, и его благородство несомненно достойного римлянина пересилила вражду двух народов. Кассия перевязали и отнесли к пристани храма. Барка посмотрел на Массилия. Рана декана была опасней. Второе ранение задело лёгкое. Массилия перевернули так, чтобы кровь не заливала лёгкие, но требовалась помощь лекаря. Массилия перевязали и, не переверачивая, перенесли к Кассию...

Наконец, пришла лодка. Раненых погрузили в лодку. Гамилькар ещё раз справился о здоровье Апафии и узнал, что она уже пришла в себя и стала расспрашивать о случившемся. От этого известия он успокоился и отплыл к кораблю...

Артемиды отстояла свои владения и опустила на свой храм глубокую ночь...

...Кассий Кар открыл глаза, не понимая, где он находится. Он попытался пошевелиться, но совершенно не почувствовал тела. Темнота и мрак были его спутниками последние дни. «А жив ли я? Или я уже умер и совершенно бестелесным духом витаю в космосе?» Кассий решил вспомнить всё, что происходило за прошедшие недели...

...Обоз после сражения на гребне подъёма переправы через реку больше не подвергался никаким нападениям. После битвы они узнали у местных сицилийцев, что уничтожили самый крупный разбойничий синдикат, промышлявший разбоем в этой области острова уже много лет. Были убиты почти все видные начальники разбойников, включая неуловимого до этого Катариса, который грабил всех подряд и слыл неуловимым и умелым организатором нападений!

Через три дня обоз достиг Эрбесса, где располагалась база осаждавшей Акрагант армии проконсула Кавдика. В Эрбессе стоял гарнизон, состоящий из четырёх манипул тяжёлой римской пехоты, трёхсот всадников – экстрординариев. Гарнизон командовал военный трибун Децим Тибул. По приходу обоза Теренций Мул поведал Дециму все перипетии пути и о роли во всём Кассия Кара. Тибул высоко оценил действия Кассия и отрядил в сопровождение Кассия отряд экстрординариев в сто всадников. Также, Тибул пообещал, что как только какой-либо обоз отправится в Мессину, он возвестит о заслугах Кара его легата Тита Бабруку.

На следующее утро, Кассий, в сопровождении конного отряда отбыл к Акраганту. Двумя переходами, с одной ночёвкой, отряд прибыл в лагерь Аппия Кавдика. Конный отряд, сопровождавший Кара, отбыл назад в Эрбесс. Кассий, разместив своих людей на отдых, отправился к проконсулу...

Лагерь Кавдика стоял на высоком холме, с которого очень хорошо просматривался Акрагант, а также часть морского залива. Претория лагеря находилась на самой высокой точке холма. Туда-то и направился Кассий. Пройдя несколько постов охраны и предъявив им консульскую тубу, Кассий подошёл к ставке проконсула. Один из центурионов, несший наряд на сегодня по охране ставки, остановил Кара и, узнав о письме консула, отправился доложить о нём Аппию. Через несколько минут центурион вернулся, и попросил Кассия проследовать к проконсулу. Кар вошёл внутрь, прошёл между двух перегоронок с охраной и попал в просторный зал с конусным покрытием из парусины. В центре свода было отверстие для выхода дыма от горящих в нескольких местах очагов, задачей которых было освещение и отопление такого большого пространства.

Проконсул сидел возле одного из очагов и что-то чертил на песке. Подняв голову, он посмотрел на Кара вопросительным взглядом. В нём угадывался очень надменный, авторитарный, бескомпромиссный военачальник. Кавдик происходил из очень древнего рода, одного из многих, кои при становлении республики объявили себя слоем патрициев и его понятия обо всём самом лучшем чётко ассоциировались с родовой ветвью. В его мировосприятие не входило ещё чьё-то мнение, отличавшееся от его личного. Его военачальники, окружавшие его, были для него дурнями и обалдуями, а солдаты муравьями. Всё это присутствовало на фоне его гениального военного руководства. Все неудачи и промахи он списывал на нерадивость солдат и тупость подчинённых начальников. Поэтому, не было ничего удивительного в том, что Кавдика никто не любил и, более того, его ненавидели. Но спорить с ним было опасно, ибо он имел неукротимый нрав, а бешенство и свирепость слишком часто заслоняли разум, затмевая последние отблески сознания.

Кассий без слов подал тубу проконсулу. Аппий взял её и не спеша, будто раздумывая, открывать её или нет, крутил в руках. Потом так же, не торопясь, открыл запечатанный верх. Принялся читать... Несколько раз во время чтения он поднимал глаза на Кара и вновь обращался к письму. За время чтения на его лице не выразилось ничего, что могло бы выдать его чувства. Закончив чтение, он обратил свой взор на Кара.

– Где ты отличился, центурион? – спросил Аппий Кассия.

– Во время второй войны с Самнием, – ответил Кар.

– В каком легионе ты служил?

– Я служил и ныне несу службу в четвёртом легионе имени Марса.

– Хороший легион, – заметил Кавдик, – и командиры ему достаются всегда достойные.

Он крикнул дежурного центуриона.

– Позови Скрофу, – приказал он.

Центурион вышел.

– Кассий, я напишу письмо, которое ты доставишь в расположенную недалеко от Акраганта священную рощу нимф. Когда ты передашь письмо и дождёшься его прочтения, лицо, прочитавшее его, даст тебе поручение ко мне или просто отпустит тебя в лагерь. Сегодня начинаются празднества, посвящённые Артемиде. Те люди выполняют тайные поручения и находятся в роще по заданию.

С этими словами Аппий написал письмо, сложил его вчетверо и скрепил своей печатью. Когда он передавал письмо, вошёл человек со знаками военного трибуна.

– Скрофа, – обратился Кавдик, – проводишь центуриона к роще и возвращайся ко мне.

Скрофа склонил голову и пригласил Кассия следовать за ним. Они вышли из ставки Кавдика.

Выходя на территорию претории, Кассий заметил Массилия, стоящего в стороне. Массилий держал под уздцы лошадь, переданную трибуном Тибулом. Скрофа торопился. Он показал на одну из лошадей, стоящих привязанными у декуманских ворот лагеря. Они сели верхом и выехали за ворота. Скрофа пустил лошадь в галоп. Кассий не отставал. Они скрылись

среди виноградников и только шлейф пыли, поднятый копытами лошадей, выказывал маршрут их следования. Весь путь занял около часа, они проехали примерно тридцать стадиев. Затем Строфа замедлил бег своего коня и перевёл его на шаг. Лошади, тяжело дыша и фыркая, пританцовывали, отдыхая. Кассий увидел конечную цель их путешествия.

Апельсиновая роща находилась между Акрагантом и селением рыбаков, расположенным под высоким молотом, на котором стоял какой-то храм. Священная роща нимф была наполнена пением разноголосых птиц. В самой роще весело журчали быстрые ручьи, сбегая с горного плато. Скрофа достал охотничий рог, сделанный из рога тура, и подал сигнал. После этого он развернул лошадь, кивнул Кассию, подавая этим самым знак исполнения им его поручения, и пустился в обратный путь, пустив лошадь лёгкой рысью. Кассий остался один. Он ждал несколько минут и решил сам углубиться в рощу. Он перебрался на лошади через один из ручьёв и неторопливо двинулся вперёд.

– Кого ищет римский центурион? – услышал он голос позади себя.

Кассий обернулся и увидел арканита, вышедшего из густого кустарника. Солнце играло на его латах, открытых порывам ветра, отбросившего его плащ назад. На адепте блестели латы самнитской работы, в которой одна пластина накладывалась на другую не глухим креплением, а наподобие оперения птиц. Мечи у них были по длине равные мечам римской тяжёлой пехоты, но с более тонким, изящным лезвием. Кроме меча, на поясе висел тяжёлый кинжал. Арканит смотрел на Кассия сквозь глухую кожаную маску, оставляющую для дыхания продольные прорезы. Открытыми были только глаза и лоб. Капюшон скрывал волосы адепта.

Кассий спешился и молча подал письмо проконсула. Адепт, взяв письмо, отошёл в сторону для его прочтения и повернулся к Кассию спиной. Кассий вдруг вспомнил слова из отчёта адептов, которых он встретил в дозоре у Мессины: «... Благоухает в храме Артемиды...» «Значит, это и есть храм Артемиды! – решил он, посмотрев на высокий мол у моря. – Интересно, что за роза обитает в его стенах?»

– Центурион, – услышал он слова обращения, с другой стороны. – Давай, я привяжу твою лошадь.

Кассий повернулся, справа от него стоял такой же адепт, впрочем, как и слева.

«Сколько их здесь, – подумал Кассий, – этих убийц должно быть кратное число». Кассий посмотрел, как адепт взял его лошадь под уздцы и повёл вглубь рощи. Другой адепт разговаривал вполголоса с арканитом, видимо, старшим из них и прочитавшим письмо. Кассий вслушался в пение птиц, роща, как видно, была густо населена этой живностью...

– Центурион, мы отправляемся на задание, которое указано в письме, доставленном тобой. Ты остаёшься здесь, вместе с двумя адептами, и присоединишься к нам после сигнала! Будь внимателен и не пропусти сигнала.

Арканит пошёл вглубь рощи. Кассий посмотрел, как взявший его коня скрылся в густом кустарнике рощи, и повернулся к адепту, который только что разговаривал со старшим из адептов:

– Что мы будем делать? – спросил Кассий адепта.

– Приказано было ждать сигнала, но ждать сигнала нам лучше на отлогом берегу ручья, который находится недалеко отсюда. – И адепт показал, в какую сторону надо двигаться.

Кассий двинулся в указанном направлении. Туда раньше них ушёл вместе с его лошастью второй из оставшихся с ним храмовиков. Кассий шёл впереди, раздвигая густые, гнутые ветви переплетённых зарослей. Сзади слышался хруст веток идущего за ним адепта. Кассий вышел на открытое место, сделав несколько шагов вперёд, он обернулся к адепту, который должен был следовать сзади, за ним... Но из зарослей адепт не выходил! Кассий прислушался... Звука шагов с ожидаемой стороны зарослей не было... Зато, хрустнули ветки спереди, откуда только что отвернулся Кассий...

Кассий повернулся и увидел лезвие меча, летящего по кривой дуге ему в лицо. Адепт, ушедший вперёд с лошадью Кара, подкараулив его за широким дубом, неожиданно атаковал, совершая рубящий удар мечом, находящимся в его правой руке, полностью уверовав в неготовность к его атаке Кассия. Но Кассия природа щедро одарила скоростью перемещений и реакцией. Кар был самородком, постигавшим военную науку в прошедших сражениях, глядя на острия мечей разных народов. Кассий, мгновенно присел на левое колено, оставляя правую ногу с разворотом корпуса назад, уходя с линии атаки нападающего. Меч просвистел над головой Кассия. А сам адепт, не встретив упора меча на шее Кассия, куда метил, подался корпусом вперёд, подчиняясь поступательному движению. Центурион одним движением с уходом в сторону с линии атаки обнажил меч и вонзил его в открывшийся правый бок адепта снизу-вверх, поднимая стальные пластины брони. Меч вошёл между рёбер и пронзил все жизненно важные органы грудной клетки. Адепт умер ещё в движении... Теперь, Кассий слышал звуки ломающихся ветвей сзади себя... Он повернулся и увидел другого адепта, выбегающего из зарослей и замахивающегося в его направлении тяжёлым кинжалом... Времени, на раздумье, не было. Кар кувыркнулся через голову в сторону врага. Кинжал просвистел на расстоянии ширины ладони от кувыркающегося тела Кассия. Мгновение, и Кар оказался в шаге от врага! Глаза их встретились... Адепт был поражён быстротой центуриона, а глаза Кассия пылали гневом за подлое нападение. Арканит обнажил меч, когда меч центуриона вонзился ему в бедро с силой, пробившей латные пластины, защищающие ногу. Арканит взвыл от боли и упал на траву. Кассий поднялся с колена, огляделся по сторонам, проверяя место на наличие новых убийц...

– Да, вы оправдали свою репутацию подлых убийц, тянувшуюся за вашим орденом в веках! – сказал он после того, как осмотрелся. – Чем я помешал вашему ордену?

Арканит сверлил его зелёным взглядом и молчал. Кассий оторвал тесёмку плаща мёртвого адепта и кинул её раненому.

– Перетяни рану, тебе придётся скоро общаться с судьями Республики!

– Я не хватаюсь за жизнь, центурион. Мой брат уже мёртв! И ты тоже скоро будешь мёртв. Хотя, ты меня удивил! Многих мы с братом отправили к Аиду. Но такого быстрого воина мы ещё не встречали! Видно, власть Двумликого не столь уж безгранична, как нам говорили. Марс тоже благоволит к своим сыновьям. – Адепт бледнел с каждой минутой от потери крови, которая всё сильнее пробивалась из его бедра. – Возьми письмо и прочти, что тебя ожидает! Оно лежит в сумке у моего брата.

Кассий посмотрел на раненого, умирающего адепта, потом на другого, который лежал в нескольких шагах. Он медленно пошёл к мёртвому адепту. Нагнувшись над мёртвым телом, Кассий открыл поясную сумку и порылся в ней. На дне её лежал вчетверо сложенный конверт проконсула. Кассий взял его и выпрямился, приготовившись читать...

В это время сзади послышался хруст разрубаемого черепа. Кассий резко обернулся... У мёртвого, теперь уже, адепта стоял Массилий. Адепт с удивлённым лицом держал в замахе меч, который собирался бросить в спину Кассия... Меч декана разрубил ему голову в момент броска и мёртвое тело рухнуло наземь.

– Спинай к живому врагу поворачиваться нельзя. – Массилий вытер меч о траву.

Кассий наклоном головы поблагодарил Массилия.

– Что ты здесь делаешь, Массилий? – улыбаясь, спросил он.

– Когда я увидел тех адептов ордена, которых мы встретили в дозоре у Мессины, я подумал, что мы вляпаемся в какую-нибудь грязную историю. И я не ошибся! Почему я здесь? Потому что я привязался к тебе, центурион. За шесть лет службы ты мне стал как сын. Своих детей я никогда не имел. Поэтому, оберегаю тебя от всякого рода неприятностей! – Массилий пнул ногой мёртвого арканита.

Кассий ничего не ответил, он читал письмо. Оно было очень коротким. Кавдик написал: «Центуриона, привёзшего письмо, к Плутону! Сегодня всё должно решиться. Храм сжечь! Мёртвого центуриона бросить у храма».

– Вот как? – центурион задумался. – Нам, Массилий, нельзя возвращаться в лагерь Кавдика.

Массилий склонился над убитым арканитом, открыл его лицо, перерезав ремни маски. Посмотрев в лицо убитого, он произнёс:

– А мы были примерно одного возраста с ним! Интересно, скольких людей его подлая рука отправила в чертоги Плутона?

– Он сказал, очень многих! Он и его брат... – Кассий был погружён в размышления.

– Брат? – Массилий поднял голову, оторвав взгляд от адепта. Он перешёл к другому арканиту и склонился над ним, разрезая ремни маски. Массилий содрогнулся, по его спине пробежала дрожь. – Клянусь страшной Гекатой! Они действительно братья. Кассий, ты должен это видеть! – Массилий выпрямился, оторвав Кассия от размышлений своим возгласом.

Кассий, приняв в мыслях какое-то решение, подошёл к одному из убитых адептов. Взглянув ему в лицо, он перешёл к другому:

– Они подбирают убийц из близнецов! – Он выпрямился. – Орден состоит из убийц-близнецов. Да! Тут даже упомянутая тобой Геката содрогнулась бы от ужаса! Похоже, легенды не врут, говоря, что Ромул создал орден.

Массилий, осмотревшись по сторонам, спросил:

– Ты что-то говорил про возвращение в лагерь? Почему нам нельзя возвращаться?

Кассий протянул Массилию письмо... Массилий улыбнулся:

– Кассий, я происхожу из рода рыбаков из Остии. У нас не было рабов греков! Я не обучался грамоте. И даже к рождению моего отца, этруски, кои учили всех грамоте, уже покинули Аппенины. Вся моя грамота закончилась, когда обучили меня вязке рыболовных снастей и продаже улова с выгодой!

– Прости, Массилий, не подумал! – Кассий примирительно улыбнулся. – Кавдик поручил мне доставить письмо, в котором приговорил меня к смерти. Далее, он поручил бросить мой труп к вон тому храму Артемиды, а храм сжечь!

– Для чего? – удивился Массилий.

– А вот это мы сейчас попробуем узнать! Если ты, конечно, со мной, друг мой!

– Где быть декану, как не рядом в строю с центурионом. – В голосе Массилия не было ни капли раздумий. – Сейчас, Кассий, я приведу твою лошадь!

Массилий скрылся в зарослях. Через несколько минут, он появился с лошадью Тибула, к крупу которой был прикреплен щит Массилия.

– Знал, ведь, я! Встретишь тёмного убийцу на ночной дороге, и она приведёт тебя в тёмный лабиринт его тайн!

Кассий выехал ему навстречу верхом на лошади, которую дал ему Скрофа. Между тем, уже наступил вечер, солнце скрылось за горизонт.

– Ну что, Массилий. Пора нам посетить владения Артемиды, на которые Двуликий обратил свой взор!

Они пустили коней в галоп...

Глава 21

...Кар открыл глаза, чувствуя какие-то качания в невесомости... Сквозь пелену приоткрывшихся глаз стали проступать какие-то неясные формы... Он стал вслушиваться в звуки, раздающиеся вокруг. Однотонный шум слышался вокруг его... И ещё... Он напрягся...

«Ну конечно... Это чайки... Крик чаек... – пронеслось у него в голове. – Значит, я не мёртв!»

Он попытался пошевелить пальцами... И ощутил их непослушность... Несколько минут Кассий вслушивался в окружающую его тишину...

...Вдруг он услышал звуки шагов, которые, судя по возрастающей громкости, явно приближались к нему... Над ним кто-то склонился, и он почувствовал, как влажной материей протирают ему лицо.

– Ну вот, ты пришёл в себя, центурион! – услышал он греческую речь.

Зрение постепенно прояснялось... Стал угадываться деревянный потолок и балки перекрытия. Кассий поводил глазами из стороны в сторону...

– Зрительная реакция в норме. Теперь, тебе надо усиленно начинать восстановление всего организма, чтобы быстрее встать на ноги.

Кассий увидел человека лет сорока, курчавая борода на щеках срачивалась с курчавой шевелюрой. Он тихо спросил:

– Кто со мной разговаривает?

Кассий услышал свой голос как будто со стороны, и он ему показался чужим от слабости.

– Я лекарь Протогор, – представился человек.

– Это я вам обязан своим выздоровлением? Спасибо! Я думал уже, что лечу во мраке космоса.

– Да! Ты и твой друг были совсем близки к грани небытия! Но не только моя заслуга в том, что вы пошли на поправку! Этим вы ещё обязаны двум милейшим созданиям, которые попеременно дежурили у ваших изголовий.

– А Массилий? Где он?

– Он лежит за тобой. С ним всё хорошо. Но, сейчас, он спит.

– А где мы находимся? – спросил Кассий.

– Вы на корабле Гамилькара! – отвечал Протогор.

– Мы в плену? – насторожился центурион.

– Нет, вы скорее гости на корабле! Гамилькар сам перевёз вас сюда и сам оказал первую помощь в храме. Если бы не его умение, то я навряд ли смог бы вам помочь.

В этот момент послышался звук и шум нескольких пар ног.

– А вот и ваши спасительницы! Оставляю вас, так как у меня есть ещё пациенты, – Протогор улыбнулся и удалился. – Не давайте ему подниматься, он ещё слишком слаб, – услышал Кар слова лекаря, обращённые к кому-то.

Через мгновение Кар мог созерцать черты своих спасительниц. Несомненно, это были те незнакомки из храма. Там, в пылу схватки, Кассий отметил их ослепительную красоту, но любоваться ею смог только здесь. Одна была лет двадцати пяти, с тёмными волосами, спускающимися на её нежные плечи разнообразными волнами. Взгляд её был обворожительным, глаза сияли неиссякаемой добротой и теплотой. Она держалась совершенно открыто и, кажется, была способна обворозить весь свет.

Другая была моложе. Ей едва минуло двадцать. Светлые волосы спадали ей на грудь крупными кудрявыми локонами. Она смотрела на Кассия застенчивым взглядом. Глаза её были большие, а необычайная голубизна их заставила Кассия раствориться в их глубине.

– Мы вчера ждали твоего пробуждения, центурион! Меня зовут Кларисса! А это Иола! Как нам тебя называть, воин Республики? – Кларисса улыбалась, задавая Кассию вопрос.

– Меня зовут Кассий Кар, – по-гречески ответил Кассий.

– Вот и познакомились. Я думаю, Иола, нам теперь можно побрить Кассия, а для этого нам больше не нужно разрешения Протогора, – Кларисса перевела взгляд на Иолу. Иола, встретившись взглядом с Кассием, вспыхнула и отвела взгляд обратно на Клариссу.

– Полно, девочка! Принеси-ка нам лучше горячей воды и хорошее лезвие!

Иола с радостью бросилась исполнять просьбу Клариссы.

– Спасибо, Кассий, что вступился за храм и незнакомых тебе жриц этого храма! – поблагодарила его Кларисса. – Мы были все в восхищении от твоей доблести и храбрости твоего друга! Я никогда не присутствовала при сражении, но то, что я увидела в храме, повергло меня в шок! Мне казалось, что сам Марс руководит твоими мечами. Я видела, как убийцы-арканиты кусали локти от безуспешности своих атак. А когда ты поразил троих из них, их старший шипел как змея!

– Что с остальными? – спросил Кассий.

– Они отправились на суд к своему Двуликому! Наверное, римский бог уже отослал их в свои чертоги, – предположила Кларисса. – Так зачем ты вступился за нас, Кассий?

– За час до нападения на храм двое таких же пытались убить меня в священной роще нимф недалеко от храма. Они бы сожгли храм. Я солдат Республики и мой долг защищать честь Республики не только на полях сражений, но и защищать репутацию Республики в других обстоятельствах! Вы смотрели на лица убитых? – спросил Кар.

– Нет, они же были в масках, – удивилась Кларисса.

– Все убийцы попарно близнецы! – Кассий на минуту задумался. – И я думаю, что орден находит или подбирает их по всему известному свету.

Он замолчал, тяжело дыша. Кларисса молчала, поражённая услышанной новостью. Но, увидев, что Кассию тяжело, она очнулась:

– Всё, всё, хватит разговоров! Поговорим позже! А, сейчас, займёмся приведением в порядок лица нашего храброго центуриона, – сказала Кларисса, увидев Иолу, несущую бритвенные принадлежности.

– А после приятных процедур по наведению красоты у нас запланирован вкусный обед, – подытожила Кларисса и они с Иолой защебетали вокруг Кассия. Кассий заметил, что его сердце стало учащённо биться после прихода светловолосой Иолы. Их взгляды то и дело встречались...

Глава 22

Корабли Карталона неслись к острову Самосу, где царь Акрон раз в четыре года устраивал состязания всякого рода воинств, которые собирались со всего света. Корабли уже миновали острова Киклады, где на множестве подводных скал и рифов погибли и исчезли в морских глубинах тысячи кораблей и мореходов. Тысячи лет в этих водах обитали коварные сирены, заманивающие моряков на скалы своим невероятным пением. Море, здесь, было беспокойным. Ветер завывал неистовым голосом, пролетая сквозь корабельное снаряжение, будто предупреждая о грозящей опасности...

...Карталон вывел свои корабли на границу Критского моря, чтобы избежать встречи с сиренами, и шёл курсом к южным островам Спорады. Там он намеревался пройти до острова Кос и повернуть на север вдоль берегов Малой Азии, чтобы дойти до острова Самос.

Три дня назад они вышли из Пирея, порта Афин. Пирей поразил своим видом всех мореходов флотилии Карталона, включая его самого. Огромное количество кораблей вмещал пирс Пирей. С залива казалось, что в порту вырос лес мачт. Вдоль пирса были построены склады товаров, где торговцы могли арендовать за определённую плату у городских властей складские помещения. И уже, не боясь порчи товара от стихийных бедствий и хищений, вести торговлю в Афинах, подвозя туда товар мелкими партиями. От Пирея до Афин были проложены две дороги – в город и назад, чтобы транспорт не мешал движению друг друга. Также, были построены длинные стены, замыкающие порт с городом. Все фортификационные сооружения были построены на должном уровне. Строителем и автором этих великих замыслов был один человек, великий стратег Афин Перикл.

Сибиллу поразила архитектура Афин. Столько мраморных портиков, групповых статуй, отдельно стоящих изваяний она не видела никогда. Театральные одеоны с шедшими на них представлениями и трагедиями Эсхила, Аристофана, и их более поздних последователей, были едва ли не самыми важными пунктами посещения испанской девушки. Вместе с Карталоном они посетили и знаменитую академию Платона. Это было прекрасное для Сибиллы время, за которое она вновь пополнила свои познания в сфере образного миропостроения. Находясь, вместе с Карталоном, в центре образованнейших, как тогда считалось, людей того «просвещённого» мира, она ощущала себя счастливейшим человеком на земле. Будто, в тот момент, не продолжалась война с грозным Римом, способная разрушить их идиллию в одночасье. Будто смерть не летала над ними, в обличии зажжённых зарядов баллист или смертельных жужжащих римских стрел. Всё это отступило на время, перед всепоглощающим чувством жажды познания нового и не совсем понятного...

Война часто брала на себя роль судьи и исполнителя приговора в одном лице. Но вынести приговор Карталону и Сибилле она ещё была не готова. Ночами Карталон искал ответа, спрашивая себя, сколько ещё продлится война и их скитания с Сибиллой? Но ответа не находил... С ранних лет его тянуло к морю и приключениям. В Карфагене, в храме Молоха жила жрица Антифона, которая была родом из великого города мореходов Тира. Она хранила знания своего рода, не имея возможности передать их своим потомкам, так-как таких уже не было в городе торговцев Карфагене. Вечерами она покидала мрачный храм, где царил культ страшного Молоха, древнего божества, питающегося душами принесённых ему в жертву. Культ был покрыт тайной и мало кто был посвящён в него. Власть отцов города – Совета суффетов – не могла мириться со столь жестоким культом и, поэтому, отделила храм от города в политическом отношении, образовав под его эгидой Священную Касту жрецов Храма, которая надеялась голосами в Совете. Священная Каста жрецов курировала и культы Бааля, Танит и Милгарта...

... Жрица Антифона сидела в порту Карфагена и смотрела на корабли, вспоминая свой род. Все окружающие боялись жрицу страшного культа, сидевшую так часто на пирсе, и обходили её стороной. И только один мальчик из рода Баркидов нашёл с ней общий интерес. Карталон вместе с ней просиживал в порту до поздней ночи, слушая её рассказы о далёких землях и чудесах на них. Вскоре, по городу пошёл слух, что жрица украла сердце маленького мальчика, чтобы подчинить его помыслы своим тёмным планам... Теперь, портовый люд сторонился их обоих. «Мальчик испорчен!» – говорили они. Отец Карталона, наслушавшись этих домыслов, решил поговорить с сыном... Но после беседы больше не обращал на эти разговоры внимания. И встречи мальчика и старой жрицы продолжились... Карталон дал себе и Антифоне слово, что станет мореходом и отправится с ней в далёкие путешествия. И действительно! в первой же войне, в которой участвовал юный Барка, он отличился, проявив изрядное мужество. За это отличие ему дали в подчинение несколько галер для блокады торговых путей Ливии... С этого началась карьера морехода Карталона. Он взял на борт ставшую необходимой жрицу и постигал науку моря, слушая её советы. Они плавали вместе более восьми лет...

Флотилия Карталона пересекла Критское море и ожидала увидеть на горизонте остров Кос.

– Тоган, что видит дозорный на мачте? – Карталон, выйдя из рубки, посмотрел наверх мачты.

– На горизонте дымка, пока ничего не видно! Прикажешь поменять курс?

– Нет! Пусть смотрит в оба! Нам нужно будет сориентироваться по самой высокой горе острова.

Карталон шёл вдоль борта галеры, вспоминая Антифону. Подойдя к носовой части, Карталон всмотрелся в горизонт. Воспоминания о совместных плаваниях нахлынули на него и он произнёс:

– Интересно, где ты сейчас, Антифона, нашла ли ты, в другом мире, своих родных, которых так искала в этом?

– С кем это ты говоришь? – услышал он сзади голос Сибиллы, которая прокралась к нему на нос корабля.

– Я вспоминаю моего старого товарища по морским скитаниям! – Карталон обнял Сибиллу и прижал её к своей груди.

– Нет, нет! Ты произнёс женское имя! – утверждающе сказала Сибилла, подняв глаза на Карталона.

– Да, женское! Её имя Антифона, она была последней из рода Антифонов в Карфагене. Она проплавала с самого детства и до своего двадцатипятилетия со своим отцом Антифоном Соттом, который был знаменитейшим мореходом старого Тира. В своё двадцатипятилетие она решила стать жрицей Молоха, чтобы вымолить у Молоха удачу на возвращение своего отца и братьев из плавания, которое он решил сделать за Геракловы столпы во славу торговли Карфагена. Она каждый день выходила в порт города, ожидая возвращения кораблей отца! Но из этой экспедиции никто не вернулся. Антифона продолжала каждый день по вечерам ожидать возвращения своих родных. Она тихо сидела у пристани и ждала, ждала, ждала... Шли годы. Люди уже забыли, а остальные не знали причину её ожидания у пристани и стали распускать всевозможные слухи... Много позже, мы вместе с ней искали следы её отца далеко за Геракловыми столпами. На одном из островов, куда мы доплыли, переборов страшный шторм, дикие племена вспомнили и рассказали нам, как много лет назад к ним приплыли такие же галеры. Из них вышли люди и торговали с ними. Потом галеры уплыли дальше... Но до сих пор племена помнят, что их паруса горели пламенем... Антифона плакала, услышав это... Это был её родовой герб! Мы плыли ещё шесть дней в том направлении, но больше никакой земли не встретили. У нас кончалась пресная вода, и к тому же небо покрылось облаками, что затруднило ориентацию по звёздам... Мы вынуждены были повернуть. По возвращению

в Гадес Антифона только тем и жила, что где-то далеко, в другой стране, ещё есть её родственники, и мечтала найти их! Мы плавали в Тир, на Крит, но всё тщетно! И вдруг на острове Кос, в одном из портов, моряки рассказали, что видели совсем недавно у берегов Африки, за столпами, галеры с пламенем на реях! Антифона приобрела совсем другой вид, она просто сияла от проснувшейся новой надежды! Мы отплыли в Карфаген, чтобы на следующий месяц отправиться вновь на поиски за Геракловы столпы. Но по приезду в Карфаген, Антифона заболела и, проболев два месяца, в одну из лунных ночей умерла... Через год я отправился на поиски её рода сам... В той экспедиции я встретил Тонгу...

Карталон замолчал, о чём-то размышляя. Ветер играл копной его волос, перебирая пряди. Сибилла, прижавшись к его груди, слышала стук его сердца...

– Обещай мне, Карталон, что когда-нибудь мы вместе отправимся на поиски рода Антифоны! А может, навсегда покинем эти берега, где зло окончательно поселилось в умах людей и война, за богатства, стала смыслом их жизни! – Сибилла, оторвавшись от его груди, смотрела ему в глаза.

Карталон, глядя на прекрасные черты любимой женщины, глядя в глаза, полные любви и преданности, произнёс:

– Обещаю! Когда опасность вторжения римлян будет преодолена, мы оставим берега этого моря и отправимся на поиски рода Антифоны! Ведь я ей это обещал, держа её за руку в последние мгновения её жизни!

– Виден остров, Карталон! – прокричали с дозорной вышки на мачте.

– Видна ли высокая гора с белой шапкой? – крикнул дозорному Карталон.

– Она только и видна! Остальное закрывает дымка, – был ответ.

– Тоган, правь по ветру! Сегодня мы должны миновать остров Кос, – дал направление движения галеры Барка.

Глава 23

Самос. Один из Ионических островов, принадлежащий греческой цивилизации. Как рассказывают легенды, несколько тысячелетий назад, был заселён расселяющимися колонистами, которые построили здесь одну из своих метрополий. В разные времена, остров играл разные роли. Входил в Делосский союз Кимона, рассвета Афинского влияния в Греции. Не минуло его и македонское владычество. Но после распада империи Александра Великого и начавшейся войны Диадочов остров был предоставлен самому себе. Был провозглашён полисный статус государства. Со временем укрепившаяся империя Селевкидов взяла остров под свою протекцию.

На острове существует несколько высокогорных плато, вершины которых поднимаются в некоторых местах за тысячу метров. Самые высокие вершины расположены в западной части острова. Эта часть менее заселена, так как с древности считалось, что здесь, на этих высотах, распространено влияние злых порождений богов. На горах Керкелеаса, по мифам острова, обитал дракон, с которым не мог справиться ни один из героев, прибывавших сюда для сражения с ним. Дракон угнетал остров, имея на самой высокой вершине Керкелеаса потайную пещеру, куда стаскивал сокровища со всего острова. Бедствия на острове продолжались не одно столетие, и тогда Гера, покровительница острова, решила усыпить огромного дракона. Дракон погрузился в сон, обняв свои сокровища. Но легенды гласили, что, если отыскать потайную дверь, ведущую в вотчину дракона и покуситься на его сокровища, он проснётся. Иногда, на острове чувствовались колебания земли, и старики замечали, что это дракон переворачивается с боку на бок...

Люди с осторожностью заселили западную часть острова, в основном, прижимаясь к побережью, но обходя вершины Керкелеаса. В северной части острова, основали город-крепость и назвали его в честь дракона – Дракос. В этом городе стали располагаться правители острова, распространяя свою власть на весь остров. Сам остров похож на пузатого, ныряющего в Эгейское море дельфина, головой которого является часть острова с горами Керкелеаса, а раздвоенным хвостом восточная часть острова.

Со времён единоборств героев с драконом на острове зародилась традиция – проводить раз в четыре года турнир всевозможных воинов, которые прибывали на остров попытать воинского счастья и славы. Со временем турнир перерос в состязания всякого рода наёмников, которые проводили диктаторы-цари Самоса, поддерживая старую традицию. Воины всего мира прибывали на Самос в город Дракос продемонстрировать своё воинское умение и искусство, а заодно повыгоднее продать себя в какое-либо войско. Наблюдатели разных монархов присутствовали на турнире, чтобы купить какого-нибудь мастера для обучения своих рекрутов, а кто и хорошего стражника. Весь эллинистический мир следил за проходившими турнирами глазами своих представителей.

На один из таких турниров и спешил сюда Карталон Барка, нуждающийся в наёмниках для войны с Римской республикой. Корабли проплыли вдоль берегов Малой Азии и достигли восточной оконечности острова. Здесь, они повернули влево и поплыли вдоль берегов Самоса, огибая «пузатую часть дельфина», к одному из портов острова, находящегося в головной части, Ормеусу. Здесь, предполагалось оставить флотилию, а остальную часть путешествия преодолеть наземным путём, до цитадели царя Акрона в Дракосе. На следующее утро корабли вошли в порт Ормеуса.

– ... Тоган, спустись на берег и приобрети для нас несколько десятков лошадей. – Карталон был занят приготовлениями к предстоящему путешествию. – Скалис, подбери полсотни воинов, проверенных в сражениях. Выступаем в полдень!

После обеда всё было готово к путешествию и отряд во главе с Карталоном отправился в Дракос. Путь избрали самый короткий, через окрестности возвышенностей Керкелеаса. На кораблях старшим остался галл Скалис. Чёрного нубийца Карталон взял с собой. В отряде был воин родом из этих мест, он присоединился к флотилии в Коринфе и вызвался проводить отряд самыми короткими тропами. Воина звали Эгист. Отряд имел две повозки, остальная часть была конной.

Они двигались по холмистой местности мимо возвышающихся слева вершин Керкелеаса.

– Скажи, Эгист, неужели люди не пытались найти вход в пещеру дракона? Ведь, всегда найдутся такие, готовые на всё, ради золота, – спросила Сибилла, сидя верхом на лошади.

Эгист минуту обдумывал вопрос Сибиллы и ответил:

– Рассказывают, что богиня Гера засыпала огромными камнями вход в пещеры Керкелеаса, чтобы любопытные не потревожили сон дракона. Но, от переворачиваний дракона во сне, камни просыпаются в пустоту. И, поэтому, то там – то здесь, открываются новые лазы. Многие, отчаянные искатели обогащения, лазили туда. Одни вернулись, других уже никто не видел!.. Дракон дышит и выпускает серный газ, от вдыхания которого кружится голова и человек падает замертво. Если, он вовремя не покинет сумрак пещер, останется там навсегда! Наши местные храбрецы уже не лазают туда, зная о мёртвом дыхании дракона. А вот искатели приключений с других островов или уголков мира продолжают губить свои жизни ради золота!..

После этого рассказа среди путешественников воцарилась тишина. Все обдумывали слова Эгиста.

– Говорят, в древности боги царства Шумер выкачивали золото с нашей Геи. Людей они использовали как орудие для добывания золота и кристаллов. Они хотели что-то изменить в структуре Геи, чтобы сделать её более пригодной для себя. Что-то им мешало стать полновластными хозяевами Геи. Но сама Гея, как бы очнувшись от забвения, в которое была ввергнута, страхнула с себя их владычество и создала непроницаемую завесу от проникновения в свою среду сброшенных врагов. И тогда они создали драконов, которые разлетелись по всему свету и собирали для них сокровища, сохраняя всё в своих чертогах до возвращения своих хозяев, – после некоторой паузы рассказал Карталон.

– А где находится Шумер? – спросил Тоган, заинтересовавшийся услышанным.

– Где-то на Востоке, между двух Великих рек. Я сам никогда там не был.

– Откуда же это ты знаешь? – спросила Сибилла.

– Антифона передала мне этот рассказ. Она имела доступ к тайным знаниям в библиотеке Молоха. Она много чего поведала, но, чтобы постигнуть все тайны, переданные ею, одной моей жизни будет недостаточно, – улыбнулся Карталон.

Разговор перешёл на обсуждение правления на острове царя Акрона. Царь уже был в годах, но твёрдо держал бразды правления, сохраняя законность на острове.

– Акрону уже шестьдесят, – рассказывал Эгист, – но он ещё крепок в теле и светел в разуме. Он не всегда был царём Самоса! В молодости он участвовал в войне в восточных областях Селевкии, но был ранен и лечился на острове. Здесь, он проявил мудрость и не раз выручал жителей острова от крупных военных столкновений с соседними островами. Островитяне оценили его одарённость и талант избегать военных столкновений и на очередных выборах диктатора острова избрали его пожизненным диктатором. Позже, когда Антиох заявил свои права на остров, Акрон сумел убедить царя в лояльности к нему и тот дал ему титул царя Самоса. Островитяне с радостью узнали об этом! Ведь, он мог прислать какого-нибудь самодура или стяжателя богатства. И теперь, остров платит Антиоху подать, но не слишком обременительную для себя. У нас много портов, которые расположены очень удобно для торговли через Эгейское море! Торговля приносит хорошие доходы, население благоволит к Акрону, а он устраивает для народа всякие празднества.

– Турнир один из них? – спросила Сибилла. – Как он проходит?

– Да! Турнир один из любимейших празднеств острова. Он проходит пять дней. Первые три дня соревнуются в меткости различные копьёметатели, пращники и лучники. Четвёртый день идут состязания копейщиков. Пятый день – борьба воинов с мечами, топорами и другим рубящим оружием. А вот дальше возникает интрига! После пятого дня состязаний может возникнуть необходимость и шестого! На шестой день могут объявить схватку самого сильного копейщика с самым сильным мечником. Он возникает, если финалисты четвёртого и пятого дня вызывают на поединок друг друга. Тогда, это самый ожидаемый, зрелищный бой!

– Они дерутся наточенным оружием?! – с удивлением спросила Сибилла.

– Нет. Акрон строго относится к этому. На состязаниях нельзя наносить увечья сопернику. Оружие, тщательно, проверяется перед боями. Но... последний бой, может быть проведён боевым оружием, если на это решится один из соперников. – Эти слова Эгиста, подтвердили опасения Сибиллы.

– А если другой не согласится? – спросила испуганная Сибилла.

– Тогда победа достаётся вызывающему вместе с доспехами побеждённого. Но, это происходит очень редко! Обычно, если такое произошло, противники сходятся в смертельном поединке!

– Не понимаю?! Для чего, нужно рисковать жизнью не на войне? – не унималась Сибилла. – Ради своей страны или народа? Это понятно! Но ради победы в турнире? – Сибилла пожалала плечами.

– Ты забываешь, Сибилла, что здесь основным стимулом согласия на поединок главным образом является честь и доблесть воина. Его авторитет и слава стоят, здесь, на кону!

– Да? На каком Кону? И из-за этой славы кто-то должен умереть! Где, вы прочли такие кона? У нас в Иберии нет таких конов! Там ещё помнят истину традиций... А что же Акрон? Почему, он закрывает на это глаза?

– Здесь, Акрон не властен! Эта традиция зародилась до него! И он не вправе отменять её. Он всего лишь напоминает соперникам о благородстве к побеждённому сопернику и бесценности жизни! – объяснил Эгист.

– Не обязательно убивать противника, Сибилла, можно просто ранить его или просто обездвигнуть. Всё дело в этике традиций, как говорит мудрость. – Внезапно, вступился за правила турнира Карталон.

– Да-да! Именно так поступил Карталон со спартанцем Пехнелаем в поединке, перед битвой при Хадаште! Победа Карталона сохранила жизни многим воинам противоборствующих сторон! – припомнил Тоган. – Карталон так дал ему мечом по затылку, что бедный спартанец, пытавшийся несколько раз пронзить и разрубить Барку своим копьем с огромным наконечником, в итоге был унесён с поля в беспмятстве, а гарнизон Хадашта сдался Баркидам без боя. Кстати, с тех пор Ксантип стал другом Карталона.

– Вот как! А он мне ничего про это не рассказывал. Отправляясь из Гадеса под Хадашт, он сказал мне, что отвезёт Гамилькару только провиант!

– Ну, так оно и было, Сибилла! – Тоган понял свою оплошность и старался исправить свою излишнюю болтливость. – Мы и не собирались сражаться, просто Пехнелай, узнавший, что Карталон прибыл к Гамилькару, решил помериться с ним силой...

– Оставим прошлое, друзья! Вон, что это там? Что за пелена расстилается вокруг вершины Керкелеаса? – Карталон, осадив коня, показал рукой на вершину Керкелеаса.

Всё устремили взгляды в ту сторону, куда указывал Барка...

Вершина покрывалась невесть откуда взявшимся туманом. Все в молчании долго смотрели, как вершину окутывает серая дымка.

– Вот это и есть смертельное дыхание дракона, – в тишине прокомментировал Эгист. – Каждый сотый его выдох вырывается наружу...

И словно в подтверждение его слов где-то в глубине земли раздался какой-то таинственный гул и появившуюся, после этого дрожь земли, явно ощутили и люди, и забеспокоившиеся лошади...

Глава 24

Вечером они въехали в Дракос. Город стоял на естественной вершине холма, который был самой высокой точкой на всей прилегающей местности. С оборонной точки зрения это было очень выгодное расположение города. Если бы какой-либо враг решил осуществить нападение на город, его бы заметили издали и внезапной атаки не получилось. Городские укрепления имели внушительную высоту стен, башни были снаряжены метательными машинами. В дни проведения турнира город наполнялся не только участниками состязаний, но и торговым людом. Уличная торговля преображала город. За серебряные драхмы здесь можно было купить и приобрести всё что угодно! Но людей нужно было не только одеть, обууть и ублажить, но и накормить! Поэтому, в городе все таверны работали круглосуточно, городские власти разрешили уличную торговлю едой, которую приготавливали на огне за короткое время ожидания. На городских улицах стояло множество передвижных печей, где на углях, с пылу с жару приготавливались всевозможные кушанья... За порядком в городе следила городская стража, которая обходила город и все прилегающие к нему кварталы.

При въезде в город, перед городскими воротами Карталона и его спутников остановила стража:

– Мы приветствуем вас в нашем Дракосе! И властью, данной нам нашим правителем Акроном, спрашиваем вас, не наточены ли ваши мечи с чёрными помыслами, во вред нашему городу и проходящему в его границах турниру?

– Нет, уважаемые! Мы прибыли в ваш город с открытыми помыслами, чтобы понаблюдать за проходящим турниром. И обязуемся выполнять все предписания, установленные законами вашего города, гостями которого мы собираемся стать! – ответил за всех Карталон.

– Ну что же, более чем достойный ответ! Сразу видно, что вы уважаемые и порядочные люди! А ваши грозные мечи нужны для самообороны. Проезжайте, уважаемые гости! Добро пожаловать в Дракос!

Стража пропустила Карталона и его спутников. Состязания проводились в Акрополисе, что находился близ дворцовых построек царя Самоса. Там воздвигли несколько арен для одновременных состязаний. Вокруг были построены места для зрителей. Для более комфортного просмотра состязаний места оборудовали матерчатым навесом, уберегающим зрителей от палящего солнца и внезапно налетевшего весеннего дождя. Все подготовленные места могли вместить до двадцати тысяч зрителей. Кроме этого, простой люд мог размещаться вблизи построенных арен, что увеличивало число зрителей турнира на порядок.

Карталон остановил свой отряд возле большого комплекса сооружений, специально возведённых для размещения гостей турнира. За определённую плату здесь предоставлялись бытовые услуги, необходимые для комфортного проживания, соответствующие требованиям того времени. Городские власти, получив от Карталона оплату вперёд за всё время прохождения турнира, с радостью разместили всех людей Барки, поставив их также на ежедневное питание после окончания дневных состязаний. В течение дня гости должны были перекусывать где придётся сами.

Город был переполнен гостями и участниками турнира. В вечерних тавернах только и слышались разговоры на тему начинающихся с завтрашнего утра состязаний.

– Ну что, завтра собираемся пораньше? Надо занять места поудобней, а то посмотри, сколько гостей прибыло! – говорил один ремесленник, по виду принадлежащий к городской лиге гончаров, другому.

– Да! Не забудь взять что-либо из питья и еды. Состязания продлятся до самого вечера! – отвечал другой...

Такие разговоры звучали по всему городу. Также параллельно обсуждению предстоящего турнира звучали обсуждения и прибывших на него участников.

– Видел сегодня лучников, приехавших с самого Египта! Я таких ещё не встречал, глаза подведены, словно у женщины, а волосы уложены!

– А я видел тёмных воинов из далёкой Индии! Мечи у них почти в рост человека, длинные, с изгибом на конце! А ещё видел парфянских катафрактов! Говорят, в бою они вместе с конём составляют одно целое, закованное в броню существо. Но и без коня они смотрятся ужасающе! Все в пластинчатой броне, с внушительными двуручными мечами.

Все, кто что-либо видел в течение дня, торопились поделиться этим в городских тавернах.

– Сегодня, как он и извещал, они прибыли! – говорил человек в белом одеянии другому, который был облачён в одеяние городского чиновника. – Прибыли и обустроились до конца турнира, сняв помещение для своего проживания. Скажу тебе сразу, воины внушительного вида.

– Такого случая больше не представится. Нужно использовать его по максимуму. Готов ли наш воин? – отвечал чиновник. – Мы ждали этого слишком долго, чтобы потерпеть неудачу!

– Воин готов! Его обучали несколько мастеров! Причём, из разных народов! Но самое главное, его обучал один из старых пиратов. Он обучил его искусству грязного боя! Никому неведомы эти приёмы, но они очень действенны! Скоро мы все будем этому свидетелями. Я думаю, он преподнесёт много сюрпризов до своего главного выхода.

– Пусть не сильно раскрывается, оставляя за собой элемент неожиданности для главного боя, к которому его и готовили!

– Хорошо, господин! Он будет следовать вашим указаниям!

– Как я узнаю нашего воина, – спросил тот, кого называли господином, – ведь воинов будет немало?

– У него на шлеме будет... – и второй собеседник сказал несколько слов на ухо своему господину.

– Хорошо. Я буду следить за ним и постараюсь убрать с его пути слишком сильных бойцов, чтоб он не раскрылся раньше времени. У него ещё есть три дня! Пусть готовится! Время настало.

– Время настало! – ответил человек в белом. Он встал и вышел из таверны.

Город погружался в сон перед завтрашними событиями...

Глава 25

Септемий шёл по ночному Риму, находясь в странном волнении от увиденного. Происшедшее с ним не укладывалось у него в голове. Что он видел? Фарс? Фальсификацию? Иллюзию? То, что он в начале находился в каком-то дурмане, это было ясно. Опыянение проходило под действием каких-то курительных дымов и ароматов. Но то, что произошло потом, не укладывалось в голове...

«... Увидеть воочию присутствие бога! Нет, это была не зрительная иллюзия! Здесь, было задействовано всё! Звуки, зрение, смысловое значение слов бога... И для этого они залезли так глубоко под землю. И что это за братья, которые не могут войти в наш мир? Значит, они приписаны не к пантеону Юпитера! Ведь ему официально поклоняется город со дня своего основания, после ухода этрусков. Это какие-то другие боги и нужно им в конечном итоге другое. – Септемия прошиб пот. – Что для них значит Рим или Римская республика? Он пригрозил, что есть другие города, которым они могут помочь возвыситься в случае нашего промедления?! Какого промедления? Катон многого не договорил. И не скажет! Слишком многое поставлено на карту! И я в их игре должен сыграть какую-то роль? Какую? Почему они решились мне открыться? И сколько у них сторонников в Сенате? Наверно, немало... Им нужно возвышение Рима над всем миром! Покорение всех народов! Разве этого хотел Ромул? Что-то не верится. Ромул хотел укрепления Республики! Но не гегемонии над всем миром! Тут что-то не вяжется. Им нужна война. И война именно с Карфагеном! Именно Катон настаивал на ней. Не с Галлией, не с Самнием, а именно с Карфагеном! Идёт война с галлами за рекой По, а мы, не дожидаясь её окончания, объявляем войну Карфагену! Вчерашнему нашему союзнику в борьбе с Пирром! Тут стоит поразмыслить...».

Септемий набрал в лёгкие ночной воздух Рима, спустившись с Капитолия. Ночная прохлада подействовала на него успокаивающе. Септемий постарался привести свои мысли в логическую цепь.

«... Так, значит, Карфаген... Этим богам что-то нужно в Карфагене?! Что? Постой, Катон имеет связь с Регулом. Значит, Регул с ними! Регул сидит в Сицилии. Если рассудить, то Регул должен спешить в Карфаген! А он сидит в Сицилии?.. Мало того, они послали Вульсона под Лилибей!.. Регул во время последней нашей встречи сказал, что ждёт вестей о безвременной кончине Гамилькара. Почему, это для него так важно? И Вульсон под Лилибеем охотился за Гамилькаром. Но потерпел несколько поражений от Молнии. И всё равно сидят там... По логике, шут с ним, с Гамилькаром! Главная кампания будет решаться в Африке! Но они оба в Сицилии. Или они специально убрали Вульсона, чтобы он не мешал? Да! Задача не из простых! Гамилькар для них очень важен. Чем? Да, ещё всплывшая информация о брате Гамилькара Карталоне. Почему советник ордена, только увидев флотилию Карталона, привёл эскадру для его перехвата из Кротона, оголив южное побережье Италии? Значит, им было важно задержать или пленить Карталона. Да, Карталон великий морской стратег, я сам тому свидетель! Но они не видели его в морских сражениях, чтобы вот так броситься за ним в погоню, оголяя конвои...»

Септемий перевёл дух от раздумий. Он вышел к побережью Тибра. Вдоль набережной горели ночные фонари. Вода тихо играла с берегом, облизывая его края. Септемий встал у опоры размашистого моста через реку. Там он простоял минуту-другую, залюбовавшись отражением месяца в Тибре. Вдруг он услышал шорох с той стороны, откуда сам пришёл на набережную. Септемий прижался к опоре моста, слившись с камнем... На набережную осторожно вышли две тени. Минуту они стояли, вслушиваясь в ночные звуки, потом осторожно проследовали к мосту. Но, взойдя на край моста, снова стали слушать ночь.

– Не пойму, куда он делся? Прямо как сквозь землю провалился! – проговорил один из них свистящим голосом.

– Уйти наверх по течению Тибра он не мог, – решил другой, с похожим голосом. – Понтифик сказал, чтобы мы проследили, куда он пойдёт!

– Идти он мог только через мост. Вверх по набережной тупик у храма Тривии.

– Пошли скорее, я знаю короткий путь. Он выведет к развилке у храма Венеры, мимо которой он никак не пройдёт!

И Септемий услышал звук удаляющихся шагов. Через минуту он выглянул из своего укрытия.

«...Аркиниты?! – подумал он. – Мне нужно было десять раз подумать, прежде чем соваться в это осиное гнездо! Они приоткрыли занавес слишком большой тайны, которая скрывалась в веках. В чём тайна, я ещё не разобрался, но приложу теперь к этому все усилия!..»

Септемий снова вышел к набережной.

«...Они думают, что я пересёк Тибр, а я пойду вниз по течению к паромной переправе! Ввиду вскрывшихся обстоятельств мне нужно посетить моего старого друга, проконсула Селинатора! Он занимался древностью нашего города, может, он прольёт свет на эту тайну. Он не может быть с ними, потому что голосовал против войны с Карфагеном!»

С этими мыслями Септемий ускорил шаг и вскоре скрылся в сумраке ночи...

Септемий подошёл к дому проконсула Селинатора и трижды стукнул в ворота тяжёлым бронзовым кольцом. Послышался лай собак, а потом голос из-за ворот:

– Кого носит в такую позднюю ночь, когда все горожане видят сны?

– Кудос, старина, мне нужно переговорить с твоим господином! А тебе не следует относиться ко всем прохожим с подозрением! Среди них есть и добропорядочные граждане, – ответил Септемий.

– О! Неужели я слышу голос нашего дорогого друга, Септемия Бибула! – обрадовался Кудос, старый привратник проконсула. – Проконсул и все мы, его домочадцы, всегда рады видеть квестора Республики Септемия Бибула! – дверь отворилась, впуская Бибула.

– Проконсул отдыхает, Септемий. Мне разбудить его? – Кудос ждал распоряжений.

– Нет, старина. Постели мне тоже постель. Наш разговор может подождать до утра, когда голова не заморочена ночными кошмарами. Да, и принеси немного вина, мне нужно уснуть покрепче!

Через короткий промежуток времени Септемий забылся крепким сном, каким спят, привыкшие к усталости, солдаты...

Утром Септемий открыл глаза и почувствовал себя отдохнувшим и бодрым. Вчерашние ночные сомнения и тайны отступили под солнечным светом, залившим комнату. Он вышел из комнаты, где провёл ночь, и отправился принимать утреннюю ванну, приготовленную Кудосом. Кудос передал ему, что после ванны проконсул ждёт его в своей библиотеке. После утренних процедур Септемий проследовал в библиотеку. Проконсул Гай Селинатор сидел в высоком кресле, обитом шкурами леопарда, в руке проконсула была какая-то книга.

– Я приветствую славного и великого проконсула Гая Селинатора! Мне очень приятно быть в этом доме в качестве гостя. – Септемий приветствовал Гая поднятием правой руки.

– Приветствую тебя, Септемий! Присаживайся рядом, – проконсул показал на соседнее кресло. – Ты же знаешь, что ты мне, как сын! Мой сын находится далеко – в далёкой Греции. Я отправил его туда постигать науки греческих стоиков, там пишется история. Твоё же сердце, как и твою верную руку мне довелось проверить не раз в сражениях с врагами! Что тебя привело ко мне вчера, в такой поздний час?

– Я даже не знаю, с чего мне начать, Гай, – задумался Септемий.

– Начни с самого важного, Септемий, – с улыбкой ответил Гай.

– Хорошо. Я знаю, Гай, что ты любишь рыться в старых манускриптах и увлекаешься ранней историей Рима.

– Да! Эта моя привязанность, после того как мне стал тяжёл меч! Только библии этрусков не являются для меня ношей.

– Вот поэтому, Гай, я решил спросить у тебя! Скажи, имел ли Рем что-либо, что мог бы взять у него после его смерти Ромул?

Селинатор задумался на несколько минут, потом сказал:

– Книги (по древнему библии. Библ – лист. Листать. Старославянский. Отсюда, много книг – библиотека. Пр. Авт.) говорят, что на похоронах Рема Ромул снял с него какой-то амулет, который висел у того на шее. А что, это важно? – Гай пристально взглянул на Септемия.

– Очень важно! А что ты знаешь о строительстве храма Двуликого Януса? – вопросом на вопрос ответил Бибул.

– Храм строил Ромул, – Гай задумался, – говорили, что он якобы встретил бога, – при этих словах Септемиус вздрогнул, – или посланника бога, точно в книгах не указывается. После этого, Ромул решил построить этот храм у Капитолия.

– А про амулет Ромула? Книги говорят, что Ромул носил его всегда?

– Нет. После постройки храма Ромула стали видеть без этого амулета. – Гай снова задумался и произнёс: – Самое главное, что Ромул вскоре вообще отказался посещать этот храм?! Он будто забыл его.

При этих словах Септемиус изменился в лице и погрузился в размышление.

Селинатор с большим интересом наблюдал за задумчивым лицом Бибула. Он хорошо знал его отца. Вся жизнь они были хорошими товарищами. И только внезапная смерть Публия Бибула положила конец этой дружбе. Но Селинатор тут же начал такие же доверительные и дружеские отношения с его сыном, Септемиусом Бибулом, которого, в свою бытность консулом, взял в свой поход против воинственного царя Самния Амвросия. Септемиус, несмотря на свою молодость, оказался очень способным легатом и проявил себя не только как мужественный воин, но и как одарённый полководец. Поэтому, Гай знал, раз Септемиус думает над чем-то, не стоит мешать ходу его мыслей.

– А что было потом, после того, как Ромул перестал посещать храм Двуликого? – спросил Септемиус.

– А потом он исчез на болотах Латиума, где проводились священные обряды авгурами. А возвратился в город уже богом Квирином. Ты можешь мне, наконец, объяснить, внезапно возникший у тебя интерес к зарождению Республики? Что произошло, Септемиус?

– Я был в храме Двуликого и видел бога! – сказал Септемиус. Глаза его наполнились отрешённостью, видно, воспоминание об увиденном снова заполнило его разум...

– Ну вот, новость! – спокойно отреагировал Гай. – Ту статую в подвале видели многие! С вырезанным сердцем в ладони?! Орден кровожаден! Это у них с древних времён Рима. Каждый день они находят в своих рядах предателя. – Селинатор досадно махнул рукой.

– Нет, Гай! Ты не понял! Я видел живого бога! Катон проводил меня в какую-то тайную комнату, где путём каких-то обрядов они вызывают его на контакт. – Септемиус говорил совершенно спокойно и серьёзно.

Гай внимательно следил за его лицом и отнёсся к его словам без капельки сомнения в произнесённом. Селинатор хорошо знал Бибула, знал его логику и холодный рассудок.

– Ты беседовал с ним? – спросил Он.

– Нет. Он меня как будто не заметил! Хотя, я находился рядом с Катоном, с которым тот и вёл беседу.

– Поразительно! Об этом я слышу впервые! Ты можешь передать увиденное поподробней?!

Септемиус рассказал проконсулу все свои ночные приключения...

– ... Значит, за тобой шли арканиты? Это псы ордена! Септемий, ты прикоснулся к тайне, постоянной спутницей которой является смерть. Арканиты создавая латынь и выдёргивая символику букв этрусков, даже создали собственного Демона – Диспатора. Это переименованное звание вышних жрецов этрусков. А всё было перевернуто с ног на голову, включая и имя города. Та нечисть, что пролезла в Храм, расчищала поле собственного пространства. Теперь, и твоё сердце может оказаться в ладони Двуликого. Я постараюсь покопаться в древних манускриптах о храме и ордене, может, что и найду о них... Какую-нибудь маленькую ниточку, которую ты сможешь использовать в своих рассуждениях. Пока же я в тупике!.. Особенно от внешности явившегося бога! Но постараюсь тебе помочь, друг мой! После оставления мной военной службы моими развлечениями стали разные тайны прошлых лет. – Гай был полон забот о Бибуле. – Когда ты отправляешься в армию?

– Завтра утром я получу письменные предписания Сената и отбываю с ними в Остию. Дорогой Гай, прошу тебя в первую очередь узнать всё, что можно, об амулете Рема, где он или куда пропал. Всю информацию, которую найдёшь, можешь передать через Клавдия Куриона, нашего с тобой друга. Он сейчас в Регию! И прошу, будь очень осторожен, Гай!

– Я буду нем, как рыба, но внимательным, как сова! Первые хеллины, то есть греки, а вторые потомки светлой расы, к коей и мы с тобой принадлежим, Септемий, – улыбнулся Гай.

Септемий покинул дом проконсула.

Глава 26

Шагая по улицам города, Септемий погрузился в размышления о линии своего поведения на предстоящей встрече с Катонем. «Мне нельзя возбуждать в нём подозрений! Если я сейчас приму их предложение, это, несомненно, насторожит его. Отмолчаться тоже не получится. Значит, надо сыграть шаткое сомнение, которое он постарается перетянуть на свою сторону, открыв мне доступ к ещё какой-нибудь завуалированной информации...».

Так рассуждал Септемий, направляясь в свой родной дом, расположенный вблизи городских казарм. Почти вся эта часть Рима была построена за счёт казны Республики. Все находившиеся вокруг здания принадлежали военным ведомствам города. Везде поддерживался строгий порядок. Только по вечерам было немного шумно от солдатской переклички и топота конных всадников, находившихся в городских патрульных разъездах. Дом Бибулов стоял в стороне, но выходил на ту же площадь, что и казармы. Септемий хотел переместить родовое гнездо в какую-нибудь другую часть Рима. Туда, где больше развлечений и тишины, но смерть любимой жены и ребёнка изменили его, и он посвятил себя служению Республике и своему народу...

– Господин! Наконец-то, вы вернулись в родной дом! – старая служанка Терция, которая знала Септемия с младенчества, радостно хлопотала вокруг него. – После весточки от вас, о вашем скором приезде, мы каждый день ждём этого счастливого момента! Сейчас, подадим обед, господин, а пока нужно омыть руки от римской пыли...

Терция говорила без умолку, вспоминая прежние порядки в доме, когда отец, Публий Бибул, возвращался из похода или путешествия. Септемий отобедал с удовольствием. Родные стены напоминали ему о самых счастливых днях его жизни. Он вспомнил строгого отца, который учил сына быть сдержанным и неприхотливым во всём...

Публий Бибул был очень талантливым политиком и полководцем. Ярый сторонник республиканской государственности, он напрочь отвергал завоевания ради наживы. Республика должна расширяться только путём присоединения территорий вместе с населением, которым должны были предоставлять гражданские права. Многие сенаторы поддерживали Публия... Но внезапная кончина его огорчила весь Рим. Публий скончался от какой-то быстропротекающей неведомой болезни, внезапно поразившей его. Септемию было тогда двадцать пять лет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.